

ХРИСТИАНСКІЙ ВОСТОКЪ.

СЕРІЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНІЮ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВЪ АЗІИ И АФРИКИ.

ТОМЪ V.

ВЫПУСКЪ I.

Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

Содержаніе:

Рубели, І. " ^{два} серебряныхъ ковша XVI вѣка съ армянской и греческой над- писями (стр. 1—13).	Анійскихъ карасовъ (стр. 22 — 39).
Архимандритъ Гарегинъ. Образчики ар- мянскихъ церковныхъ вышивокъ. (стр. 14—21).	Танайшвили, Е. Суджувская церковь и ея древности (стр. 40—50).
Чубиновъ, Г. Декоративное убранство	Разныя извѣстія и замѣтки (стр. 51).
	Критика (стр. 52—72).
	Рисунки на таблицахъ I—XXXVII.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1916.

СОКРАЩЕНІЯ.

AB	Analecta Bollandiana.	EO	Échos d'Orient.
AcIBL	Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes rendus.	GSAI	Giornale della Società Asiatica Italiana.
AAkB	Abhandlungen der Kgl. Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin.	IgF	Indogermanische Forschungen.
APf	Archiv für Papyrusforschung.	JA	Journal asiatique.
ARw	Archiv für Religionswissenschaft.	JAOS	Journal of the American Oriental Society.
ASA	Annales du Service des Antiquités du Caire.	JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society.
B	Bessarione.	JS	Journal des Savants.
BAG	Bibliotheca Armeno-Georgica.	JTSt	Journal of theological studies.
BbZ	Biblische Zeitschrift.	JBL	Journal of biblical literature.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique.	LSSt	Leipziger semitistische Studien.
BCHPh	Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Acad. des Sciences de Petrograd.	MA	Mélanges Asiatiques.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient.	MAcIBL	Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
BIE	Bulletin de l'Institut égyptien.	MAcB	Mémoires de l'Académie Royale de Belgique.
BSA	Bulletin de la Société d'Anthropologie.	MAH	Mélanges d'archéologie et d'histoire publiées par l'École française de Rome.
BSAA	Bulletin de la Société archéologique d'Alexandrie.	MAS	Mémoires de l'Acad. des Sciences de Petrograd.
BZ	Byzantinische Zeitschrift.	MéIBeyr	Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Joseph à Beyrouth.
CHR	Congrès d'Histoire des Religions.	MGGH	Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft. Hamburg.
CQR	The Church Quarterly Review.	Mq	Al-Machriq.
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientaliū.	MMFC	Mémoires publiées par les membres de la mission archéologique française au Caire.
DAkM	Denkschriften der bayerischen Akademie. München.	MSOS	Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. Berlin.
DLZ	Deutsche Literaturzeitung.		

Два серебряныхъ ковша XVI вѣка съ армянской и греческой надписями.

Докладъ, читанный 25 апрѣля 1913 г. въ Восточномъ Отдѣленіи Имп. Русск. Арх. Общ.

I.

Въ мартѣ 1913 года Н. Н. Пальмовъ прислалъ изъ Кіева въ редакцію «Христіанскаго Востока» фотографіи серебрянаго ковша, принадлежащаго неизвѣстному частному лицу, съ просьбой прочесть имѣющіяся на ковшѣ армянскія надписи. Получивъ согласіе владѣльца на изданіе надписи и фотографій ковша, Н. Я. Марръ передалъ снимки для разбора мнѣ.

Ковшъ, изображенный на этихъ фотографіяхъ (табл. I, II,), обычной для русскихъ¹⁾ ковшей формы: круглая, точнѣе — нѣсколько овальная, чаша съ плоской ручкой, сначала поднимающейся вверхъ въ видѣ продолженія стѣнки, а затѣмъ горизонтально загнутой; на сторонѣ, противоположной ручкѣ, края ковша поднимаются вверхъ въ видѣ остраго мыска.

Вся чаша, кромѣ верхняго борта, украшена рельефными ложками, направляющимися отъ окружности ко дну не по прямой линіи, а съ сильнымъ изгибомъ. Внизу ложки утоньшаются и сглаживаются, сверху сильно углубляются; дно снаружи гладкое. Промежутки между краями ложекъ вверху, имѣющіе приблизительно форму треугольниковъ, заполнены рельефными (въ толщину листа) изогнутыми растительными побѣгами. По верхнему краю ковша снаружи идетъ лента бортика, на которомъ читается армянская надпись. Обращенная наружу сторона ручки прерываетъ надпись довольно красивымъ сложнымъ листомъ, имѣющимъ въ серединѣ и по сторонамъ растительные побѣги; небольшой простой листикъ украшаетъ противоположную сторону ковша. По верхнему краю стѣнокъ ковша на ребрѣ — плетеный жгутъ изъ трехъ двойныхъ лентъ. На верхней горизонтальной поверхности ручки также читается армянская надпись. Нѣсколько армянскихъ буквъ вырѣзано на нижней поверхности того же загиба.

1) Ср. также два ковша, серебряный и золотой, изъ кургановъ близъ ст. Бѣлорѣченскія (Я. И. Смирновъ, Восточное серебро, 266, 267; ОИАК, 1895, стр. 31, 33).

Надпись, идущая по борту и находящаяся на верхней части ручки, по формѣ буквъ и по манерѣ и техникѣ рѣзбы должны быть связаны между собою. Буквы рельефны (въ толщину листа) и расположены на углубленномъ фонѣ съ сѣгчатой парѣзкой. Округлыя части буквъ, напр., п, и, о, г, ъ, угловаты, что нисколько ихъ не безобразитъ и не дѣлаетъ тяжелыми, а даже украшаетъ. Отходящіе хвосты буквъ, напр., и, г, ъ, џ, имѣютъ видъ растительнаго побѣга¹⁾. Въ этихъ двухъ надписяхъ довольно много лигатуръ, но всѣ онѣ обычной группировки; два слова сокращены подъ титломъ.

Надпись на ободкѣ ковша идетъ въ одну строку, начинаясь у листика, на сторонѣ, противоположной ручкѣ; въ концѣ первой строки печатаемаго ниже текста надпись приходится лишь, украшающей ручку ковша.

ԻՈՍԷԳՍԱԳԻՆՈՎԻԿԻՆԱԶԻԱՋՈՎՆՅԻՆԻՎԱՅԵԼՈՒՄՆ
 ՀԱՐՈՂԱՆԻՍԻՆԵՅԻՆԻՐՐԿՈՅՆԻԵՆԲԵՂԱՐԱՅԵՆՆԻՆ

Надпись составлена въ стихотворномъ размѣрѣ, очень распространенномъ въ позднихъ армянскихъ надписяхъ, и разбивается на четыре стиха; три слова въ третьемъ стихѣ не укладываются въ размѣръ и не римаются; точки, которыми выдѣлены эти три слова, вѣроятно, имѣютъ значеніе скобокъ.

ԻՈՍԷ Ի ՉՈՒՆԹ ԳԻՆՈՎ ԻՎԻԿ
 ԱՐԶԵՆԱ ԱՋՈՎ ՅՈՍՈՒՄՆ:
 Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ ՀԱՐ ՈՂԱՅՈՎՆ ԵՅ ՅՈՐՐ ՈՐԿՈՅՆ:
 ԿՐԵՆԲ ԵՂԱՐԱՐ ԱՐԵՆԵՐԵՆ:

Это—чаща, полная отца, благословленная десницей Иисуса. Во здравіе²⁾ отца Иоанна и его сына вытѣмъ, брата, вств.

1) Къ надписи на ковшѣ весьма близка по очертаніямъ буквъ вырѣзанная на деревянной доскѣ надпись 1532 г. въ сѣв. притворѣ церкви св. Сергія въ Осодосіи. Растительная форма хвостиковъ буквъ встрѣчается и въ значительно болѣе древнихъ памятникахъ напр., въ двухъ анійскихъ рельефныхъ надписяхъ XIII в. съ алтарныхъ возвышеній, обнаруженныхъ раскопками 1892 и 1909 г. Фотографія одного камня изъ послѣдней надписи издана еп. Гарегиномъ (Овсепіемъ) въ его Атласѣ (*Գարեգին Հայ Հնագրութեան*, Вар. 1913, табл. 47); первая изъ упомянутыхъ надписей видна на фотографіи внутренности стараго Анійскаго музея (см. Н. Я. Марръ, ТР, X, табл. XVII); кусочекъ такой же надписи изданъ Н. Я. Марромъ въ ЗВО, VIII, стр. 77. Образцами расшифтихъ буквъ могутъ служить буквы надписи XIV в. князя князей Буртеле въ Амагѣ (*Գարեգին Ե. Ն.*, табл. 47).

2) Выраженіе Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ, буквально означающее *на пользование, въ пользование*, въ надписяхъ обыкновенно указываетъ на принадлежность предмета какому либо лицу; такимъ образомъ, четвертый стихъ нашей надписи долженъ былъ бы только опредѣлять личность владѣльца ковша, но послѣдующая фраза располагаетъ къ пониманію словъ Ի ՎԱՅԵԼՈՒՄՆ именно въ указанномъ въ переводѣ надписи смыслѣ, болѣе соответствующемъ общему характеру надписи.

На верхней части ручки чашки помѣщена дата: $\overline{\text{ՊՐ}}$.

Въ раскрытомъ видѣ дата читается: ՊՎԻԿՆ ԶԼԸ : *Лѣта 998*.

На нижней поверхности ручки ковша пмѣется еще одна надпись строчными врѣзанными прямыми буквами; впрочемъ, послѣдняя буква близка къ инициальному начертанію. Надпись читается:

$\overline{\text{ՊՐ}}$
 $\overline{\text{ՎՐԴ}}$

Представляется нѣсколько возможныхъ чтеній этихъ двухъ словъ. Первое слово, $\overline{\text{ՊՐ}}$, можно читать *Պարոն արոն, господинъ* или *Պետրոս Սեդր*. Второе, $\overline{\text{ՎՐԴ}}$, можно читать или *Վարդան Երզնկացի* или *Վարդապետ*, послѣднее едва-ли въ значеніи: *варданетъ, doctor*, а скорѣе *мастеръ*, въ каковомъ значеніи это слово имѣемъ не только въ древнихъ памятникахъ, но и въ весьма позднихъ¹⁾; то же слово имѣемъ въ современномъ *Վարդետ Երզնկացի արոն (господинъ) Երզնկացի*, или *Պետրոս Վարդանի արոն Վարդանի*, или *Պետրոս Վարդապետ արդանեթ Սեդր, мастеръ Սեդր*. Конечно, послѣднее чтеніе, наименѣе вѣроятное по формѣ, наиболѣе соблазнительно по своей опредѣленности; противъ признанія въ этихъ словахъ имени мастера могли бы говорить небрежность и несовершенство вырѣза буквъ, да и вообще весь характеръ этой надписи, хотя она и вырѣзана на приготовленномъ мѣстѣ, вродѣ цитки, на фонѣ усыпанной углубленными точками ручки.

Внутри ковшъ украшенъ прикрѣпленнѣй ко дну плоской бляшкой (табл. III), окруженной жгутякомъ и вырѣзными фестонами, съ грубоватымъ пояснымъ изображеніемъ мужской фигуры въ облаченіи, въ орарѣ и въ тюрбанѣ, съ пимбомъ; правая рука благословляетъ, лѣвая держитъ книгу и црсохъ. По сторонамъ фигуры помѣщается рельефная инициальная надпись:

$\overline{\text{ՊՐ}}$	ԼՈ
ՎՐԴ	ԻՍՍ
ՉՈ	ԻՈ
Ը	ՐԻ

1) Напр. въ записи битанца махтези Шахмурада о его пребываніи въ Берсали въ 1683 г. Напана въ журналѣ *Մատեն Եկեղեցական* (еженедѣльникъ, издававшійся въ Тифлисѣ), окт. 1850 г., стр. 99.

2) *Վարդետ* изъ *Վարդապետ*, быть можетъ черезъ *Վարդապետ*. каковую форму встрѣчаемъ въ надписи Сабмадина о построеніи дворца въ Мренѣ въ 1276 г.; см. Н. Маррѣ, Нов. матер. по арм. эпигр. (ЗВО, VII), стр. 83; I. Орбелли, Надписи Мрена (ПЭ, II), надп. 1.

ԱՊՐԻ ԳՐԻԳՈՐ ԸՆԴՈՍԱԿԱՆԻ 2: *Святой Григорий Просветитель.*

Несомненно, эта бляшка не современна ковшу и прикреплена была къ нему, когда ковшь уже былъ готовъ, быть можетъ спусти много времени послѣ его изготовленія; непригодность бляшки къ занимаемому ею мѣсту, грубыя заклепки, которыми она прикреплена, значительная грубость работы по сравненію съ ковшомъ, форма буквъ, существенно отличающихся отъ буквъ главной надписи, идущей по борту ковша, подтверждаютъ это. Вѣроятно, эта бляшка, по справедливому предположенію Н. Н. Пальмова, представляетъ половину нагрудной пряжки отъ фелони или рязы.

Время изготовленія ковша точно опредѣляется приведенной выше датой — 998 г. арм. эры, т. е. 1549 г. по Р. Х. Что же до мѣста изготовленія ковша, то ни его общій видъ, ни детали его отдѣлки не даютъ основанія для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса; впрочемъ, ковшь по формѣ тяготѣетъ, какъ было указано, къ аналогичнымъ русскимъ памяткамъ. Рѣшенію вопроса можетъ помочь лингвистическій матеріалъ, которымъ мы тутъ располагаемъ, — языкъ надписи, представляющей, несмотря на ея краткость, значительный интересъ для армянской діалектологіи.

Въ надписи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія необычныя формы: *ԹԱՅԷ ՅՈՒՆԷՆ, ԿԻՄ ԵՍՆՈՒՅՆ, ԶԻՐ ԱԸՆԵՆՈՒՅՆ ՕՄՏԱ ԵՍԱՆՆԱ, ԶՅՈՒՐ ԵՂՈ ՏՅՈՒՅՆ*. Большой интересъ могло бы представить прочитанное мною въ литературной формѣ слово *ԱՄՉԵՆԱ*, столь типичное въ его разновидностяхъ для различныхъ армянскихъ нарѣчій, но оно, къ сожалѣнію, написано сокращенно, подъ титломъ.

Народная форма имени *Եսանն* *ԱԸՆՆԱ* вм. литературнаго *Զնսաննի* сама по себѣ не можетъ намъ дать ничего, такъ какъ она не типична и встрѣчается въ цѣломъ рядѣ армянскихъ говоровъ.

Слово *եղո*, несомненно звучавшее въ устахъ автора надписи *ԶՅՐ ՆՈՒՅՆ* или, что болѣе вѣроятно, *ՆՍՐ ՆՈՒՅՆ*, могло бы представить цѣную данную, еслибы можно было утверждать, что начальныя *յ յ* принадлежатъ къ составу мѣстоименія, а не являются предлогомъ, соответствующимъ предлогу *ի*, стоящему въ началѣ этого стиха¹⁾. Что же до мѣстоименія *ԻՍՆՐ*, то тутъ мы, безспорно, имѣемъ случай простой безграмотности, явленіе орфографическое, а не языковое; единственное, на чемъ можно было бы настаивать — что авторъ надписи или мастеръ произносилъ это мѣстоименіе не *и* или *иг*, какъ это имѣемъ въ некоторыхъ нарѣчійхъ, а *уиг*, какъ въ литера-

¹⁾ Мнѣ кажется, это мѣсто надписи надо понимать такъ: *Ի ՎՅԵՆՆԱՅՆ ՆՍՐ ԱՇՆՆԻՑԻ ԵՂՈ ՎՅՈՒՅՆ, ԻՍՐ ՆՈՒՅՆ*.

турномъ языкѣ; иное чтеніе слова *hmr*, мнѣ кажется, невозможно: пропз-ношеніе его: *mr* не могло бы быть оправдано никакой діалектической формой этого мѣстоименія.

Такимъ образомъ, для опредѣленія нарѣчія, на которомъ составлена наша надпись мы располагаемъ только тремя надежными формами: *hmy isa*, *hmb im* и *hmr nar*. При малой изученности армянскихъ говоровъ и даже нарѣчій, быть можетъ, рискованно указывать опредѣленно одинъ діалектъ, которому могутъ принадлежать указанныя слова, но, мнѣ кажется, данныя языка надписи подтверждаютъ то, что подсказываетъ форма ковша: единственное нарѣчіе, въ которомъ возможны и сосуществуютъ всѣ три наличныя въ надписи діалектическія формы — нарѣчіе польскихъ и крымскихъ (и пахичевалскихъ) армянъ¹⁾.

Составляющее особенность первыхъ двухъ формъ, *isa* и *im*, появленіе (или сохраненіе) гласнаго *i* (имѣющаго въ каждомъ изъ этихъ двухъ случаевъ особое объясненіе) въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, даже тамъ, гдѣ это не вызывается стеченіемъ согласныхъ и не можетъ быть объяснено исторіей слова, наблюдается въ армянскомъ вообще довольно рѣдко; въ крымскомъ и польскомъ говорахъ оно весьма распространено. Эти же самыя слова у крымскихъ армянъ звучатъ *hmy isa этотъ*, *hmb im* полный, *hmr nar* полный до краевъ²⁾. Въ матеріалахъ по польско-армянскому *Hanusz'a*³⁾ этихъ именно словъ не встрѣчаемъ⁴⁾, но зато имѣемъ совершенно аналогичныя *ihon тамъ*, *ihos тутъ*, *ikañu приходитъ*, *ihaz полякъ*, *ihov Львовъ*⁵⁾. Слово *hmb im* встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ южныхъ говорахъ, напр. въ битлисскомъ⁶⁾, но указательныя мѣстоименія въ этихъ говорахъ, въ случаяхъ приращенія гласной, звучатъ не съ

1) Самѣчайшіеся языковыя факты съ достаточной убѣдительною говорятъ за признаніе если не тождества, то ближайшаго сродства говоровъ крымскихъ и польскихъ армянъ.

2) Форма *ihimq* (разумѣется, — турецкое образованіе отъ армянской основы) подтверждаетъ распространенность формы *imq* и не случайность начальнаго *i*: если бы тутъ имѣлась форма *imq*, то усилительное турецкое образованіе отъ нея звучало бы *ihimq*.

3) Dr. Jan Hanusz, O języku Ormian polskich (Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności, t. XI, Краковъ, 1886). Въ цитатахъ изъ статьи *Hanusz'a* сохранена его транскрипція.

4) У *Hanusz'a* указанъ лишь глаголъ *ihnelu* (s. v.).

5) *Hanusz*, s. vv.

6) См., напр., въ упоминавшейся выше записи Шахмурада, стр. 99, *hmb imq*. Аналогичная форма для начала XV вѣка засвидѣтельствована и въ указанномъ мнѣ Н. Я. Марромъ стихотвореніи Нагана выраженіемъ *shmr nar* (см. К. Костанявцъ, *Wzrost i rozwój języka ormiańskiego*, Вагарш., 1898, стр. 36; издатель совершенно напрасно даетъ чтеніе *h mb*).

р въ началѣ, а съ *р* или *к*: *ruw əsa*, *ruw əta*, *kuw eta*; мѣстоименія *ruw isa*, *kuw isa* имѣемъ въ киликійскомъ нарѣчій¹⁾.

Наиболѣе характерное изъ трехъ интересующихъ насъ словъ — *ζωρ* *haγ otew*. Переходъ дифтонга *aj* въ *a* (или соотвѣтствие *a* дифтонгу *aj*) наблюдается съ полной выдержанностью лишь въ группѣ польскаго и крымскаго говорѣвъ. Въ польско-армянскомъ имѣемъ такія формы, какъ *adz kosa*, *cau əwək*, *gadz uskra*, *gadzag molnā*, *kał wolkz*, *kaγ širopkīy*, *phad dɛrɛwɔ*, *maγ maty*, *maγabɛtkā monaxinā*, *astvadzamāt Bogomater* и *haγ otew*²⁾. Съ такой же яркостью это явленіе наблюдается въ говорѣ крымскія армяны. Аналогичное явленіе встрѣчаемъ и въ карабахскомъ нарѣчій, въ которомъ, однако, невозможна форма *kuw* или.

Хотя замѣна дифтонга *aj* если не звукомъ *a*, то *ä* и наблюдается въ некоторыхъ другихъ (южныхъ) нарѣчійхъ, слово *ζωρ* *haγ* тяготѣеть, несомнѣнно, именно къ указанной крымско-польской диалектической группѣ: сохраненный въ началѣ слова звѣкъ *ζ* и не позволяетъ отнести слово къ составу южныхъ нарѣчій, гдѣ вмѣсто этого *ζ* и имѣемъ всегда *ku* (q³⁾); къ тому же во всѣхъ этихъ нарѣчійхъ такія слова, какъ *ζωρ* *haγ*, *duwr* *maγ*, *quw* *gaγ* звучать не съ *a*, а съ *e*: *kuw* *qer*, *duw* *mer*, *kuw* *kel*; въ киликійскомъ, прекрасно сохраненномъ дифтонгъ *aj* форма *haγ* невозможна.

Если правильно утвержденіе, что надпись на ковнѣ составлена на польско-крымскомъ нарѣчій, въ пользу признанія за надпись ковномъ польско-армянскаго, а не крымскаго, происхожденія можно привести нѣкоторыя историческія данныя, позволяющія намѣтить болѣе точно мѣсто изготовленія ковна.

Въ 1912 г. во Львовѣ вышло въ высшей степени интересное и цѣнное для насъ изслѣдованіе В. Лозинскаго, представляющее очеркъ развитія золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерства въ Польнѣ и спеціально во Львовѣ въ XIV—XVIII вв.⁴⁾ Изслѣдованіе основано какъ на вещественныхъ памят-

1) См. Karst, Hist. Gramm. d. Kilikisch-Armen., стр. 241.

2) Napusz, s. cv: Форма *maγraγin* *материнскій* не нарушаетъ выдержанности указаннаго перехода, т. е. это слово въ данномъ случаѣ явно литературнаго происхожденія.

3) Эта данная, конечно, сама по себѣ, безъ послѣдующей послыаки, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ, очевидно, нашу надпись нельзя разсматривать какъ точную фонетическую запись, и наличие *ζ* и можно объяснить и вѣрностью грамматически-правильному литературному написанію.

4) Такъ напр., въ московскомъ *kuw* и *kuw* *at* *moγn*.

5) Władysław Łoziński, Złotnictwo lwowskie (Biblioteka Lwowska, XV—XVII, Львовъ, 1911-12). Пользуясь случаемъ принести глубокую благодарность Я. Н. Смирнову за указаніе мнѣ трудовъ Лозинскаго, упоминаемой ниже статьи въ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany* и вообще литературы по этому вопросу.

никахъ, такъ и на документахъ, хранившихся въ Львовскомъ городскомъ и въ частныхъ архивахъ и собраніяхъ; обстоятельныя и точныя ссылки на источники придаютъ труду Лозиньскаго большой интересъ. Въ этомъ трудѣ мы находимъ въ перечнѣ львовскихъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ много армянскихъ именъ; число этихъ именъ должно быть нѣсколько увеличено, такъ какъ Лозицскій, по незнакомству его съ армянскимъ языкомъ, могъ не признать въ нѣкоторыхъ мастерахъ армянъ. Въ сообщаемыхъ имъ значкахъ львовскихъ гражданъ¹⁾, въ томъ числѣ, повидимому, и мастеровъ, можетъ быть указано и среди неизвѣстныхъ по владѣльцамъ²⁾ Лозиньскому значковъ нѣсколько армянскихъ лигатуръ, да и среди упоминаемыхъ въ книгѣ, не признанныхъ армянскими именъ, можно было бы указать таковыя³⁾.

Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что, располагая богатымъ матеріаломъ касательно мастеровъ поляковъ и вообще католиковъ, мы, какъ это подчеркиваетъ и Лозицскій, не имѣемъ свѣдѣній о значительной части мастеровъ-инородцевъ («націоналистовъ»), и «схизматиковъ», какъ русины и армяне, и нехристіанъ, евреевъ. Объясняется это препятствіями, долгое время, для армянъ вплоть до середины XVII вѣка, непреодолимыми, къ вступленію ихъ въ цехъ⁴⁾. Еще въ 1600 году это положеніе армянъ и русиновъ было закрѣплено цеховымъ статутомъ, дающимъ и лобопытное обоснованіе этимъ ограниченіямъ⁵⁾. До 1654 г. ни одинъ армянинъ не былъ принятъ въ этотъ цехъ; въ этомъ году особый королевскій указъ открылъ армянамъ доступъ въ цехъ, но съ ограниченіемъ числа, не свыше четы-

1) Złotnictwo, стр. 164—165; W. Poziński. Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie w XVI i XVII wieku, Львовъ, 1892, стр. 386—387.

2) Впрочемъ, см. Patrycyat, стр. 390.

3) Трудности опознанія армянской національности въ средѣ польскихъ ювелировъ, какъ и вообще колоніальныхъ армянъ, объясняется тѣмъ, что ихъ имена не только подвергались частичнымъ илѣннымъ измѣненіямъ (напр., принимали польскія окончанія, какъ Мойзесовичъ, Дадуровичъ, Сахановичъ), но и переводились на мѣстный языкъ (напр., Серебрековичъ, Богдановичъ); еще труднѣе признать армянъ по лицамъ, прѣже переимѣнившихъ фамилію (какъ Стечко).

4) Wiedzieć nadto należy, że źródła wspomniane nie obejmują w tym samym stopniu złotników niekatolickiego lub niechrześcijańskiego wyznania, Rusinów, Ormian i żydów... Ormian, bo także jako akatolicy do cechu należeć nie mogli, a spory ich w najzuważniejszej części rozstrzygały się przed ich własnym urzędem... (Złotnictwo, стр. 18).

5) Въ статутъ гонорится: «Ізъ всьстекъ рзздъ пры ласце і бѣгославіенствіе Божемъ најспокојніежшы быва. кѣтму злотнице реміосло потребује лудзі доброго суміеніа, кѣре в католицкей вѣрзе најлепіеј zachowane być може, не мају злотницы lwowscy między sobą cierpieć ani przyjmować żadnego mistrza heretyka ani schizmatyka, tylko katoliki, oprócz jeślinby się który z schizmatyków, jako Rusin i Ormian, do unji kościoła rzymskiego powszechnego przywrócił». (Złotnictwo, стр. 36).

рехъ. Хотя согласно этому указу армяне не имѣли права избираться въ цеховые старшины, въ 1678 г. уже былъ случай избранія въ старшины армянина Киркора Латышовича¹⁾. Только въ 1685 г. Япъ Собѣскій, «wielki przujaścieł Ormiań», какъ его справедливо называетъ Лозинскій, декретомъ, даннымъ 6 іюня въ Варшавѣ, установилъ полное равноправіе армянъ съ поляками въ этомъ отношеніи, открылъ имъ свободный доступъ въ цехъ и призналъ за ними право избираться въ цеховые старшины²⁾. По словамъ Лозинскаго «Тогда наступилъ полный триумфъ армянъ..... De jure стали уравниены, de facto взяли верхъ»³⁾.

Дѣйствительно, говоря о возрожденіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ въ XVII в. Лозинскій пишетъ: «Знаменательной и очень интересной чертой этого неожиданнаго и внезапнаго расцвѣта уже вполне угасающаго искусства является фактъ, что мы имъ обязаны главнымъ образомъ армянамъ, что означаетъ, что исторія ювелирнаго дѣла въ Польшѣ, какъ она началась преобладаніемъ армянскихъ мастеровъ, такъ и закончилась имъ. Въ самомъ началѣ XV в. (1407—1419), сабдовательно во время, съ котораго удается прослѣдить начало этого искусства во Львовѣ, на 18 мастеровъ ювелирнаго искусства приходились 1 полякъ, 6 армянъ, остальные—нѣмцы. Въ самомъ концѣ XVII в. во Львовѣ работало около 30 армянъ ювелировъ, мастеровъ и подмастерьевъ, цифра, составляющая болѣе половины общаго числа, значеніемъ же въ искусствѣ и богатствомъ поднимающая это соотношеніе до значительно высшей мѣры превосходства»⁴⁾.

Этимъ виднымъ участіемъ армянъ въ развитіи ювелирнаго дѣла въ Польшѣ Лозинскій желаетъ объяснить не одну стилистическую загадку и освѣтить вопросъ, почему такъ долго, такъ упорно, и до столь поздней поры, до середины XVIII в. проявляется такое сильное восточное вліяніе въ польскихъ ювелирныхъ произведеніяхъ, относившихся къ

1) Złotnictwo, стр. 138. Любопытно, что когда въ 1685 г. избранъ былъ цехистромъ другой армянинъ, Порсесъ Мойзесовичъ, избраніе это было кассировано магистратомъ и на цехъ былъ наложенъ штрафъ (тамъ же, стр. 138—139).

2) Лозинскій (Złotnictwo, стр. 139—141) приводит крайне интересный для насъ текстъ декрета, содержащаго и объясненіе причинъ, вызвавшихъ дарованіе армянамъ этого равноправія: «Przeto uważając wspomnianą od lat kilkuset życzliwość, mięstwo i odwagę w defensyi miast Kamieńca, Jazłowca i Lwowa i innych pogranicznych fortec oświadczoną ormiańskiej nacyi ludzi, uważając z nich pożytek miasta naszego Lwowa i tegoż miasta z konkurencyi i osiadania Ormian wielką ozdobę, a stąd zachęcenia i konserwacyi teyże nacyi do osiadania w miastach naszych i Rzpiej oczywistą potrzebę...». Впрочемъ, и въ этомъ актѣ дается предположеніе армянамъ-латинцамъ (osobliwie *ritus romani*).

3) Złotnictwo, стр. 141. Для насъ крайне интересны послѣдующія страницы, подтверждающія, пожалуй, приведенныя слова.

4) Złotnictwo, стр. 122.

нарядамъ, оружію, сбруѣ: его поддерживали и усиливали армяне, львовскіе ювелиры, и главнымъ образомъ львовцы, такъ какъ издавна изъ всѣхъ польскихъ городовъ Львовъ больше всего славился артистической и художественной оправой сабель, богатыми украшеніями сбруи, тонкимъ чеканомъ щитовъ, мисюрокъ, козчановъ и пороховницъ изъ золота и серебра¹⁾.

Во Львовѣ то и хотѣлось бы искать мастера, дѣлавшаго нашъ ковшъ. Если видѣть въ надписи на ручкѣ имя мастера Петра *Պետրոս Վարդապետ*, то быть можетъ слѣдуетъ отождествить этого Петра съ мастеромъ Петромъ, упоминаемымъ Лозинскимъ подь 1520 г.²⁾ или съ извѣстнымъ ювелиромъ Петромъ Чечотовичемъ, упоминаемымъ подь 1547 г. на основаніи львовскихъ городскихъ актовъ³⁾. Но если даже воздержаться отъ этого — не отрицаю — рискованнаго, отождествленія, трудно отказаться отъ присвоенія ковша львовскимъ ювелирамъ.

Несомнѣнно, болѣе или менѣе тщательные розыски должны привести къ обнаруженію еще не одного интереснаго произведенія львовскихъ серебряковъ-армянъ, хотя, вѣроятно, лишь самая незначительная часть ихъ подѣлокъ уцѣлѣла и сохранилась до нашего времени⁴⁾: еще въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка едва избѣгъ перензавки почти современный напему ковшу прекрасный потиръ 1517 г., принадлежавшій Хенцинскому костелу, обмѣненный затѣмъ на новый потиръ и перешедшій въ коллекцію г. Т. Зѣлинскаго въ Кѣльцахъ⁵⁾; на потирѣ сохранилась армянская надпись въ двѣ строки, судя по изображенію ея отдаленно напоминающая формой буквъ надпись на ковши Іоанна. Надпись гласитъ:

1) Тамъ же.

2) *Złotnictwo*, стр. 61,

3) *Złotnictwo*, стр. 62. Лозинскій не указываетъ, какой національности былъ этотъ Чечотовичъ. По фамиліи его можно признать армяниномъ: *Վարդ* «чечот» значитъ по армянски *рыбой*, фамилія Чечотенць, которая у польскихъ армянъ должна была звучать Чечотовичъ, — встрѣчается въ армянской средѣ. Если нѣтъ другихъ данныхъ для опредѣленія національности этого Чечотовича, такое объясненіе его фамиліи представляется не менѣе пріемлемымъ, чѣмъ ея производство отъ польскаго слова *szczęotka* *чечотка*, *коноплянка*.

4) Лозинскій останавливается (*Złotnictwo*, стр. 30) на причинахъ гибели и исчезновенія большей части произведеній польскихъ, въ частности — львовскихъ, ювелировъ.

5) Свѣдѣнія объ этомъ потирѣ, описаніе и недурное изображеніе его и итриховой рисунокъ надписи даны въ польскомъ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany*, t. I, 1859, стр. 301. Въ текстѣ даны переводъ и латинская транскрипція надписи прочитавшаго ее проф. Краковскаго Ягеллонскаго Университета В. Jürg'a: dawithin wortwun andreasin jew dsnoghats thw 966 hi(=hadag). Свѣдѣнія о потирѣ имѣются также въ *Katalog* вѣ *warszawskiej wystawy starożytności* (№ 549), а фотографія его — въ дополняющемъ этотъ каталогъ альбомѣ (*Album de l'exposition des objets d'art et d'antiquité à Varsovie par Charles Beyrer*).

ՊՈՒՌԻՆԴՐՈՒՆ ՕՏՐԵՍՈՒՆ

ԵՒԾԵՂԱՅ ԹՎ. ՁԿԶ ՅԻԾ

ՅԵՂԱՍՍԻՆ, ԳԻՐԹԵՆ ՈՐԳՈՒՄ, ԱԵՏՐԵՍՈՒՆ, ԵՒ ԴԵՂԱՅ: ԹՎ. ՁԿԶ, ՁԿԶ: *Память Даида, сына Андрея, и родителей. Дѣта 966.*

Исчерпывающее собраніе всёхъ подобныхъ памятниковъ или хотя бы литературныхъ свѣдѣній о нихъ крайне желательно¹⁾.

Вопросъ этотъ для армянистовъ весьма важенъ. Ковшиъ Іоанна снова выдвигаетъ вопросъ о необходимости возможно полнаго и всесторонняго изслѣдованія польскихъ, а въ связи съ ними и крымскихъ, армянъ. Армянская колонія въ Польнѣ, когда-то очень обширная, съ теченіемъ времени быстро исчезаетъ, инвelliруясь съ культурно сильными сосѣдями; тщательнo охраняя свою національность (избѣгая смѣшанныхъ браковъ) и религію (они долго и успѣшно выдерживали ожесточенную борьбу съ латинствомъ), польскіе армяне оказались не въ силахъ въ должной мѣрѣ сохранить родной языкъ. Уже въ 1889 г., когда Налписъ работалъ въ Кутахъ, въ Галиціи, среди 1400 душъ армянъ было около только 500, зпающихъ родной языкъ. Необходимо снѣшнть съ изученіемъ исчезающаго нарѣчія. Изученіе польско-армянскаго нарѣчія выводитъ насъ далеко за предѣлы узко-лингвистическихъ интересовъ. Уже теперь знакомство съ нимъ и съ нарѣчіемъ крымскихъ армянъ даетъ основаніе для сомнѣній въ правильности установившагося представленія о польскихъ и крымскихъ армянахъ, какъ выселенцахъ изъ Апп. Этотъ вопросъ первостепенной важности для исторіи Арменіи послѣ потери самостоятельности въ коренной Арменіи; онъ долженъ быть разрѣшенъ конечно не на основаніи легендъ и легендарныхъ записей, а путемъ анализа археологическихъ памятниковъ Крыма и Галиціи, въ частности—тѣхъ восточныхъ вліяній, о которыхъ говоритъ Лозинскій, и

1) При этомъ не должны быть обойдены вниманіемъ даже и такія грубоватыя и позднія произведенія, какъ двѣ литыя бронзовыя иконы въ арм.-кат. костелѣ св. Николая (пока см. X. П. Кучукъ-Іоаннесовъ, Старинныя армянскія надписи, ДВ, II, стр. 40—41). Особо долженъ быть поставленъ вопросъ о вещахъ, хотя и найденныхъ въ армянскихъ колоніяхъ, но не имѣющихъ съ ними внутренней связи, какъ, напр., превосходный образецъ армянскаго серебряныхъ дѣлъ мастерства—ковшикъ изъ морской раковины, входящій въ составъ Бердѣйскаго клада (ОИАК, 1894, стр. 42—43; АИАК, табл. 52; Восточное серебро, табл. LXXVII); надѣюсь скоро напечатать мою специальную замѣтку объ этомъ интересномъ предметѣ.

Нечего и говорить, что нужно снѣшнть съ собраніемъ соответственныхъ произведеній коренной Арменіи, въ томъ числѣ и такихъ вещей, которыя, не будучи произведеніями ювелирнаго искусства, тѣмъ не менѣе имѣютъ съ ними тѣсную связь, какъ любопытныя оловяныя призматическія «бутылки» съ литыми изображеніями святыхъ воиновъ.

прежде всего, — изученіемъ соответственныхъ армянскихъ нарѣчій, наиболѣе надежнаго критерія въ этомъ вопросѣ.

Я уже не говорю о томъ, что разрѣшеніе этого вопроса о происхожденіи армянскихъ коловій въ Польнѣ и Крыму было бы очень важно для обсужденія пока еще гадательныхъ теорій о нѣкоторыхъ восточныхъ, въ частности армянскихъ, вліяніяхъ на русское искусство¹⁾.

II.

Въ самой тѣсной связи съ ковшомъ священника Іоанна слѣдуетъ разсматривать другой интереснѣйшій ковшъ XVI в., знакомствомъ съ которымъ я обязанъ Я. И. Смирнову. Ковшъ этотъ, принадлежащій къ собранію Великаго Князя Алексѣя Александровича, хранится въ настоящее время въ Галереѣ драгоценностей Императорскаго Эрмитажа²⁾.

1) Для установленія даты появленія армянъ въ Галиціи и на югѣ Россіи необходимо прежде всего съ возможной полнотой использовать тѣ скудные данныя объ армянахъ, которые находимъ въ русскихъ литературныхъ памятникахъ, какъ, напр., свѣдѣніе о врачѣ-армянинѣ, жившемъ вмѣстѣ съ другими армянами въ Киевѣ при Владимірѣ Мономахѣ, лечившемъ самого князя и пытавшемся оказать врачебную помощь блаженному Агапиту (Патерикъ Кіевского Печерскаго монастыря, стр. 93—95).

Въ вопросѣ о времени перваго появленія и поселенія армянъ въ Крыму и Бессарабіи исключительное значеніе могли бы имѣть даты двухъ надписей, изданныхъ Х. II. Кучукъ-Іоаннесовымъ (ДВ, т. II, вып. III, стр. 63 и 67), если бы объ эти даты не представлялись крайне сомнительными. Въ Аккерманской надписи дата (по К.-І.) выражена такъ: Թ. ԶԺԳ а въ Θεодосійской: ԹՎ ՎԿԽԻՆ ԿԳԳ. Въ обоихъ случаяхъ первая буква «даты» могла бы быть отнесена къ слову ԹԻԳ, ԹՎ ՎԿԽԻՆ. Дату Θεодосійской надписи слѣдуетъ, вѣроятно, читать не ԹՎ ՎԿԽԻՆ ԿԳԳ, а ԹՎ ՎԿԽԻՆ ԿԳ: буквы, Ռ и Գ, легко смѣшать особенно въ позднихъ надписяхъ съ составными буквами (это прекрасно видно, напр., на упомянутой выше литой иконѣ 1653 г.). Получаемая такимъ образомъ дата Θεодосійской надписи 1557 г. (вм. 1047 г.) вполне подходит и къ языку этой надписи, совершенно невѣроятному въ XI в. Къ сожалѣнію, во время кратковременнаго пребыванія въ Θεодосіи въ томъ 1915 г. я не произвелъ чтенія этой надписи. Дату Аккерманской надписи ԹՎ ԶԺԳ трудно оправдать (если не предположить, что тутъ имѣемъ дату не по великой армянской эрѣ 551 г., а по какой либо другой), такъ какъ, не видя оригинала, не удастся подобрать букву, которую при списываніи надписи могли бы принять за Ժ: близко подходящія по начертанію буквы ժ и ձ слишкомъ близки и по цифровому значенію (50 и 100), а Ծ (500), Զ (700) и Ծ (900) существенно отличаются отъ Ժ; возможно, что въ надписи, или ея копіи, хотя «дата не можетъ возбуждать ни малѣйшаго сомнѣнія», опущено Ռ (1000). — Предлагаемое, быть можетъ слишкомъ смѣлое, исправленіе чтенія датъ было бы недопустимо, если бы въ томъ же трудѣ г. Кучукъ-Іоаннесова не встрѣчались такія неточности, какъ, напр., въ передачѣ упомянутой выше надписи 1592 г. въ ц. св. Сергія въ Θεодосіи, гдѣ въ 13 словахъ имѣемъ 5 погрѣшностей (указ. соч., стр. 68); впрочемъ, къ этой надписи и надписю вернуться въ связи съ вопросомъ объ армянскихъ рѣзныхъ дверяхъ, пахочащихся въ Крыму.

2) Приношу глубокую благодарность бар. А. Е. Фелькерзаму за предоставленіе мнѣ для изданія фотографіи этого ковша.

Ковшъ этотъ (табл. IV) представляетъ собою двойникъ ковша священника Иоанна и вполне сходенъ съ нимъ какъ въ формѣ и размѣрахъ, такъ и въ отдѣлкѣ; отличается онъ лишь большей шириной верхней части ручки, ломанной линіей надъ каймой надписи, формой листьевъ на ручкѣ, а также обратнымъ направлениемъ изгиба ложекъ. Отличіе блишки на двѣхъ ковшахъ, какъ придатка, существеннаго значенія не имѣетъ. Однако же необходимо отмѣтить, что работа этого ковша болѣе грубая, чѣмъ ковша священника Иоанна; это особенно замѣтно на каймѣ съ надписью.

На ковшѣ имѣются двѣ греческія надписи, размѣщенныя точно такъ же, какъ на ковшѣ священника Иоанна, т. е. по краю ковша и на верхней сторонѣ его ручки.

Чтеніе надписи по краю ковша приходится начинать, какъ и на ковшѣ Иоанна, со стороны, противоположной ручкѣ. Листикъ въ началѣ второй строки печатаемаго ниже текста соотвѣтствуетъ листу на ручкѣ ковша. Последнія двѣ буквы не рельефны, а вѣзаны.

ΚΟΥΠΑ ΜΕ ΩΡΑΙΟΤΑΤΗ ΜΕ ΤΟ ΓΛΥΧΟΝ ΤΟ ΟΙΝΟΣ
ΒΑΛΕ ΣΚΟΠΟΝ ΠΡΟΣ ΤΗΝ ΔΕΞΙΑΝ ΚΑΙ ΓΥΡΙΣΕ ΤΟ ΓΥΡΟΣ
ΝΑ ΣΕ ΘΕΩΡΟΥΝ ΟΙ ἄρχοντες βάζοντας εἰς τὸ χέρι
ὡς πίνουσι τὸ νά σε πιούσι.

Надпись эта съ исправленными орфографическими ошибками и съ разбивкой на стихи представляется миѣ такъ:

κοῦπα με ὠραιότατῆ με τὸ γλυχὸν τὸ οἶνος
βάλε σκοπὸν πρὸς τὴν δεξιάν καὶ γύρισε τὸ γῦρος
νά σε θεωροῦν οἱ ἄρχοντες βάζοντας εἰς τὸ χέρι
ὡς πίνουσι τὸ νά σε πιούσι.

О моя прекраснѣйшая чаша со сладкимъ виномъ, брось взоръ направо и обойди кругъ, чтобы тебя созерцали князья (т. е. гости), беря тебя въ руку, когда пьютъ его (т. е. вино), чтобы тебя испить.

На верхней сторонѣ ручки ковша (табл. III), помѣщена дата.

Η
Ω
ΗΛΦΧ
ΕΤΑΠΘ
ΔΦΠ
Σ

Послѣднія четыре буквы, выражающія дату, во всякомъ случаѣ совершенно ясны: $\alpha\phi\tau\varsigma$, т. е. 1586 г. (по Р. X).

Къ доньшку ковша внутри (табл. III) плотно прикрѣплена круглая бляшка, которая тутъ имѣеть менѣе неестественный видъ, чѣмъ на ковпѣ съ армянской надписью, не приклепана, а припаяна, и окружена подвижнымъ кольцомъ изъ серебрянаго жгута. На бляшкѣ на темносинемъ фонѣ весьма грубой эмали представленъ св. Георгій на копѣ, пронзающей копьемъ дракона, а влѣво отъ св. Георгія башенка и въ ней двѣ поясныхъ фигуры въ коронахъ. По сторонамъ головы святого помѣщена пояснительная греческая надпись

ⲐⲚ ⲒⲘⲒⲒⲐⲐⲐⲥ *св. Георгій.*

Къ сожалѣнію, я далеко не въ силахъ использовать діалектологическій матеріалъ, представляемый греческой надписью и нуждающийся въ спеціалистѣ по новогреческимъ нарѣчіямъ; но мнѣ кажется, что многочисленныя орфографическія и грамматическія погрѣшности могли бы дать основаніе для предположенія, что греческій языкъ не былъ роднымъ для мастера, изготовившаго ковшъ.

Во всякомъ случаѣ, для рѣшенія вопроса о происхожденіи ковша съ греческой надписью представляется нелишнимъ значенія полное совпаденіе какъ во вѣщности этихъ ковшей и въ размѣщеніи надписей, такъ и въ техникахъ, да и въ датѣ: разница 37 лѣтъ, ковшъ Іоанна—1549 г., другой—1586 г.

І. Орбели.

Образчики армянскихъ церковныхъ вышивокъ.

Армянскія вышивки, какъ матеріалъ для исторіи искусства, еще не обращали на себя вниманія. Только по наслышкѣ мнѣ было извѣстно, что у насъ въ ризницѣ Эчмиадзинскаго монастыря имѣются цѣнные остатки вышивокъ, изъ которыхъ древнѣйшія относятся къ XIII вѣку, но большинство — позднѣйшія, съ XVII-го по XIX вв. Хочу надѣяться, что когда-нибудь все это мнѣ удастся использовать въ цѣляхъ изученія армянскаго искусства. Пока представляю только нѣсколько образчиковъ, которые мнѣ удалось лишь на короткое время извлечь, поторопившись сфотографировать и вкратцѣ описать.

I.

Хоругвь св. Григорія Просвѣтителя. Древнѣйшій изъ этихъ образчиковъ — хоругвь, извѣстная подъ именемъ хоругви Просвѣтителя (0,83 × 0,59 м.). Шелковая рама, равно какъ и три висящія ленты — заплатки, пришитыя въ позднѣйшее время. На одной сторонѣ изображена группа: въ центрѣ — св. Григорій Просвѣтитель, по его правую сторону — царь Тиридатъ, а по лѣвую — св. дѣва Рипсимэ (табл. V). Надъ головой каждой фигуры вышито имя:

ՏՐԴԱԹ Թ ԳՐԻԳՈՐ ԸՄԵ ՄԱՐԻՇ

Տրդատ — Тиридатъ *Գրիգոր ըւմ Եմարիշ* — св. Григорій Просвѣтитель и *Մարի Շարիմե* — св. Рипсимэ.

Св. Григорій изображенъ въ облаченіи: на немъ длинный доходящій до самыхъ ногъ полосатый стихарь, поверхъ котораго одѣта желтая шелковая епитрахиль (*փորճարի օրհար*), а на плечѣ омофоръ (*Եմբարոն օմօֆորոն*) съ вышуклыми вышитыми крестами. На правомъ бедрѣ — патриаршая палица (*Կնքեռն էփրօնատիւն*). Риза по византійскому образцу короткая, бѣлаго цвѣта и покрыта

черными вышитыми крестами. Риза, усѣянная крестами, какъ можно заключить изъ современныхъ патріаршыхъ портретовъ въ миниатюрномъ искусствѣ, была присвоена лишь армянскимъ католикосамъ. То же можно сказать и о паллцѣ, которою и поднесъ облачаются одни католикосы, и право ношенія которой лишь въ исключительныхъ случаяхъ получаютъ отъ католикоса выдающіеся патріархи и архіепископы. Митра на св. Григоріи по латинскому образцу невысокая, подобно митрамъ армянскихъ миниатюръ XIII столѣтія. Нимбъ св. Григорія, равно какъ и нимбы боковыхъ фигуръ вышиты золотомъ и имѣють круглую форму. Просвѣтитель десницей благословляетъ, а шуйцей держитъ евангеліе.

На Тиридатѣ краснѣй доходящій до ногъ кафтанъ безъ накидки. На рукавахъ царскіе знаки. Воротникъ и полы орнаментованы. Поясъ вышитъ серебромъ и украшенъ шелковыми точками, изображающими драгоценные камни. Отъ воротника по груди и ниже, вплоть до ногъ, полосой идетъ украшеніе, подобно епитрахили. На ногахъ обувь съ короткими голенищами, а на головѣ—украшенная драгоценными камнями корона, подобная тѣмъ, которыя обычно носили въ XIII в. Руки его молитвенно обращены къ Просвѣтителю.

Св. Рипсимэ изображена въ зеленоватомъ кафтанѣ, по формѣ и украшеніямъ схожемъ съ кафтаномъ Тирidata. Поясъ, украшенный драгоценными камнями, чернаго цвѣта, равно какъ и орарь, орнаментованный отъ шеп до ногъ. Сверху одѣта порфира въ видѣ фелони. На рукавахъ княжескіе или царскіе знаки. Корона украшена драгоценными камнями и по формѣ схожа съ короной Тирidata на фрескѣ анійской церкви св. Григорія Просвѣтителя. Волосы съ обѣихъ сторонъ локонами ниспадають на плечи. Въ правой рукѣ святой — крестъ, крылья котораго заканчиваются крестообразно, а лѣвую она держитъ молитвенно. Глаза и брови очерчены и отгѣнены чернымъ шелкомъ. Обувь краснаго цвѣта съ черными посками.

На другой сторонѣ хоругви (табл. VI) изображенъ Іисусъ Христосъ на престолѣ съ четырьмя апокалиптическими животными¹⁾. Расположеніе звѣрей соответствуетъ Апок. IV, 7. Облаченіе Христа обычное; поза, нимбъ, коврикъ подъ ногами — все это изображено согласно византійскимъ образцамъ. Кафтанъ краснаго цвѣта, накидка — снѣгаго. Десницей Онъ благословляетъ, а шуйцей держитъ украшенное драгоценными камнями евангеліе. Обувь краснаго цвѣта; лѣвая нога попорчена. Вся картина помѣщена подъ аркой, которая опирается на двѣ колонны. Арка изображаетъ небо, на ко-

1) Надъ изображеніемъ льва читается надпись ULSP: *Матвей*. Ред.

торомъ видны солнце, луна и звѣзды. По сторонамъ головы Иисуса надписи
 ԹՄ ԹՄ Иисусъ Христосъ.

Надпись, состоящая изъ пяти строкъ, къ сожалѣнію, мѣстами вышала. Вообще эта сторона по сравненію съ другой сохранилась хуже. Можно раз-
 зобрать слѣдующее¹⁾:

ՎԱՌՍՎԱՅԵԼԵՔՍԻՐԱՅՆԵ՞
 ԵՐԱՄՈՒՄՆԱՅՔԱՄԱԼԹՈՒՆԻՆԵ՞
 ԹՎԵ՞
 ՅԻՇԱՐԱԿԵՍԻՄԵՆԵՔԶԱՅԵ
 ԾՆՈՂԱՅՆԵՔԱՐԱԿԱՅՆԵ՞
 ԱՄՆԹ՞

ԳՐՈՉԵՌԱՄԲ

ԻՉԹՈՒՆԵՆԵՄՈՐՆԳՈՇԱՐՄԵԼԻՔԵՔԱՐՉՈՂՔՍՈՐԱՅԻՄՉԵՆԵՔՍԵՔ
 ՅԻՇԵԱՋԻՔԻՅԱՄԵՆԻՆԵ՞

Վաստ վայելէ էջմիածնին. յիշատակ է Սիմէոնի բաճանային եւ ամուսնայ Քամալ խաթունին, ծնողացն եւ զաւակացն: ԹՎ. . . Գրի՛ր՝ գորո ձեռամբ . . . ի լ խաթունին եւ մօրն Գոհար Մեղիքին:

*Բարձողք սորայ ի սուրբ ձեռին
 զմեզ յիշեսջիք ի յատենին:*

«Сія хоругвь принадлежитъ Эчмиадзину. Память о священникѣ Симеонѣ и супругѣ (его) Камал-хатунѣ, ихъ родителяхъ и дѣтяхъ. Лѣта . . .
 . . . рукою Грѣгорія . . . хатуны и матери ея Гохар-мелики. Воздымающе это святою рукою, помяните насъ на Судѣ».

Такимъ образомъ недостаетъ даты и имени вышившей. Дату, къ счастью, возможно возстановить. По распоряженію католикаса Симеона въ 1768 году была составлена опись древностей и святынь Эчмиадзинскаго монастыря. Въ этой описи относительно нашей хоругви мы читаемъ слѣдующее: «Хоругвь, вышиная ниткой съ позументами (կլասիկոսն) на красномъ

1) [Транскрипція надписей эпиграфическимъ шрифтомъ внесена Редакціей. Редакціей же внесены нѣкоторыя измѣненія въ чтение и переводъ надписи: въ строкѣ 1 о. Гарегинъ читаетъ *էջմիածնի, բնային*, въ строкѣ 2 *ու զաւակացն*, въ строкѣ 3 *Թ.Վ.Յ.*, въ строкѣ 5 *ուղիքն. Բեդ.*].

украшенномъ цвѣтами атласъ. На одной сторонѣ изображеніе Господа на престолѣ съ четырьмя звѣроподобными фигурами, а на другой—изображенія св. Просвѣтителя, Тирidata и св. дѣвы Ринсимэ. Дарована на память св. Престолу нѣкимъ священникомъ Сяеомомъ и супругой его Камал-хатунной въ 897 году нашей эры». Такимъ образомъ у насъ имѣется точная дата происхожденія нашей хоругви, 1448 г.

Но и помимо этой цѣннаго указанія, мы бы могли сказать, что наша хоругвь существовала въ 1462 г. Аракель Даврижскій внесъ въ свою исторію запись одной Четьи-Миней (Айсмавуркъ), написанной въ Ангорѣ, гдѣ описана дѣятельность Захарія Ахтамарскаго (1461—1464). Изъ этой записи видно, что во время путешествія этого католикоса предъ нимъ носили «хачаламъ» т. е. хоругви, «которая была прикрѣплена на концѣ песта, и золотой крестъ поставленъ на его верхушкѣ» — *որ բարձրագետև կրքր ի ծայրս ձողոյ և խաչ սոկի կառուցեալ ի դրակ նորա*. На хоругви «были представлены: на одной сторонѣ изображеніе Господа, а на другой—просвѣтителя нашего св. Григорія и цари Тирidata и прекрасной дѣвы святой Ринсимэ; и поражала она зрителей золотой вышивкой разнообразными цвѣтами и разноцвѣтно украшеннымъ ораремъ». Годъ записи *րժա*—911—1462. Эта хоругвь хранилась въ Эчміадзинѣ при католикосѣ Филиппѣ, и Даврижскій видѣлъ ее въ 1662 году¹⁾. Тождество нашей хоругви съ описанной въ записи хоругвью очевидно.

II.

Орлецъ католикоса Филиппа. Въ ризницѣ Эчміадзина хранится коверъ съ изображеніемъ орла (табл. VII) или «парящаго орла» — *օղաւարիկ արձակի* — какъ сказано въ надписи на немъ — одно изъ прекрасныхъ произведеній рукодѣльнаго искусства XVII столѣтія. Орелъ съ распростертыми крыльями вышитъ на свѣтло-голубомъ атласѣ. Орелъ вышитъ золотомъ, нимбъ—серебромъ; голова, шея, начала и концы крыльевъ, грудь, хвостъ и ноги отѣнены блестящимъ и матовымъ золотомъ и изображены рельефно. Орелъ изображенъ на фонѣ неба; по угламъ — солнце и луна, въ серединѣ звѣзды. По обѣ стороны хвоста возвышаются два кунуза, которые заканчиваются восьмиконечными крестами. Картина заключена въ раму изъ зеленого атласа, а угловые четырехугольники изъ краснаго. Мотивы орнаментовъ растительные: цвѣты (ромашки), бугоны, листья, побѣг. Весь коверъ

¹⁾ Аракель Даврижскій. 3-е изд. 1896. Вагаршанатъ, ст. 423, 431.

обшить синей и свѣтлокрасной бахромой. Величина орла $1 \times 1,05$ см., а ширина рамы — 16 см.

Подъ куполами, увѣнчанными крестами, читаемъ слѣдующую надпись¹⁾:

ԻՎԱՅ	ՓԻՂԻՊ
ԵԼՈՒՄՆՀԱ,	ՊՈՍԵՒՆՆՈՒԵ
ՅՈՅԳԻՐԻՍՐՓԻՍ	ՀԻԷԲԸՐՁԻՍ
ՓԱՅԼՀՈՎՍԳԵՐԻ	ՓԱՌՀԱՅՐԱՊԵՐԻ:
ԹԳԱՊԱՐԿԱՍՅԱՐԾ	ՈՒՆԿԻՐՅԻՅԱՅԱԿԵՐ
ՊԱՍԻՍՅՆԵՐԿԱՍԿԻՐԳԻՐԳՅՈՒՆԵՐՆՈՎԱՅԻՐՀԱՍՍՅՆԻՍՅ	
[ԼԵՒԱՅԱՆՅՆԵՐՆՈՒՆԻՐՈՒ	
ՈՒՄԲԷՋՄԻՍՆԻՐԿԱԹՈՒՐՄԵՍՆՍՄԵՐԻԹՎՆՈՒՋՅԱՍԻՐՁԱՒԵԼԻԵ	
[ՈՉԹԵՐԻՉՆՁԻՆՈՍ	
ԿԱՆՍՈՒՐԵՅԻՅԵՐՆԵՍԵԼՍՀԱՍՍԿԻՐ ՀՆՅԻՐՁՈՒՄՁԱՆԻՐՍՆԵՐՅԻՅԻ,	
[ՄԻՆՁՁԻՋՐԱՎԳՈՐԾՈՅԱԾԻ	

Ի վայելումն հայոց զկաթ
արտիապայլ հավապեաի
Փիլիպպոսի տեառն վեհի
և բարձրախոս հայրապետի
օղապարիկս այս արժուի
նկարեցի յայս կերպասի:
Սա յիշատակս Մկրտչի
Ղալսթեցի տիրացուին
և ծնողաց իւր համայնի
այլ և ազանցն ընտելի
ի դուռն սուրբ Էջմիածնի
բնիկ աթոռ արամեանս սեռի
Թովն աճ սովի
ոչ աւելի և ոչ թերի:
Չնչին Ոսկանս Սիւնեցի
յեանեալս համակ բահանայի
բազում ջանիւք աշխատեցի.
Վինչ զի զբաւ գործոյս ամի:

1) [Въ строкѣ S o. Гарегинъ читаетъ ջիււմ. Разбивка на стихи внесена Редакціей].

«Въ пользованіе армянскаго блюстителя лучезарнаго архипастыря Филиппа, владыки великаго и высокославнаго патріарха, сего парящаго орла я изобразилъ на этомъ атласѣ. Это память причетника Мыкыртча изъ Галатіи и *осъхъ* родителей его, а также всего рода его у вратъ святаго Эчміадзина, ископнаго престола рода Араамидовъ. Лѣта 1100, не болѣе и не менѣе. Я, ничтожный Восканъ изъ Сюника, самый послѣдній изъ всѣхъ священниковъ, усердно работалъ, пока не исполнилъ работу до конца».

III.

Покровъ престола, подаренный католикоу Аствацатуру. Въ ризницѣ св. Эчміадзина среди парчевыхъ и шелковыхъ, украшенныхъ крестами и ювелирными издѣліями, покрововъ, на которыхъ бывають вышиты различныя сцены евангѣльскаго пли ветхозавѣтнаго содержанія, хранится покровъ (табл. VIII), поднесенный армянами Смирны католикоу Аствацатуру въ 1723 году.

Фонъ покрыва (2,025 × 1,05 м.) — желтый атласъ, вышитый разноцвѣтными шелковыми, золотыми и серебряными нитками. Изображены слѣдующія сцены: Благовѣщеніе, Крещеніе и Поклоненіе волхвовъ. Сцены отдѣлены другъ отъ друга колоннами, капителями которыхъ служатъ бюсты ангеловъ, соединяющихъ крылья ввидѣ арокъ. По бокамъ ангелы вышиты въ профиль, а по срединѣ en face.

Благовѣщеніе. Ангелъ, съ цвѣткомъ въ лѣвой рукѣ, поднявъ правую, стоитъ передъ Пречистой Дѣвой. Его крылья златотканны; ликъ вышитъ серебромъ, волосы на головѣ и брови — черными и золотыми нитками. Туловище вышито красными и золотыми нитками. Руки, выше локтя и до плечъ, вышиты золотомъ, а ниже локтя до кисти рукъ — темнымъ серебромъ; руки и пальцы — чернымъ шелкомъ; животъ и бедра — золотомъ иного отгѣнка, чѣмъ доходящее до ногъ платье. Передняя часть платья вышита серебромъ, ноги — шелкомъ.

Св. Дѣва стоитъ передъ аналоемъ, на которомъ лежитъ раскрытая книга; она положила лѣвую руку на аналой, а правую прижала къ груди. Ликъ Дѣвы вышитъ серебромъ, глаза, брови и носъ — черными нитками, губы — красными, волосы — красными и золотыми, а покрывало на головѣ — золотомъ. Вокругъ головы вышуклый круглый нимбъ шитый золотомъ. Верхняя одежда вышита красными нитками и серебромъ и застегнута на груди фибулой. Нижнее, доходящее до ногъ, платье шито золотомъ, непогочслеп-

ныя складки отгбнены черными пнтками. Руки и ноги очерчены серебромъ, а пальцы и ногти черными пнтками. Рукава заканчиваются паруканниками.

Въ правомъ углу изображены облака, вышитыя свѣтло-голубыми и золотыми пнтками; изъ облаковъ исходитъ на Марію Отець, съ младенческимъ лицомъ, и Св. Духъ, въ образѣ голуби. Вокругъ головы Отца треугольный съ лучами нимбъ. По обѣ стороны облаковъ по одному шестикрылому серафиму. Разноцвѣтныя вышитыя шелкомъ ленты, висяція надъ Маріей, по моему мнѣнію, — занавѣсъ, указывающій, что эта сцена происходитъ внутри какого либо помѣщенія.

Средняя сцена — *Крещеніе*. Іоаннъ лѣвой рукой держитъ знамя на длинномъ шестѣ, на которомъ изображенъ Агнецъ Божій. Правой рукой онъ льетъ воду изъ сосуда на голову Христа. На немъ красная златотканная накидка. Нижнее платье выведено грубѣе, съ цѣлью показать, что оно сдѣлано изъ шкуры. Туловище вышито золотомъ и поясъ синеватымъ шелкомъ. Одной ногой Іоаннъ стоитъ на скалѣ, которая вышита синими шелковыми пнтками, чуть-чуть смѣшанными съ золотомъ. У ногъ Іисуса и Іоанна изображенъ драконъ, съ большой головой. Іисусъ стоитъ на колѣняхъ, лицо въ профиль, вокругъ головы большой нимбъ, испускающій лучи. Надъ головой Іисуса, довольно высоко, въ испускающемъ сіяніе ореолѣ Св. Духъ, въ образѣ голубя, а поввыше, въ вѣнцѣ изъ облаковъ — Отець съ земнымъ шаромъ и скипетромъ, заканчивающимся крестообразно, въ рукахъ. По бокамъ по одному шестикрылому серафиму. За Христомъ, на скалѣ, стоитъ, опустившись на одно колѣно, ополсанный ангелъ, сложившій крестомъ руки на груди; вокругъ головы нимбъ. Поодаль въ стволѣ плодоваго дерева виденъ топоръ, согласно проповѣди Іоанна.

Третья сцена — *Поклоненіе волхвовъ*. Дѣва Марія сидитъ на креслѣ съ Младенцемъ на колѣняхъ; вокругъ Его головы нимбъ. На ней златотканное верхнее и свѣтло-красное нижнее платья, изъ которыхъ нижнее видно лишь спереди и на рукавахъ. Волосы вышиты свѣтло-сѣрымъ шелкомъ, нимба нѣтъ, надъ головой корона. Лучи звѣзды сверху направлены къ Іисусу. Въ серединѣ звѣзды, въ лучезарномъ вѣнцѣ, Марія, держащая Іисуса въ своихъ объятіяхъ, — явленіе, необычное въ подобнаго рода картинахъ. За Маріей стоитъ Іосифъ въ длинномъ платьѣ; въ его лѣвой рукѣ палка съ крючковатымъ концомъ, а правая протянута къ Дѣвѣ и Младенцу. Съдой магъ стоитъ на колѣняхъ, положивъ скипетръ и корону на землю, и приносить свой даръ въ сосудѣ вродѣ кадьяла, только безъ цѣпей; второй магъ съ черной бородой и третій со смуглымъ лицомъ, помоложе, держатъ въ золотыхъ сосудахъ свои дары. На плечахъ первого и

второго маговъ — горностаи, а третій въ нагрудникѣ, хитопѣ, доходящемъ до колѣнъ, и въ такой же длины накидкѣ. На ногахъ обувь. У всѣхъ по знамени разнаго цвѣта: у перваго—красноватаго цвѣта, у второго—сѣраго, у третьяго — темно-краснаго. Все зѣмена выпиты шелкомъ и золотомъ. Внизу, предъ Маріей, настухъ играетъ на свирѣли; тутъ же — овна, изображающая стадо; три холмика пзображаютъ горную страну — Иудею.

Низъ картинъ представляетъ миниатюрный ландшафтъ — деревья, цвѣты.

Вышитая надпись состоитъ изъ двухъ строкъ; она даетъ намъ свѣдѣнія о происхожденіи и времени изготовленія покрывала¹⁾.

ՀԱՌՅԱՆԻ ՀԱՅՍՏԱՆԻ ԳԵՂԻ ԿԱԹՈՒՆՈՒԹՅԱՆ ԳԵՂԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ
 [ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ]
 ՅԵՂԻԱՆԻ ԿԱՌՈՒՆՈՒԹՅԱՆ ԳԵՂԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ
 [ՍԵՂՈՒՆԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ]
 [ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ ԿԱՌԻ]

*Հայ առ ժողովրդայն
 Ամսորն կաթողիկոսի
 ձեռամբ մերո սուղնորդի
 սէր Սանուէլ վարդապետի
 իւ սրէլէի
 իր թիւ շարպրի:
 Յիշատակ է անջնջելի
 դո՛ւնոյս սուրբ պատարայի
 անձա՛ջ ի մեծ դա՛հի
 սթո՛ոյս սուրբ Կոստանրչի
 արկամբք բոլոր ժողովրդի
 և ի Չմիւռին մեծ բարբքի:*

«Въ 23 юбилеѣ и 22 году счисленія черезъ нашего енархіального пачальника владыку варданета Манвела великому армянскому патріарху и католикосу Аствацатуру данъ въ неизгладимую память сей покровъ св. литургіи — [католикосу, возсѣдающему] на великомъ тронѣ сошествія Бога, престолѣ св. Просвѣтителя, иждивеніемъ всеі паствы и въ великомъ городѣ Смаргѣ».

Архимандритъ Гарегинъ.

1) [Въ чтеніе этой надписи Редакціей внесены нѣкоторыя измѣненія. Въ строкѣ 1 о. Гарегинъ читается *ԿԹՈՒՆՈՒԹՅԱՆ ԳԵՂԻ ԿԱՌԻ* (sic, оставлено безъ перевода). Разбивка на стихи внесена Редакціей].

Декоративное убранство анійскихъ карасовъ.

(Обытъ классификаціи).

Многолѣтнія раскопки городища Ани дали богатый матеріалъ по вопросу о декоративномъ искусствѣ на предметахъ домашняго обихода и хозяйства. Однѣмъ отдѣлъ его составляютъ такъ называемые карасы¹⁾. Это неполивные сосуды изъ красной глины для вина, масла и пр. Аналогичнаго типа сосуды встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена, начиная отъ Троя, Кносса, Этрурии, сассанидской Персіи и кончая современностью; говорить о какого-либо рода исторической зависимости однихъ отъ другихъ представляется уже въ виду этого неправильнымъ. Анійскіе карасы дѣлятся на двѣ рѣзко различныя группы — полированныхъ и частью при этомъ покрашенныхъ, и простыхъ неполированныхъ. Къ тому же различны у нихъ какъ форма, такъ и украшенія. Особенно крупныя — почти въ ростъ челоуѣка — экземпляры удлиненной формы неполированы и украшены очень просто (табл. IX рис. 1 и 2): весь корпусъ раздѣленъ на горизонтальныя пояса, около $\frac{1}{4}$ аршина шириной, посредствомъ накладныхъ полосокъ глины. По отдѣльнымъ поясамъ зигзагомъ идутъ такія же полосы, причемъ на каждомъ заворотѣ мастеръ придавливалъ полоску разъ или два пальцемъ²⁾. Эти карасы, украшеніе которыхъ не возвысилось до художественности (въ согласіи съ самымъ назначеніемъ: ихъ закапывали въ погребахъ), а пребывало въ намѣченномъ видѣ неизмѣнно, мы оставляемъ въ далѣйшемъ изложеніи въ сторонѣ³⁾. Нашъ интересъ привлекаютъ полированныя карасы небольшихъ размѣровъ (около $\frac{1}{2}$ метра высоты и ширины; табл. IX рис. 3, табл. X рис. 1 и 2). Въ Анійскомъ Музеѣ Древностей находится нынѣ четыре почти полныхъ экземпляра и четыре витрины съ обломками узоровъ отъ подобныхъ же карасовъ. Впервые останавливаясь на этого рода предметахъ, настоящій очеркъ дѣлаетъ также попытку классифицировать образцы караснаго убранства.

1) Этимологию этого слова см. Н. Я. Марръ, Матеріалы по халдской эпиграфикѣ изъ командировки Г. А. Орбеліи въ Турецкую Арменію (ЗВО, XXIV).

2) Фрагменты подобныхъ сосудовъ съ такимъ-же украшеніемъ я видѣлъ подѣ священноилицей Рконскаго монастыря въ Грузіи. Орнаментація эта слишкомъ естественно направляется изъ самой техники производства этихъ сосудовъ, чтобы по старой привычкѣ считать ее за пережитокъ будто-бы украшавшихъ раньше сосуды веревочныхъ обвязокъ.

3) Въ Анійскомъ Музеѣ Древностей есть фрагменты пяти едва различимыхъ одинъ отъ другого образцовъ.

Конечно, для построения эволюціоннаго движенія мы не имѣемъ никакихъ историческихъ данныхъ, датирующихъ предметы глинянаго производства, и можемъ руководиться только общимъ комплексомъ наблюдаемыхъ стилистическихъ различій; но ниже мы постараемся связать ихъ въ законмѣрный рядъ, въ согласіи съ которымъ находятся приводимыя наблюденія. Для иллюстраціи очерка использованы сдѣланные одновременно отдѣльные фотографическіе снимки и рисунки художника С. Н. Полторацкаго, представляющіе (хотя и не въ желательномъ разнообразіи) всѣ главные типы, а также специально исполненный Н. М. Токарскимъ рисунокъ ролика для отгискивания орнаментальныхъ поясовъ¹⁾.

Что касается формы полированныхъ карасовъ, то, судя по наличному матеріалу, она оставалась въ существѣ безъ измѣненія²⁾. Подвержены вариации были только ручки и отверстія (зѣвы) сосудовъ, такъ какъ они были использованы какъ части декоративнаго убранства карасовъ. Измѣненіе формъ тѣхъ и другихъ шло, повидимому, параллельно. Первоначально отверстіе караса было маленькое, вершка 3 въ диаметръ, и обводилось низкимъ бортикомъ (въ $\frac{1}{2}$ вершка высотой, примѣрно). Той же высоты были узкія ручки (числомъ до 4) съ дырочкой для одного пальца (табл. IX рис. 3 и табл. X рис. 1). Постепенно горлышко дѣлается шире, стѣнки его выше, а ручки становятся широкими, плоскими и настолько длинными, что ихъ можно брать всей рукой. (табл. X рис. 2). На одномъ карасѣ ручки идутъ, прилѣпляясь нижнимъ концомъ къ плечикамъ сосуда, еще отъ бордюра горла³⁾, на другомъ онѣ спустились

1) Клише рисунковъ табл. XII рис. 1, 2, табл. XVII рис. 3, табл. XX рис. 1 предоставлены для напечатанія Императорской Археологической Комиссіей; впервые воспроизведены въ Отчетѣ ИАК. 1892 г. и въ ИАК. 1906 г.; карасный поясъ воспроизведенный въ ИАК. 1906 г. не перепечатанъ здѣсь въ виду схематичности рисунка; изображеніе караса изъ Отч. 1892 г., повторенное также въ каталогѣ Анійскаго Музея Древностей I. A. Орбелли, выч. I, стр. 25, замѣнено воспроизведеніемъ фотографическаго снимка. Въ каталогѣ на стр. 63 дано уменьшенное воспроизведеніе нашего табл. XI рис. 1. Рисунки табл. XVI рис. 1 и табл. XX рис. 2 были раньше отпечатаны въ Реестрѣ предметовъ древности изъ VI-ой (1907 г.) археологической кампаніи въ Анн Н. Я. Марра. Рисунки табл. XVI рис. 1, табл. XVII рис. 1, 2, табл. XX рис. 2 и 3, табл. XXII рис. 7 воспроизведены съ рисунковъ перомъ художника С. Н. Полторацкаго. Табл. XIII воспроизводитъ рисунокъ Н. М. Токарскаго. Рисунки 1 на табл. XVIII и 3 на табл. XXII сдѣланы съ фотографій, изготовленныхъ благодаря любезности Я. И. Смирнову съ предметовъ Эрмитажныхъ коллекцій. Пользуюсь случаемъ выразить Я. И. Смирнову, неоднократно дававшему указанія, свою искреннюю признательность.

2) Есть еще два-три фрагмента маленькихъ карасовъ вершковъ 6 высоты и ширины; орнаментированный поясъ шелъ ниже наибольшей окружности; украшенъ онъ былъ мелкими розетками. Значительная часть одного экземпляра собрана въѣсть.

3) Этотъ экземпляръ вообще нѣсколько своеобразенъ: орнаментованнаго пояса на немъ нѣтъ, а отъ борта зѣва идутъ внизъ до середины примѣрно глиняныя вкладныя полосы, по всей длинѣ натканными пальцемъ. Украшенія такого вида и расположенія встрѣчаются въ Анн на разнаго рода горшкахъ.

ниже и верхній конецъ прилѣпляется также къ покатости горлышка. На ручки на ихъ верхней части насаживаются поднимающіеся завитки или остроконечно выгнутыя шишки и т. д. Въ Апейскомъ Музеѣ имѣется до восьми разновидностей такихъ большихъ ручекъ. Закраины горла первоначально ничѣмъ не украшались, на позднѣйшихъ же экземплярахъ ихъ не полировали, а покрывали какимъ-либо орнаментомъ; этотъ орнаментъ въ общемъ одного характера, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ примѣняли инкрустацію фаянсовыми или простыми поливными глиняными кусочками, но въ частностяхъ онъ обнаруживаетъ до 50-ти разновидностей¹⁾. Большею частью этотъ орнаментъ — волнистая линия, въ изгибахъ которой помѣщены розетки, завитыя и т. п. Кроме того, въ связи съ этими же высокими бортами появляются и особия, вертикально идущія отъ нихъ орнаментальныя узкія полосы. Эти полосы дѣлятся накрестъ наклонными линиями; каждый треугольникъ покрытъ рѣдкой сѣткой; въ углахъ насажены пуговицы: такая ихъ раздѣлка есть, вѣроятно всею, подражаніе узорамъ полотенецъ²⁾. Это уширеніе и повышеніе стѣнокъ горла для Апей не есть явленіе, наблюдаемое исключительно на карасахъ: оно характерно для самыхъ различныхъ глиняныхъ сосудовъ поздней эпохи, даже для простыхъ неполированныхъ горшковъ съ двумя ручками, или широко раскрытыхъ мисочекъ, получающихъ вмѣсто закругленія края особый, отъѣсно поднимающійся подъ угломъ прямой бортъ.

Кромѣ этихъ структурно-необходимыхъ частей, использованныхъ въ декоративномъ отношеніи, карасамъ придаются и другія части, удовлетворяющія специально художественной потребности. Таковыми являются орнаментированные пояса, идущіе по наибольшей окружности, и отдѣльные фигурные рельефы въ верхней части карасовъ.

Наиболѣе древніе карасы имѣли на брюшкахъ крупныя рельефныя изображенія животныхъ — барсовъ, тигровъ и т. п. Они накладывались вытѣшенными на поверхность караса и поэтому позднѣе части ихъ легко отскакивали (табл. IX рис. 3 и табл. XI рис. 1)³⁾. Въ верхней половинѣ почти цѣльнаго музейнаго экземпляра, надъ поясомъ, къ одной изъ трехъ ручекъ (для одного пальца), сдѣланной подъ отогнутымъ въ сторону ободкомъ горла, какъ бы поднимаются другъ другу навстрѣчу двѣ паггеры или

1) Изъ нихъ 5 или 6 съ инкрустаціей.

2) Къ этимъ полосамъ мы еще вернемся ниже, въ связи съ другимъ возможнымъ объясненіемъ ихъ происхожденія.

3) На почти цѣльномъ собранномъ экземплярѣ музея не хватаетъ многихъ частей рельефовъ; только видны слѣды, какъ онѣ были расположены. См. табл. IX рис. 3.

два барса, съ длинными хвостами, нѣсколько подпятыми кверху, и съ длинными подогнутыми передними лапами¹⁾. По туловищу вкраплены бѣлыя вставки. Такое расположеніе фигуръ, какъ бы тянущихся къ содержимому сосуда, встрѣчается изрѣдка въ восточномъ искусствѣ²⁾. Но обыкновенно оно не сочетается съ такимъ реальнымъ нагляднымъ мотивомъ, а представляетъ просто симметрически расположенныя фигуры и часто (особенно въ болѣе раннее время) заключенныя въ круги³⁾. Какъ мнѣ указалъ I. A. Орбели, аналогичныя изображенія встрѣчаются и на извѣстныхъ мѣдныхъ котлахъ изъ Дагестана, обычно датируемыхъ XIII-мъ вѣкомъ⁴⁾. Аналогично расположены рельефы и другихъ трехъ фрагментовъ съ изображеніями тигра, барса и т. п.⁵⁾. Всѣ они идутъ вверхъ⁶⁾, папиться. На послѣднемъ рельефѣ сдѣланы чешуйки и хвостъ завиткомъ. А средній — большихъ размѣровъ (до 20 см. длины) — характеризуемъ, какъ тигръ, полосками по шкурѣ (табл. XI рис. 1).

Къ этому приему помѣщать вверху орнаментально-украшенныхъ сосудовъ изображенія животныхъ крупнымъ рельефомъ мы находимъ параллели на металлическихъ кувшинахъ и подсвѣчникахъ мусульманскаго искусства конца XII-го, начала XIII-го вв., гдѣ мы видимъ спокойно сидящихъ львовъ или даже только переднія части льва — голову и переднія ноги⁷⁾,

1) Здѣсь въ деформированномъ видѣ реальное наблюденіе какъ бы крадущейся кошачьей поступи.

2) Аналогичное изображеніе имѣется, напр., на принадлежащемъ сванамъ Местійскаго общества серебряномъ сосудѣ (XII—XIII в.); здѣсь скульптурная фигура леопарда сидитъ на изгибѣ ручки кувшина (см. табл. XLI въ МАК, т. X (1904), перепечат. въ «Вост. Серебрѣ» подъ № 130).

3) См. большое число такихъ изображеній на тканяхъ съ X по XIII в.; ткани XII—XIII вв. почти всегда не имѣютъ обрамленія кругомъ, какъ видно на таблицахъ изданнаго Lessing'омъ Gewebesammlung des K. Kunstgewerbe-Museums, Berlin (1900 sqq.).

4) Я не вхожу въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ котловъ, такъ какъ I. A. Орбели специально занимается вопросомъ о связи ихъ съ карасами. Изданъ одинъ въ Museum Cascaisicum, вып. V: Археологія, сост. гр. П. С. Уваровой; нѣсколько котловъ сохраняются въ Музеѣ бар. Штиглица.

5) 04. № 5а; 09. А. № 22; 10. У. IV: № 134. — Едва различимые остатки рельефа на фрагментѣ 1913 года изъ холма № 27 — какъ совершенно не поддающіеся пока опредѣленію — оставляю безъ разсмотрѣнія.

6) Это наклонное ихъ положеніе опредѣляется линіями внутренней стороны, оставленными при лѣпкѣ сосуда на станкѣ.

7) Ср. особенно Sarre, *Erzeugnisse islamischer Kunst* (Lpzg, 1905), I, табл. V (№ 17) и рис. въ текстѣ №№ 15 и 16 (сѣверно-персидскіе кувшины XII—XIII вв.); Migeon, *Exposition des arts musulmans* (Paris, 1903), pl. 9 и 10; Sarre und Martin, *Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München 1910*, Bd. II, табл. 141—143 (кувшины XII в., прямо отнесенныя въ Армению) и 144—154 (другія металлическія издѣлія съ инкрустацией и аналогичными изображеніями). Характерны табл. 122—139 главнымъ образомъ дрепнѣйшія издѣлія, относимыя издателями къ 5—6 вв., по которымъ видно постепенное развитіе ука-

а равно и на поверхности неполивныхъ керамическихъ предметовъ со среднего течения Тигра и изъ сѣверной Месопотаміи (тоже конца XII, начала XIII вв.), гдѣ посредствомъ такой же техники, какъ и въ нашихъ крупныхъ рельефахъ, выполнены крупныя фигурныя изображенія людей и переднихъ частей животныхъ¹⁾. Карсныя изображенія отличны отъ нихъ въ частностяхъ, но самый приемъ тотъ же и наблюдается въ ту же эпоху; очевидно, одинъ спросъ былъ на всемъ Востокѣ.

Къ той же группѣ отношу и крупныя развѣсистыя деревья на фрагментахъ трехъ карасовъ, вдавленные въ поверхность корпуса²⁾.

Другіе два фрагмента крупныхъ рельефныхъ животныхъ исполнены на слегка лишь полированныхъ сосудахъ и составляютъ, вѣроятно, простой дешевый товаръ: фигуры скорѣе всего походятъ на козъ или на что-либо подобное³⁾. Онѣ стоятъ горизонтально, а не наклонно вверхъ. Также горизонтально расположены и два рельефа одного сюжета: какія-то существа въ родѣ горныхъ козловъ съ почти птичьими носами, подходятъ къ покрытому ягодами (стилизованному) дереву⁴⁾ (табл. XI рис. 2).

Въ этомъ переходѣ къ горизонтальному положенію, мнѣ думается, заключается существенный моментъ смѣны стили. Рельефъ потерялъ свое значеніе, онъ деградированъ на ту же степень, что и орнаментальный поясъ. И эта деградация всего украшенія сказалась и на сюжетахъ: рѣд-

занныхъ мусульманскихъ издѣлій изъ металла; ср. также *Amida*, стр. 352—354. (Ср. кромѣ того и отдѣльные снимки предметовъ выставки). Кувшинъ въ Музее Штиглица, см. ст. А. Ноловцова, «Старые Годы» 1913, октябрь, таблица противъ стр. 14. Сосуды эти предположительно изготовлены не въ Мосулѣ (Месопотамія), а на армянскомъ и сѣверо-персидскомъ плоскогорьи (Sarre, *ib.*, p. 9).

1) Въ отношеніи послѣднихъ ср. также одинъ фрагментъ широкой ручки изъ раск. 1692 года въ Армавирѣ, извѣстный по репродукціи въ Отчетѣ ИАК, за 1892, стр. 84, рис. 48 (находится въ Эрмитажѣ). На немъ видны, какъ бы вытянутыя впередъ по землѣ ноги сидящаго тигра (табл. XII рис. 9).—Месопотамскіе фрагменты изслѣдованы Sarre, *Islamische Tongefässe aus Mesopotamien* (Jahrb. der preuss. Kunstsammlungen, 1905, p. 69 sqq.); см. еще Sarre, *Erz. isl. Kunst*, II (1909), табл. XXI (№№ 1 и 4); Sarre und Herzfeld, *Archäologische Reise im Euphrat- u. Tigrisgebiete* (Berlin 1911), Bd. III, табл. CXIV и CXV; Migeon, *Exp. des arts mus.*, pl. 31; Sarre und Martin, *Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München 1910*, Bd. II, табл. 90; и фот. за № 1079.

2) Одинъ не помѣченъ, изъ раскопокъ какого онъ года; другой — 1913 г. около церкви Спасителя; третій — 1908 года.

3) 10. У. IV. № 20 и № 93.

4) 11. С. № 7 и № 9 и 12. А. № 380. Ср. также кирпичъ съ рельефными изображеніями изъ Паша-Гера, Эрив. губ. (табл. XII рис. 8, перепечатано изъ Отчета ИАК, 1892 г., рис. 49 на стр. 85). Аналогичный къ рельефамъ животныхъ переходъ-деградацию отъ выше названныхъ раскидистыхъ вѣтвей деревьевъ представляютъ два изображенія деревьевъ (Об. № 153 и 10. У. III. № 52) грубой работы, только намѣчающія листья, какъ и натканная на нихъ и на стволѣхъ пуговки-плоды. (Ср. еще силуэты на 12. А. и 07. № 155 въ той же витринѣ).

кіе, царственные тигры и барсы замѣнились почти сказочными козлами, серпами въ простой жанровой обстановкѣ. Эта деградация идетъ дальше, и мы встрѣчаемъ изображенія собачекъ или волковъ, какъ на экземплярѣ изъ Ширакавана¹⁾. При этомъ само изображеніе при маломъ размѣрѣ — всего 5½ см. длины — перекечовало на выпинную поверхность горла, уже очень высокаго. Въ этомъ, дѣйствительно, мнѣ думается, нужно видѣть примѣръ перехода къ послѣдней эпохѣ караснаго искусства, когда крупныя рельефы совершенно пропадаютъ, и мы находимъ выработавшимся уже иной стиль и самыхъ украшеній. Тутъ появляются, какъ упомянуто, высокіе разукрашенные края горла и верѣдко идущія отъ нихъ внизъ — какъ бы пестрыя — полосы. Отдѣльныя рельефныя фигуры отсутствуютъ совершенно, и главнымъ украшеніемъ становятся орнаментованные пояса, къ разсмотрѣнію которыхъ перейдемъ теперь.

Какъ упоминалось уже, кромѣ отдѣльно налѣпленныхъ рельефныхъ фигуръ, карасы имѣютъ еще пояса орнаментовъ, механически оттиснутыхъ по сырой глинѣ цилиндрическими валиками, приспособленными, очевидно, къ станку. Одинъ экземпляръ такого каменнаго валика былъ найденъ въ раскопкахъ 1910 года (см. табл. XIII, въ наст. вел.)²⁾. Техника эта имѣетъ своего предшественника въ прикладываніи на сырую глину отдѣльныхъ штемпелей съ изображеніями. Многіе образцы такихъ неполивныхъ глиняныхъ сосудовъ съ отдѣльными штампованными изображеніями фигурнаго и геометрическаго рисунка (отъ 2—6 см. въ діаметрѣ), найденные въ Месопотаміи, относятся къ ранней порѣ исламскаго искусства (до X—XI в.)³⁾. Дальнѣйшее развитіе этого приема мы усматриваемъ въ украшеніяхъ, производимыхъ оттискомъ сплошныхъ формъ. Таковы украшенія на найденныхъ тамъ же кувшинахъ для воды (146 см. по наибольшей окружности) и др., покрытыхъ частью только въ верху брюшка рядами орнаментальныхъ полосъ, составленныхъ изъ геометрическаго орнамента и непрерывнаго ряда бѣгущихъ въ одномъ направленіи (среди растительныхъ витковъ) тигровъ и т. п. Они, очевидно, оттиснуты

1) 14. Ш. № 24 въ Анійскомъ Музеѣ Древностей.

2) Ср. Орбели, Развалины Ани (1911), стр. 52: 10. У. II. № 10; еще раньше найдена другая форма въ Выигородѣ (08. № 6)

3) Sarre und Herzfeld, Arch. Reise (1911), Bd. I, pp. 62—63 и прим. 3, 184, 186—187, 212, 224—227, 238 и рис. 115—117, 121, 122. Эта «штемпельная» техника применялась между прочимъ и на этрусскихъ вазахъ и въ модномъ теперь «хетскомъ» искусствѣ, ср. Chantre, Recherches archéologiques dans l'Asie Occidentale. Mission en Cappadoce en 1893—94 (Paris, 1898), pp. 29 (fig. 20, 21), 80 (pl. IV, 14-15) и наконецъ, p. 157—165; также Perrot et Chipiez, Hist. de l'Art, IV, гдѣ говорится какъ разъ о печатяхъ. Нѣсколько такихъ печатей приехать изъ Вана и I. A. Орбели въ 1912 году. Тоже и на этрусскихъ и римскихъ вазахъ применялись штампы.

со специальныхъ формъ¹⁾. Переводъ орнаментальныхъ поясовъ на анійскіе карасы достигнуть дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ той же техники тисненія, именно двойнымъ вращеніемъ — караса и цилиндрическаго ролика - формы²⁾. Но этотъ приемъ повлекъ за собой очень важное ограниченіе. Пуская въ движеніе форму для оттискиванія изображеній, мастеръ примѣнялъ только простѣйшій видъ движенія, т. е. производилъ касаніе рѣзкой поверхностью ролика выступающей (въ томъ же перпендикулярномъ отношеніи къ вращающейся оси станка) карасной части. Благодаря этому техническому усовершенствованію, получилась возможность имѣть только одинъ узкій поясъ по наибольшей окружности самого сосуда, оставляя всю остальную поверхность гладкой и неорнаментованной, причемъ плоскость пояса должна была оставаться строго вертикальной.

По рисунку пояса анійскихъ карасовъ представляютъ также, какъ и месопотамскіе сосуды, или фигурныя изображенія (птиць, животныхъ, людей) или чисто-орнаментальныя фигуры (плетенія, розетки и т. д.). Мы рассмотримъ обѣ группы отдѣльно. По стилю они распадаются на нѣсколько группъ. Первая образуетъ съ крупными рельефами одну, древнѣйшую, затѣмъ есть нѣкоторая переходная стадія, гдѣ все существенное древняго стиля утеряно, но сохранились кое-какіе отголоски его. Наконецъ, мы имѣемъ богатую коллекцію образцовъ карасныхъ поясовъ новаго стиля.

Стиль фигурныхъ поясовъ древнихъ карасовъ (табл. XIV рис. 1 и 2 и табл. XV рис. 1—4) и крупныхъ рельефовъ на нихъ значительно разнится отъ позднѣйшихъ. Рельефъ примѣненъ округленный, съ нарочитымъ подчеркиваніемъ контуровъ, тщательный; всѣ фигуры рѣзко, определенно выдѣляются на фонѣ. Округленные въ натурѣ части такими и переданы, между тѣмъ какъ по линиямъ складокъ и т. п. одна часть отдѣлена

1) Sarre und Herzfeld, ib. Bd. III, табл. CXV; Bd. I, p. 224 sqq. (рис. 114); Sarre und Martin, Ausstellung, Bd. II, табл. 98, 104 (106); фот. за № 1193; изъ Султанабада, XIII вѣка. Многочисленныя находки неполивныхъ глиняныхъ сосудовъ такой же техники изъ Самарканда находятся въ Этнографическомъ Музеѣ Имп. Академіи Наукъ. Среди нихъ также каменная форма (состоящая изъ трехъ частей) для полученія рельефо-орнаментованныхъ малыхъ сосудовъ (металлическихъ?). Три фрагмента такихъ же сосудовъ, найденные въ раскопкахъ, находятся въ Анійскомъ Музеѣ Древностей, какъ и нѣкоторыя другія находки ажно-завознаго происхожденія (что видно по глини и формалъ).

2) Цилиндры были извѣстны на Востокѣ съ древнѣйшаго времени (хотя-бы въ томъ же хеттскомъ искусствѣ), но о примѣненіи ихъ въ гончарномъ производствѣ нигдѣ не находимъ ни указаній, ни слѣдовъ. Только на нѣкоторыхъ этрусскихъ вазахъ орнаменты наносились, повидимому, прокатываніемъ цилиндровъ (на что указываютъ сдвиги и иныя неправильности). Также на одномъ поздняго времени фрагментѣ изъ Трои (H. Schmidt, Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer, Berlin, 1902, № 2552 и рис., ср. стр. XVI—XVII).

отъ другой сильно, утрировано вдавленной линіей контура. Миѣ думается, что это остатки приѣмовъ иной техники, — инкрустированія по металлу, гдѣ такое усиленное углубленіе прилагалось ради лучшаго укрѣпленія накладныхъ частицъ¹⁾. Здѣсь же этотъ приѣмъ сохранился, какъ переживаніе. Самъ поясъ раздѣленъ на три части — средняя, широкая полоса съ фигурными изображеніями, окаймлена узкими бортиками витой линіи²⁾. Фигурныя изображенія экзотическаго характера — человѣческія фигуры съ аффектированной жестикуляціей, геральдическіе львы, птицы передъ курильницей или дровомъ жизни и т. п. — тянутся, непрерывной полосой, быть можетъ, отчасти на фонѣ растительныхъ завитковъ.

Нахожденіе здѣсь, на предметахъ опредѣленно анійскаго производства такихъ изображеній, какъ по сюжетамъ, такъ и по стилю исполненія хорошо извѣстныхъ изъ искусства мусульманскаго Востока, нисколько не можетъ насъ удивить, такъ какъ проникновеніе исламской культуры сильно сказалось во всѣхъ областяхъ матеріальной культуры Ани именно въ эпоху господства Шеддаидовъ, и послѣдующія³⁾. Мы находимъ здѣсь парныя, симметрически расположенныя изображенія птицъ, тигровъ и т. п., которыя пребываютъ въ различныхъ видахъ въ мусульманскомъ искусствѣ съ X по XII, а какъ переживаніе и по XVII вв. Такой какъ бы медальонный способъ расположенія изображеній особенно характеренъ, кромѣ тканей, для чеканной посуды и для рѣзбы по дереву⁴⁾. И до нашего времени мы встрѣчаемъ въ этихъ

1) Это тѣмъ болѣе станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что такъ наз. мусульскія бронзы конца XII вѣка происходятъ, повидному, (хотя-бы частью) съ армянскаго плоскогорья и сѣверной Персіи (Sarre, Ein orientalisches Metallbecken des XIII. Jhdts, in: Jahrb. Pr. KS., 1904, pp. 57—58 u. N., p. 59 Note 2 u. 3). Въ качествѣ примѣровъ см. табл. 17 (XIII—XIV в.), 15 и 21 (XIV в.), далѣе 22 и 23 (XV в.) въ изданіи предметовъ Exposition des arts musulmans, Paris, 1903, или изъ собранія Sarre, Erz. isl. Kunst, I: Metall; Prisse d'Avannes, L'Art arabe d'après les monuments du Kaire, Paris, 1877, pl. 169, 173; Sarre und Martin, Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München 1910; F. R. Martin, Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient. Stockholm, 1902 Tafelband; Museum Caucasicum, вып. V: Археологія, сост. гр. П. С. Уваровой, Тифлисъ, 1902 (дагестанскіе сосуды) и др.

2) Аналогичная разбивка на мезонотамскихъ неоловняныхъ кубинкахъ (Sarre und Herzfeld, Bd. III, табл. CXV); также на серебряной чашкѣ, вѣроятно, европейской работы, подъ № 295 въ «Вост. Серебрь». Отголосокъ такого дѣленія полосъ находимъ и на тиграхъ одежды дѣвочки изъ могилы усыпальницы Тиграна Ювенца въ Ани (см. Орбели, Каталогъ, I, стр. 35—за номеромъ 08. № 53).

3) I. А. Орбели, Развалины Ани, стр. 19—20.

4) Exposition des arts musulmans (Paris 1903), pl. 13 (средній медальонъ котла Абу-Бекра, султана Египта и Дамаска 1238—40 гг.); pl. 79 (перс. коверъ XVI в.), pl. 89 (шелковая ткань); Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München (1910): металлическія издѣлія (цитированныя выше), далѣе шелковыя ткани (Bd. III, преимущественно XI—XII вв.) и ковры (всѣ XVI—XVII вв. въ Bd. I); Sarre, Erzeugnisse islamischer Kunst, I,

отрасляхъ художественной промышленности вкрапленными такіе кружки среди изображеній совсѣмъ иного характера, именно — по удачному выраженію Sarre — «импрессионистическаго». Дѣйствительно, мусульманское искусство съ XIII-го (для конца XII-го) вѣка широкой волной заполнено импрессионистическими изображеніями животныхъ, и, напр., въ керамикѣ они даже царятъ безраздѣльно. Въ то время, какъ для болѣе ранней керамики Месопотаміи (изъ Ракки) характерны застывшія вѣтви и (правда, рѣдкія) животныя, такъ же, какъ и для безусловно болѣе раннихъ, чѣмъ XIII-й вѣкъ, персидскихъ тарелокъ и кубковъ (изъ Рея или Рагъ) симметрическія изображенія спящихъ фигуръ и нѣкоторыя черты, предвѣщающія начинающійся «импрессионизмъ»,—вся керамическая продуктивность исламскаго искусства съ XIII-го вѣка приковываетъ вниманіе живостью, «импрессионизмомъ» изображеній въ богатой, красочной скалк¹⁾. Этого мы не находимъ на разсматриваемыхъ поясахъ карасовъ: они воспроизводятъ болѣе древній, застывшій типъ. На заднемъ фонѣ изображеній видны обычные на нихъ растительные побѣги; частью, однако, это проходящія, повидимому, сплошь завитки, хорошо извѣстныя изъ исламской поливной керамики и металлическихъ сосудовъ XIII-го и слѣдующихъ вѣковъ, гдѣ именно на фонѣ растительныхъ завитковъ изображены бѣгущія животныя²⁾. Въ Ани найдены

№ 20 (сосудъ первой половины XIII в. изъ сѣверной Месопотаміи); Prisse d'Avannes, *L'art arabe d'après les monuments du Kaire* (Paris 1877), texte, p. 65 (гербъ султана El-Melek-el-Daher Beybars'a второй половины XIII в.); t. II, pl. 83 и 84 (рѣзаныя деревянные двери XIII в.); t. III, pl. 157 (слоновой кости шкатулка съ серебряными скрѣпками, на всѣхъ выдающихся мѣстахъ которыхъ посажены парно птицы передъ «деревомъ жизни»); pl. 169, 173 (металлич. печи); pl. 147, 148, 151 (ткани XII—XIV вв.); Lessing, *Die Gewebesammlung des K. Kunstgewerbe-Museum* (Berlin 1900 sqq.)—ткани восточныя съ X по XIII вв., изъ нихъ ткани XII—XIII вв. болѣею частью не заключены въ круги; есть узкія длинныя полосы, тканія съ повторяющимися симметрическими фигурами; ср. Diehl, *Manuel d'art byzantin* (Paris 1910), p. 604; M. v. Berchem et Strzykowski, *Amida*, pl. III, № 2 (909—910 гг.); Sarre und Herzfeld, *Vd. III*, табл. CV (рельефъ въ Мосулѣ); и на армянской церкви Ахтамаръ, на Ванскомъ озерѣ, X-го вѣка, см. Bachmann, *Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan* (1913), табл. 33 (лѣвый снимокъ); 35 (оба); 38 (верхній); и снимки I. A. Орбели; персидскіе ковры XVI в. въ Музеѣ барона Штиглица, см. А. Половцовъ въ журналѣ «Старые Годы», октябрь, 1913 года.

1) Ср. особенно Henri Rivière, *La céramique dans l'art musulman* (Paris 1913), по и другія публикаціи, какъ-то объѣхъ выставокъ мусульманскаго искусства, H. Wallis и др.

2) Ваза Базиленскаго въ Эрмитажѣ, часто воспроизводимая, между прочимъ и у Sarre, въ *Jahrb. der preuss. Kunstsammlungen*, 1904, p. 64; кромѣ того, тамъ же и другія p. 62, fig. 11 (перс. вазы XIII—XIV вв.), перепечатано Sarre, *Denkm. pers. Baukunst* (1911), Textband, p. 69, fig. 83; кромѣ того p. 70, fig. 85; Sarre, *Erzeugnisse islam. Kunst*, II, p. 12, fig. 13; Henri Rivière, *La céramique dans l'art musulman* (Paris 1913); далѣе публикаціи персидской керамики Henry Wallis'a и т. д. Местійскій серебряный кувшинъ: МАК, т. X, табл. XXI, или «Вост. Серебро», № 130; Prisse d'Avannes, о. с., III, pl. 164 и особенно

такія произведенія мелкаго мусульманскаго искусства (помимо поливной керампки), гдѣ представлены хорошо моделированные изображенія животныхъ, бѣгущихъ или величаво сидящихъ среди легкихъ завитковъ растений: это — гипсовое лѣнное убранство одной изъ залъ дворца въ Вышгородѣ, составляющее параллель къ поясамъ карасовъ. Мусульманское происхожденіе его засвидѣтельствовано присутствіемъ буквъ арабскаго алфавита на одномъ фрагментѣ. Съ карасами оно имѣетъ общія формальныя черты, отчасти и сюжеты¹⁾.

Въ формальномъ отношеніи пояса карасовъ разсмотрѣннаго типа исполнены — какъ сказано — округлымъ, хорошо моделированнымъ рельефомъ, вполне передающимъ линіи, очертанія тѣла. Это — приемъ всего мусульманскаго искусства, но ни въ какомъ случаѣ не искусства армянскаго. Здѣсь, въ Ани, это взятый цѣлкомъ въ готовомъ видѣ продуктъ чужого художественнаго творчества, какъ и фигурная рѣзба на церквахъ св. Григорія, постройкахъ Тиграна и Онеца, Бахтагека и т. д. Но онъ не могъ пустить корней на чуждой ему почвѣ да еще при рѣзко выраженномъ отлчїи, а наоборотъ неминуемо долженъ былъ подвергнуться ассимиляціи и переработкѣ въ духѣ мѣстнаго искусства. Мѣстный художественный укладъ сильно измѣнилъ эти чуждыя произведенія, и далъ намъ въ болѣе позднюю эпоху пояса карасовъ совсѣмъ иного типа какъ по сюжетамъ, такъ и по техникѣ, именно совершенно плоскаго, ковроваго рисунка, притомъ очень грубаго, дикаго вида. И дѣйствительно, насколько чужды были эти первые образцы, видно и по малому числу ихъ: образцовъ древняго стиля имѣется всего 7 на сто почти экземпляровъ новаго стиля и переходнаго къ нему времени²⁾.

рl. 177, воспроизводящая миниатюру изъ рукописи Parigi 1236 года, и мн. др. Также и гипсовыя лѣпныя украшенія въ Ани (о которыхъ сейчасъ, ниже) и Діарбекірѣ, и глиняныя сосуды изъ сѣверной Месопотаміи.

1) Орбели, Каталогъ Анійскаго Музея Древностей, I вып., стр. 24; рис. см. Реестръ предметовъ древности изъ раскопокъ 1907 г., стр. 3 и 13 и Каталогъ, стр. 23. Равно и лѣпныя украшенія изъ Діарбекира («Amida», p. 354—357 = Sarre, Erz. isl. Kunst, II, табл. IV—V).

2) 14. № 28 (3 фрагмента); 07. п. № 26; 12. А. 55; 10. У. II. № 7; 09. п. № 54.—Къ этому коренному различію мы еще вернемся. Здѣсь-же нужно отиѣтитъ, что и среди произведеній исламскаго искусства извѣстны рельефы плоской, такъ сказать, «армянской» рѣзбы изъ Коніи XIII-го вѣка, т. е. расцвѣта сельджукскаго искусства. Но эти нѣсколько рельефовъ стоятъ настолько особнякомъ и посреди другихъ конійскихъ, что ихъ нужно считать произведеніями инородныхъ мастеровъ, что поддерживается относительно сельджукскаго искусства нѣсколькими исторически извѣстными аналогіями, да и, напр., изображеніемъ фигуры одного рельефа, сидящей на стулѣ, а не на полу, скрестивъ ноги, какъ естественно было бы для мусульманъ. Изданы эти рельефы у Sarre, Erz. isl. Kunst, II

Убранство древнѣйшихъ карасовъ состоитъ, какъ мы указывали, изъ крупныхъ рельефовъ и охарактеризованныхъ только что поясовъ. А между тѣмъ нельзя не отмѣтить, что первые всетаки далеко не столь выпукло, округло лѣблены, какъ, напр., фигуры гипсового убранства залы дворца. Это — въ сравненіи съ указанными исламскими памятниками: сравнивая же ихъ съ типично-армянскими рельефами, мы увидимъ значительный уклонъ въ сторону моделированія фигуръ. Здѣсь, очевидно, какъ на болѣе крупныхъ памятникахъ, армянскія нормы оказали извѣстное вліяніе уже съ самаго начала.

Между карасами новаго времени и древними, на первый взглядъ, — непереходимая пропасть. И стиль и сюжеты изображеній совершенно различны; никакой преемственности установить нельзя, кромѣ нѣкоторыхъ чисто-внѣшнихъ и для стиля чертъ. Многѣ представляется, что на тѣхъ же сосудахъ и тѣми же техническими приѣмами стали теперь воспроизводить совсѣмъ другія изображенія. Но есть карасы съ пояснымъ убранствомъ, которое я считаю переходнымъ къ новому стилю; оно состоитъ изъ рельефныхъ поясовъ съ изображеніями сравнительно крупно представленныхъ животныхъ, главнымъ образомъ оленей¹⁾, а также лошадей²⁾, быковъ³⁾, собакъ⁴⁾, наконецъ, одинъ разъ, повидному, медвѣдя и одинъ разъ волка⁵⁾. Мы замѣчаемъ здѣсь большое разнообразіе сюжетовъ; еще не создано шаблона: сцены живыя, подвижныя, экспрессивныя (табл. XVI рис. 1—6, табл. XVII и XVIII). Быть можетъ, это частію даже охотничьи или боевыя сцены (ср. табл. XII рис. 2 и табл. XVIII рис. 2)⁶⁾. Мы здѣсь на-

(1909). Много позднѣе, въ XVI—XVII вв. эту же плоскость въ рельефахъ и фигурахъ мы найдемъ въ персидскомъ искусствѣ; но въ это время не слѣдуетъ ли ставить ее въ связь съ китайскимъ вліяніемъ при Сефевидяхъ (см. Sarre, Denkm. pers. Baukunst, Tafelband, табл. 64; Sarre, Erz. isl. Kunst, I, рис. 47 (стр. 55), № 160; Migeon, Exposition des arts musulmans, pl. 70).

1) Об. № 225, а, b; 10. У. IV. 70; 15. А. Около церкви рода Абухамрэнцъ въ 1915 г. откопаны фрагменты караса съ изображеніемъ трехъ бѣгущихъ животныхъ (двухъ оленей и волка?), оттиснутымъ вверхъ ногами, какъ видно изъ расположенія ручекъ.

2) 15 п.; 04, № 5а; 12. А. 5).

3) 09. М. № 48.

4) 15 п. № 15.

5) 15. А.

6) Образцы собраны въ I-ой витринѣ. Въ параллель къ нимъ естественно появятся изображенія животныхъ на фрагментахъ трехъ поливныхъ чашекъ: 15. А; 11. С. № 1; 08. № 29. Интересная находка была сдѣлана въ XII кампанію (1913 года) при раскопкахъ около церкви Спасителя. Здѣсь были найдены фрагменты, повидному, воспроизведенія церкви въ красной полированной глипѣ (ковчежець?), имѣющаго еще нѣсколько аналогій въ Музеѣ. Экземпляръ раск. 1913 г. украшенъ такимъ же караснымъ орнаментомъ, какъ и перечисленные, изображающимъ чуть ли не воинское выступленіе, погоню (см. табл. XVIII рис. 2).

блюдаемъ то же теченіе, что и въ одновременномъ исламскомъ искусствѣ, именно, упоминавшуюся уже любовь къ импрессионистическому изображенію животныхъ въ движеніи и т. д. Очевидно, это общая волна, охватившая искусство всего Востока да, собственно говоря, и Запада, Европы. Но встрѣчаются также приемы, ставшіе затѣмъ шаблономъ. Хотя фигуры еще очень высоко выдаются на фонѣ, по опѣ совершенно плоски, отдѣленность нѣкоторыхъ частей туловища мѣстами еще налицо, но уже нѣтъ легкости и изящества линий, движенія, а рисунокъ простъ и грубоватъ¹⁾. Животныя и вообще отдѣльныя сценки (изрѣдка появляется и человекъ) располагаются уже большею частію по три разныя группы, заключенныя иногда между деревцами (вродѣ елокъ). Это и принимаетъ обязательный характеръ, становится нормой, шаблономъ. Но это измѣненіе, какъ мы уже нѣсколько разъ отмѣчали, есть явственно одно изъ проявленій какого-то общаго большого процесса переработки въ духѣ собственныхъ требованій. У анійскихъ жителей были требованія цѣлостной культуры, единства ея, начиная отъ церквей, дворцовъ, зданій, и до мелочей повседневнаго обихода включительно. Это наблюдается на протяженіи всего доступнаго изученію періода. Перенесеніе готовыхъ формъ исламскаго искусства не могло произвести въ Анни перерожденія психологическаго уклада и пормъ художественныхъ воспріятій. Наоборотъ, эти послѣднія претворили на свой ладъ иноземные образцы—въ наименьшій случаѣ замѣнили украшеніе карасовъ соответственно своимъ вкусамъ. Прежде всего это сказалось на формальномъ, стилистическомъ преобразеніи ихъ согласно своимъ нормамъ. Новое убранство карасовъ приняло исключительно поясной, чисто-орнаментальный характеръ, удовлетворяя инымъ требованіямъ, нежели древніе карасы. Въ то время, какъ древніе карасы своими рельефами находятся въ полной гармоніи съ аристократическимъ представительствомъ иноземной культуры, а стплемъ орнаментальныхъ поясовъ, имѣющихся на нихъ, отвѣчаютъ также и роскоши, — новые карасы самой измѣненной формой ихъ и орнаментальными поясами отвѣчаютъ мѣстному массовому спросу, но съ пониженнымъ уровнемъ художественныхъ требованій.

Карасные пояса зрѣлаго новаго стиля показываютъ, что работа претворенія иноземныхъ художественныхъ продуктовъ произведена и въ отношеніи сюжетовъ. Импрессионизмъ и разнообразіе сценъ переходной эпохи

¹⁾ Ср. подобныя изображенія въ «Вост. Серебрѣ», № 142 (того же времени мусульманской чеканки), персидскій кафель (Sarre, *Erz. isl. Kunst*, II, рис. 11 стр. 11) и сравнимыя съ послѣдними сельджуцкіе рельефы по камню (ib., рис. 10 и 17). Кроме того, Sarre, *Denkm. pers. Baukunst. Textband*, pp. 69 (рис. 83), 70 (рис. 85).

преодолены строгой, суровой стилизаціей, вѣрике, схематизаціей изображеній и ихъ компановки. Въ новомъ стилѣ движенія иѣтъ, а царитъ схема. Сюжеты обнимаютъ людей, животныхъ и птицъ (иѣтуховъ? — того же размѣра, что и животныя), а изображенія — въ лучшихъ своихъ образцахъ — представляются стилизованными, заостренными, разбитыми теперь уже на правильные квадратики, съ повторяющимися черезъ три сюжетами¹⁾. II въ размѣрѣ пояса новаго стили уменьшены и подведены подъ одну мѣрку²⁾.

Различаются двѣ группы изображеній различныхъ сюжетовъ. Одна, менѣе совершенная, представлена въ числѣ около 20 вариантовъ (табл. XIX и XX, ср. также табл. XVII и XVIII, гдѣ изображены пояса, непосредственно предвѣщающіе новую эпоху). Изображены три человѣчка en face, средний изъ нихъ маленькій: на нѣкоторыхъ вариантахъ онъ доведенъ въ стилизаціи до ромба съ точкой въ центрѣ. Позы человѣчковъ должны быть экспрессивны. Въ другихъ квадратикахъ изображены отдѣльныя животныя — олени, собаки, быки, «иѣтухи» и т. п. Раздѣляющія отдѣльныя сценки перегородки мѣняются здѣсь: зигзагъ — лѣстница — елка — витая колонка. При этомъ есть формы, составляющія если не переходъ изъ одной въ другую, то во всякомъ случаѣ ассимиляцію одной другою, такъ что трудно сказать о нихъ — елка это или колонка.

Кромѣ того, два фрагмента составляютъ или связующіе примѣры между образцами переходной и новой эпохъ, или одинаково могутъ относиться и въ ту и въ другую. Такъ, на одномъ между человѣчками и «иѣтухомъ» изображено сидѣнье(?): его скорѣе можно отнести къ переходной эпохѣ³⁾. На другомъ, фрагментѣ большой ручки, вмѣсто трехъ человѣчковъ имѣемъ только одного съ (молитвенно?) воздѣтыми вверхъ руками и купольной церковью крестоваго плана (табл. XX рис. 3). Не возможно ли предположить здѣсь специально-церковный заказъ? Этотъ поясокъ также раздѣленъ витыми колонками на квадратныя поля.

Вторая серія — законченныя произведенія новаго стили — даетъ только 3—4 варианта (табл. XXI). Въ квадратикахъ изображены птицы съ итенцами и животныя, кормящія дѣтенышей; человѣчковъ вообще иѣтъ. Изображенія настолько деградированы, что опредѣлять, кто на нихъ представленъ, вовсе не соответствуетъ замыслу мастера: налицо такія превращенія,

1) Число три имѣетъ тутъ практическое основаніе: ширина каждой фигурки равна примѣрно діаметру цилиндра, т. е. этимъ тройнымъ числомъ рѣзныхъ фигуръ на окружности цилиндра очень облегчался расчетъ величины каждой изъ нихъ.

2) Всѣ эти образцы выставлены во II-ой витринѣ.

3) Ог. М. № 23 и 15. п.

которыя говорятъ о полномъ отсутствіи мысли о живыхъ прообразахъ. Наоборотъ, все говоритъ о чисто-техническомъ процессѣ стилизаціи; вмѣсто одного только упрощенія рисунка и приведенія его къ основнымъ структурнымъ линіямъ, мы имѣемъ здѣсь старательное заполненіе всякаго пустого мѣста какими бы то ни было простѣйшими линіями, фигурами. Здѣсь изображены какъ бы олени, но съ вытянутымъ вверхъ шпиромъ крупомъ, какъ бы серны съ совершенно прямыми рогами и закрученнымъ спиралью хвостомъ (?), наконецъ, какъ бы пѣтухи съ эселебантами отъ конца вверхъ стоящаго трапеціей хвоста къ шеѣ¹⁾. Фигурки отдѣлены другъ отъ друга перегородками съ зигзагомъ и точками по серединѣ, уже принятыми значительные размѣры.

Стиль этихъ послѣднихъ изображеній совершенно отличенъ отъ первыхъ—крупныхъ рельефовъ и сопутствующихъ имъ поясныхъ сюжетовъ. Они плоски и орнаментально стилизованы и—въ формальномъ отношеніи—скорѣе всего направляются на сравненіе съ фигурными изображеніями на поливныхъ сосудахъ и т. д.²⁾ Здѣсь мы сталкиваемся съ типичнымъ для всей армянской рѣзьбы явленіемъ. Орнаментація исполняется въ рѣзко выраженной плоской рѣзьбѣ: всѣ естественныя выпуклости, вся закругленность фигуръ отброшены и изображеніе достигается вырѣзываніемъ рисунка преимущественно прямыми чертами въ плоскости, а не моделированіемъ массы³⁾. Этотъ приѣмъ характеренъ для всей анійской рѣзьбы, какъ фигурной, такъ въ значительной мѣрѣ и геометрической. И даже болѣе того: онъ характеренъ и для армянской рѣзьбы вообще⁴⁾. И это настолько составляетъ сущность художественнаго воспріятія формъ, что даже скульптуры надгробныхъ памятниковъ воспріимаются, какъ соединенія подъ угломъ отдѣльныхъ плоскостей, а не какъ округлыя, пластическія фигуры⁵⁾.

Кромѣ фигурныхъ поясовъ, имѣются еще пояса съ исключительно геометрической орнаментовкой (табл. XXII и XXIII). Среди нихъ можно выдѣлать нѣкоторые фрагменты, которые по тщательности отдѣлки и большей

1) Аналогія деформаций «Вост. Сер.», рис. 37.

2) Об. № 180; Об. С. 19; Об. № 73; Об. № 66; 10. У. IV. 40.

3) Ср. рис. въ Отчетахъ ИАК, 1892, стр. 78, 79 или въ № 1—3 изданій «Анійской Серіи»; XV, т. I, II; TP, кн. XIII.

4) Ср., напр., безконечное количество рельефовъ на Ахтамарской церкви (на Ванскомъ озерѣ) X-го вѣка и на др. изданныхъ Bachmann'омъ, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan (Veröffentlichungen der deutschen Orient-Gesellschaft, 1913); то же: Егіазаровъ и Мартиросьянцъ, Памятники древне-армянской архитектуры (СПБ, 1905), и др. Наличие этой особенности въ рѣзьбѣ армянскихъ рельефовъ подтвердилъ мѣ и I. А. Орбели, какъ повсюду наблюдаемую имъ (быть можетъ, за однимъ двумя исключеніями).

5) Bachmann, op. cit., табл. 9.

выпуклости формъ, а частью и по вѣшнимъ обстоятельствамъ находеніе ихъ, могутъ быть отнесены къ болѣе раннему періоду. Образцы геометрическаго убранства поясовъ собраны въ Музеѣ въ отдѣльной витринѣ, причѣмъ при расположеніи ихъ принята во вниманіе и эта замѣчающаяся хронологическая пли, по крайней мѣрѣ, типологическая послѣдовательность.

Въ отношеніи рисунка рѣзко различаются два типа. Одинъ покрываетъ украшаемую часть сплошной, непрерывной полосой; другой же используетъ ее черезъ извѣстные промежутки кружками тѣхъ или иныхъ рисунковъ¹⁾. 15 образцовъ перваго типа представляютъ варианты очень распространеннаго архитектурнаго орнамента волнисто переплетающихся линій съ точками посрединѣ²⁾. Одинъ образецъ имѣетъ древнѣе представляется древнѣе (табл. XXII рис. 1)³⁾; близко подходит къ нему одинъ фрагментъ, извлеченный изъ бута купола церкви св. Григорія, рода Абугамренцъ⁴⁾, между тѣмъ какъ образцы съ идущими отъ горла къ поясу полосами, какъ бы полотенцами, переносятъ насъ въ позднюю эпоху (табл. XXII рис. 2 и табл. X рис. 2). Кроме того, имѣется еще три отличныхъ отъ рассмотрѣннаго только что архитектурнаго образца непрерывной геометрической орнаментовки (табл. XXII рис. 4)⁵⁾ и стилизація надписи (табл. XXII, рис. 3).

Второго типа коллекція украшеній кружками съ розетками, съ соломоновыми печатями и тому подобными изображеніями достигаетъ 30-ти различныхъ примѣровъ (табл. XXII рис. 5—6 и табл. XXII). За одинъ изъ древнѣйшихъ я бы считалъ два выходящіе нѣсколько изъ этой разновидности примѣра, именно ручку караса, изображающую въ большомъ кругѣ солнце, стилизованное въ видѣ лица, поппже розетку и вихреобразную фигуру (табл. XXII рис. 6)⁶⁾, а также образцы чередующихся(?) кружковъ и квадратиковъ съ крестикомъ и треугольничками въ немъ. Что же

1) Частью, быть можетъ, они воспроизведены штемпельми отъ руки, а частью роликми, хотя равенство промежутковъ между ними еще не рѣшаетъ вопроса; ср. форму изъ находокъ 1908 года (Дневникъ раскопокъ отъ 10 июня: OS. № 6) съ рисункомъ розетокъ.

2) Ср., напр., на церкви изъ раск. 1911 года, на церкви Абугамренцъ и др.

3) OS. A. № 12.

4) 15, A, 18: третій фрагментъ въ верхнемъ ряду.

5) Ср. фрагментъ изъ Самарканда въ Этнографическомъ Музеѣ Имп. Академіи Наукъ за № 999—16 (въ шкафу № 4).

6) Об. п. № 2. Отдаленно напоминаетъ ее украшеніе на сѣверной сторонѣ барабана церкви Тиграна въ Онеца. Аналогичная вихреобразная фигура встрѣчается среди месопотамскихъ неолитныхъ глиняныхъ фрагментовъ ранне-исламскаго періода штемпельнаго производства (Sarre und Herzfeld, op. c., I, стр. 226 и рис. 117).

касается всѣхъ остальныхъ, то въ общемъ они производятъ впечатлѣніе принадлежности одной эпохѣ — послѣдней. Показательными для нея являются уже извѣстныя намъ большая ручка особой формы и упоминавшіяся не разъ полотеница, изображающія прозрачную ткань, перехваченную тесьмами и пуговками¹⁾, а, быть можетъ, совершенно преобразованное изображеніе деревьевъ, встрѣчаемыхъ въ переходную эпоху на карасахъ: тутъ тоже есть пуговки, тамъ явно изображающія плоды²⁾. Нѣкоторые много вида образцы такихъ полотенецъ, какъ я бы хотѣлъ ихъ считать, наводящіе на мысль и о возможности перехода изъ тѣхъ деревьевъ, находятся въ коллекціи горлъ отъ карасовъ³⁾.

Среди образцовъ Музея есть фрагменты карасныхъ поясовъ съ частями ручекъ, гдѣ наблюдается соединеніе фигурнаго пояса съ розетками, поставленными у основанія ручки: вѣроятно, это находится въ связи съ оставшимся пустымъ при отгискиваніи цилиндра мѣстомъ (табл. XXII, рис. 42)⁴⁾.

Итакъ, рассмотрѣнные нами полированные карасы, какъ по формѣ, такъ особенно по декоративному убранству составляютъ изолированную группу⁵⁾. Какъ не можемъ мы пока указать тѣхъ глянчатыхъ сосудовъ, отъ которыхъ произошли наши карасы, такъ и декоративное убранство ихъ не находить себѣ пока прямо указуемаго источника, прообраза. Но тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что карасы тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ одновременнымъ народнымъ художественнымъ творчествомъ въ отношеніи психологическихъ основъ и особенностей. Полированные сосуды изъ красной глинны — миски, кружки, кувшины, горшки, украшенные и неукрашенные — находятся въ Аши въ послѣднюю эпоху развитія городской жизни въ громадномъ количествѣ, приближающемся къ количеству поливной посуды. Карасы въ этомъ отношеніи составляютъ одно изъ выраженій даннаго теченія. Что касается рельефныхъ, тисненыхъ украшеній, то они психологически входятъ въ одну группу съ упоминавшимися неполивными месопотамскими и среднеазиатскими, а также поливными персидскими издѣліями, на которыхъ украшенія рельефны; я считаю возмож-

1) Обл.—10. У. IV. изъ собр. № 133.

2) Ср. выше, стр. 26 и табл. XI рис. 7.

3) Въ особомъ глухомъ ящикѣ Музея.

4) Нельзя будетъ также упомянуть о существованіи фрагментовъ карасовъ съ тиснеными надписями по верхней поверхности краевъ горла; они описаны Г. А. Орбели въ Каталогѣ, I выпускъ, стр. 64 (въ строкѣ 9-ой слѣдуетъ только замѣнить «по поясу» словами «по борту горла»). Буквы имѣютъ хорошее лапидарное начертаніе.

5) Распространены карасы довольно широко: фрагменты ихъ имѣются, кромѣ Аши, изъ Ширакавана, Армавира, Гарни.

нымъ говорить здѣсь не о заимствованіи, а лишь о закономерномъ проявленіи однѣхъ и тѣхъ же формъ, какъ результатъ однаково достигнутыхъ ступеней развитія. Такъ же надо смотрѣть на повсемѣстное проявленіе громадной живости, подвижности, прочувствованности изображаемаго, которое такъ рѣзко и выгодно отгѣняетъ искусство съ начала XIII-го вѣка, какъ въ передней Азіи, такъ и въ Европѣ, отъ сухого, безжизненнаго, схематическаго подчасъ, искусства предыдущаго времени. Въ этой смѣнѣ характера художественныхъ воспріятій мы находимъ важное подспорье и для опредѣленія, хотя бы очень приблизительнаго, времени нашихъ карасовъ. Древнѣйшіе, какъ упоминалось, исполнены еще цѣлкомъ въ духѣ геральдически-неподвижныхъ, завѣщанныхъ отъ предковъ изображеній, въ то время какъ новыя — полны движенія, жизни. Лишь постепенно мастера овладѣли предметомъ и выдѣлили опредѣленные композиціи, претворивъ ихъ вполне согласно своимъ требованіямъ.

Если такимъ образомъ карасы вошли и вполне слились съ армянскимъ искусствомъ послѣ XIII-го вѣка въ Ани, то все-таки возможно, что придется признать чужеземное ихъ происхожденіе. Въ этомъ смыслѣ наиболѣе важными являются два пункта. Въ то время какъ анійскіе сосуды самыхъ разнообразныхъ величинъ имѣютъ форму выпянутую, къ низу коническую, — у нашихъ полированныхъ карасовъ она пузатая, почти округлая. Далѣе, обычно сплошное заполненіе свободной поверхности предмета орнаментами, очень часто совершенно не приведенное къ высшему единству, не повторено на карасахъ, гдѣ ограниченность украшенія, технически, правда, вполне пояснимая, остается психологически непонятной. Въ обоихъ пунктахъ мы получаемъ вполне удовлетворительныя разъясненія, обратившись къ дагестанскимъ мѣднымъ котламъ, о которыхъ упоминалось вначалѣ. Г. А. Орбели подвергъ спеціальному разсмотрѣнію взаимоотношеніе карасовъ и дагестанскихъ котловъ; благодаря любезности Г. А. Орбелю, вслѣдованіе котораго надѣемся скоро станеть общимъ достояніемъ, мы имѣли возможность ознакомиться съ матеріаломъ въ полномъ объемѣ. По моему впечатлѣнію, анійскіе карасы — сколокъ дагестанскихъ котловъ, правда, сколокъ, какъ нельзя лучше пришедшійся ко двору, вполне отвѣчавшій мѣстнымъ запросамъ. Карасы сдѣланы по образцу такихъ мѣдныхъ котловъ, которые вполне легко и естественно предполагать привезенными въ Ани. Последнее обстоятельство объяснить, что скопировали и пузатую форму, и всѣ характерныя детали. Узкія горла съ невысокими и какъ бы развертывающимися бортами объясняются изъ мѣдныхъ котловъ, гдѣ нѣтъ бортовъ, но зато горизонтально отходятъ ровныя поля, которыя точнѣе нельзя было

воспроизвести изъ глины, чѣмъ то видѣмъ на раннихъ карасахъ. Маленькія для одного пальца ручки, мало цѣлесообразныя въ глиняныхъ тяжелыхъ карасахъ, вполне умѣстны на мѣдныхъ котлахъ, гдѣ въ нихъ продѣвали большія ручки. Не даромъ на позднѣйшихъ карасахъ, выдѣлывая которые, мастеръ обладаетъ уже полнымъ навыкомъ производства вмѣсто стоящаго въ первый разъ передъ его глазами, чуждаго по технику и матеріалу, образца для копированья, онъ сдѣлалъ большія ручки, имѣющія практическое значеніе. Орнаментированные пояса, пущенные по наибольшей окружности, становятся понятными, когда находимъ ихъ на мѣдныхъ котлахъ, гдѣ они могли играть реальное, практическое значеніе сокрытія швовъ клепки. Видя такой прообразъ, мы понимаемъ, что при немъ не могла зародиться мысль (оставивъ практическое назначеніе поиска въ сторонѣ) покрыть весь корпусъ громаднаго металлическаго предмета орнаментами: это была бы несоразмѣрно трудная и слишкомъ дорого стоящая задача. Оба соображенія, однако, при глиняномъ производствѣ не могутъ имѣть мѣста. Удержавшись же на карасахъ пояса и не замѣнились сплошнымъ украшеніемъ, благодаря приложенію къ производству ихъ съ самаго же начала техническому усовершенствованію, создавшему традицію. Наконецъ, отсюда же пояснитея и особенность убранства древнихъ карасовъ; во-первыхъ, присутствіе на поясахъ изображеній специально-исламскаго искусства: очевидно, что увидали мастера на мѣдномъ дагестанскомъ котлѣ, то—или однородное по характеру, но вообще и ранѣе извѣстное имъ—воспроизвели они и на роликахъ для оттискиванія карасныхъ поясовъ. Во-вторыхъ, воспроизведены крупныя рельефы по верхней половинѣ карасовъ, которые имѣютъ себѣ аналогію въ котлахъ, а исчезновеніе ихъ позднѣе есть результатъ эволюціи на анійской почвѣ. Всѣ эти соображенія говорятъ за то, что въ карасахъ мы имѣемъ дѣло съ заимствованнымъ явленіемъ, но насколько оно было подготовлено предыдущимъ развитіемъ, показываетъ ходъ эволюціи его въ Анн, идущей почти вразрѣзъ съ заимствованіемъ¹⁾.

Г. Чубиновъ.

1) И. И. Смирновъ указываетъ мнѣ, что Морганъ, приводя рисунокъ одного обломка анійскихъ карасовъ, считаетъ его іероглифическимъ письмомъ, при этомъ же высказываетъ соображеніе о происхожденіи его изъ хеттскаго письма и объ употребленіи въ позднюю эпоху когда въ ходу была клинопись (J. de Morgan, *Les premières civilisations. Études sur la préhistoire et l'histoire*. Paris 1909, pp. 232 и 169 и. 1). Морганъ пользуется отчетомъ Э. Рёслера, копаннаго по порученію Инст. Археологической Комиссіи лѣтомъ 1900 года, между прочимъ и въ Анн; отчетъ же помѣщенъ въ *Zeitschrift für Ethnologie, Verhandlungen*, 1902, pp. 236—237. При раскопкахъ на западной сторонѣ Вышгорода Рёслеръ нашелъ «кусочекъ большого глинянаго сосуда краснаго цвѣта съ орнаментомъ изъ древне-персидскихъ клинописей» (это по мнѣнію С. К. Lehmann'a въ Берлинѣ), и другой фрагментъ, на которомъ находятся «между двумя горизонтальными валиками подобныя іероглифамъ изображенія».

Суджунская церковь и ея древности.

Мѣстечко Суджуна находится въ 4 верстахъ отъ станціи Абаша Закавказской желѣзной дороги. Оно служило прежде зимнею резиденцію Фкондидскихъ епископовъ и являлось очень бойкимъ торговымъ пунктомъ Мнигреліи. Съ открытіемъ станціи въ Абашѣ торговля Суджуны пала, хотя ярмарки бывають здѣсь нѣсколько разъ въ году. Церковь въ Суджунѣ довольно большая и очень красивая, имѣетъ видъ удлиненнаго четырехугольника съ фронтонами и куполомъ. Она облицована снаружи чисто отгесанными бѣлыми камнями (табл. XXIV). Внутри она дѣлится круглыми столбами на три нефа съ тремя алтарями. Алтарные выступы снаружи образуютъ полукругъ. Широкія двери съ юга, запада и сѣвера украшены кругомъ красивою рѣзбою (табл. XXV рис. 4 и 5). Надъ южною дверью небольшой рѣзной крестъ съ голубями сверху, а по сторонамъ креста рельефомъ представлены святой Димитрій и святой Георгій съ надписями имевъ: $\text{P}\bar{\text{C}}\ \bar{\text{D}}\bar{\text{E}}\bar{\text{C}}\bar{\text{I}}\bar{\text{Y}}$, $\text{P}\bar{\text{C}}\ \bar{\text{P}}\bar{\text{C}}\bar{\text{I}}$. Святые изображены верхомъ на коняхъ, поражающими драконовъ копытами (табл. XXV).

Барабанъ изъ 12 граней со столькими же окнами, украшенными снаружи арочками. Главное украшеніе внѣшнихъ стѣнъ церкви и фасадовъ составляютъ аркады, ниши и нишки. Въ главномъ алтарѣ три окна, въ боковыхъ по одному; затѣмъ по два окна имѣются съ запада, юга и сѣвера. Надъ западною дверью вверху видна плита въ рамѣ для надписи, но самой надписи нѣтъ (табл. XXV). Восточный фасадъ украшенъ лишиями, арками и двойными арочками надъ окнами. Кроме того, подъ фронтономъ имѣется поясъ изъ 11 выпуклыхъ, а ниже — поясъ изъ полукруглыхъ нишекъ (табл. XXVI). Крыша желѣзная. Съ юго-восточной стороны, недалеко отъ церкви, надъ рѣчкою возвышается красивая колокольня, возведенная изъ такихъ же бѣлыхъ камней, какъ церковь. Нижняя часть

колокозныи о четырехъ высокихъ столбахъ, верхняя о восьми круглыхъ колоннахъ съ базами и капителями.

Поодаль отъ церкви, съ западной стороны небольшая деревянная церковь съ алтарнымъ выступомъ съ востока.

Обширный ровный дворъ церкви украшаютъ гигантскіе чинары и лимовыя деревья. Церковь построена въ половинѣ XIX вѣка Антономъ Ікондидели и является послѣднимъ интереснымъ памятникомъ автономной Мингрелии. Она посвящена святому Георгію и богата образами этого святого.

Образа и другія вещи Суджунской церкви.

1. Большой храмовый образъ святого Георгія, серебро-позолоченный, чеканный, грузинской работы въ 67 × 46 сант. Святой представленъ стоящимъ въ одеждѣ римскаго воина, съ конемъ въ правой рукѣ; лѣвою онъ держитъ у ногъ щитъ, украшенный плетеніемъ (табл. XXVII). Нимбъ святого снабженъ сложными разводами грузинскаго пошпа и украшенъ крупнымъ камнемъ (лазомъ). Надпись имени крупными заглавными церковными буквами: **გე Ⴀ Ⴁ**, и таковыми же греческими буквами, идущими вертикально по обѣ стороны: **Ο ΑΓΙΟΣ ΓΕОРΓΙΣ**. Самый образъ не позднѣе XIV вѣка. Кайма образа болѣе поздняго времени и грубой работы украшена травянымъ орнаментомъ и поясными изображеніями святыхъ въ медальонахъ: налѣво евангелисты Іоаннъ, Маркъ и Матѳеи (**გე Ⴀ Ⴁ Ⴀ Ⴁ Ⴀ Ⴁ**, **გე Ⴀ Ⴁ Ⴀ Ⴁ Ⴀ Ⴁ**), направо три ангела, сверху архангелъ Михаилъ, внизу въ серединѣ успение Богоматери, по краямъ изображенія Богоматери съ Младенцемъ. Всѣ эти рисунки грубой работы XVII—XVIII вѣка.

2. Образъ святого Георгія серебряный, чеканный, въ 48 × 34 сант., грузинской работы (табл. XXVIII). Святой представленъ стоя; въ правой рукѣ онъ держитъ коня, лѣвою поддерживаетъ у ногъ щитъ, украшенный въ серединѣ листоватымъ орнаментомъ, а по краямъ крупная надпись заглавными церковными буквами:

ჟე Ⴀ Ⴁ Ⴀ Ⴁ Ⴀ Ⴁ Ⴀ Ⴁ Ⴀ Ⴁ

«ქრისტე შეიწყალები იმანე ცაშელა ფაღაგისძე (?)».

«Христе, помилуй Іоанна Цайшели (цайшскаго епископа) Полагисдзе».

Трудно сказать, нужно ли читать группу **ფაღაგისძე** какъ **ფაღაგისძე** «Полагисдзе» или иначе, такъ какъ такую фамилію мы первый разъ

встрѣчаемъ; по группы **ЮЧ** и **СУУ** должны означать иванъ ცაიშელი — «Иоаннъ Цайшели».

Изъ другихъ источниковъ Иоаннъ Цайшели не извѣстенъ. Надпись, по-видимому, не позднѣе XIII—XIV вѣка.

По крайнѣму образу 12 камней, въ нѣмъ пять. Надпись имени святого крупными заглавными хуцури: **წმ წყ.** Фонъ образа гладкій, по кайма съ трехъ сторонъ покрыта вьющимися растеніями. Она поздней работы, XVII вѣка, о чемъ повѣствуетъ надпись мхедрули въ шесть строкъ, помѣщенная вверху на гладкой каймѣ:

ქ: ქა: მოწამეთა: შორის: მკნეო: შვიდ წოლ: უძლეველო: ღვასწლის: მძლეო: 1
დიდო: მექლარო: დიდის: შეივისო:
წმიდაო: გიორგი: კრმლოსანო: ბორტმან: ვინმე: კაცმან: კელეო: ხატისა: 2
შენისა: გატყხა: ხლო: ჩუენ: ძალითა: შენითა: უკადრისად: შ
ემკადრებელი შენი: გამოვანინეთ: და: ვითარცა: ავსა: კაცსა: იყრობდა: ისრე: 3
უყავით: აწე: ჩუენ: შენ: მიერ: განძლიერებულმან: დადიანმან: შა
ტრონმან: ღვეან: განვანხლეთ: ახლად: ოქროსა: წყლისა: დაფერვითა: გარე- 4
შემო: ოთხის: თეგის: მოჭედითა: და: თუალ: მარტალიტითა: და:
დაგასვენ
ეთ: სუჯუნის ექლესიას: მის: კურთხეულისა: ქილაძის: ასულისა: და თანა 5
მეტყედრისა: ჩუენისა: დედოფლისა: შატრონისა: ნესტანდარეჯან-
ნისა: სუ
ლისა: სანსრად: და: სანხად: ჩუენდა: სადღეკრძელოდ: და ძეთა: ჩუენთა: 6
ახლანდელად: განახლდა: ქვესა: სემას: ოცდა: ათათხმეტსა:

Переводъ:

«О ты, храбрый между мучениками, семь разъ неопбдимый, украшенный подвигами, великій воинъ Великаго Царя, святой Георгій меченосецъ! Нѣкій злой человекъ приступилъ было къ ограбленію твоей иконы, но мы силою твоею обнаружили дерзнувшаго противъ тебя и, какъ подобало со злымъ человекомъ, такъ съ нимъ поступили. Нынѣ мы, возвеличенный тобою Дадіани патронъ Леванъ, снова возобновили тебя позолотою, украшеніемъ четырехъ бордюровъ и драгоценными камнями и поставили въ Суджунской церкви во спасеніе и утѣшеніе блаженной памяти урожденной Чыладзе, супруги нашей Неставъ-Дареджаны, въ долгоденствіе наше и въ воспитаніе сыновей нашихъ. Обновленъ въ корониконъ 334».

Корониконъ этотъ соотвѣтствуетъ 1646 году.

3. Образъ св. Георгія-грузинской работы, серебряный, чеканный, въ

26 × 22 сант. (табл. XXIX). Святой представленъ верхомъ на конѣ поражающимъ дракона коньемъ. Кайма украшена травами и вьющимися растеніями. Сверху надпись въ 4 строки заглавными хуцури:

საჰოანს მის წყნს	1
სა: მს წყნსსსსსსსს	2
ყრის წყნს: მს სასსსსსსსსსსსსს	3
მსსს მს მს.	4

Безъ сокращеній:

«საჰოანის წმიდა გიორგი, შეწირე და გაუმტყვე ბატონს გიორგის მის-
მელის მთავარსა [მსსსსსსსსსსსსს]».

Переводъ:

«Святой Георгій Суджунскій, прими (сие) и дай побѣду господину Георгію, который распорядился отчеканить образъ твой. Аминь».

Георгіи этой надписи долженъ быть или Георгій Липартіани, сынъ, Кация, который жилъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, или Георгій Дадіани, сынъ Отія, который пзвѣстенъ во второй половинѣ XVIII вѣка¹⁾. Такимъ образомъ, описываемый образъ св. Георгія не древнѣе XVII—XVIII вѣка.

4. Образъ св. Георгія, серебряный, чеканный, въ 28,5 × 24 сант. грузинской работы, внизу немного поврежденъ (табл. XXX). Святой представленъ стоя, въ правой рукѣ держитъ копье, лѣвую положилъ на мечъ, рукоятка котораго оканчивается плечьею головою; къ лѣвой же рукѣ выше локтя привѣшенъ щитъ. Поле образа украшено вьющимися растеніями. Надпись имени крупными заглавными хуцури: **მს მს**. Серебряныя цѣпи, привѣшенныя къ образу, показываютъ, что его носилъ на груди священникъ. Сверху надпись буквами мхедрули оборвана, она заключаетъ въ себѣ начало обращенія къ святому Георгію:

ქ ში ეოველთა ქრისტიანეთა შემწეო და შესავდრებელო შვიდ წილ უძლეველო 1
ღვანელ შემოსილო . . . 2

Остальная часть второй строки срѣзана; видны остатки верхнихъ частей буквъ и по краямъ начальныя буквы третьей строки.

На оборотѣ образа и на толщѣ большая надпись (табл. XXXI):

1) Brosset, Hist. de la Géorgie, t. II, livr. 1, p. 648.

ქ. ჳონ ყოველთა ქრისტიანეთა ზღუდეო მცველო და შესავადრებელთ მსხერა 1
 მხედარო ქრისტიანო შვიდ წილ უძღველო ღვაწლით შემოსილო დიდო მონაშ 2
 ეო მთავარო წმადრ-ციორგი სუჯუნისაო ხვეს ქრისტიეს მიერ კურთხ 3
 ეულმან მამა ჭყონდიდეულმან ჩხვიძემ ზატონმან ევდემოს ვაგუელისემ 4
 ეთ და მოვინდომეთ სსხრებით მოსავმან და მადიდებულმან ტაძრისა შენისამა 5
 ნ ვიგუელო და ვიგუელისმოადგინეთ გავდრეთ და შემოგვირეთ ბერიე ესე 6
 შესწირა
 ვი ესე. ასე რომე კოდრო ვამეო დადისისიან და ელენე დედოფლისიან ზირვე 7
 ღად შემოწირული ყოფილიყო და სსუქოინდლოთ სსხსოთ ყოფილიყო და 8
 ესეთა ვითა
 ვითარებისათა ელივთა გოტის მისთვის დაქტირა აწე ხვეს გამოცვირთმეცია სელ 9
 ახლა შენთვის შემოგვიწირავს და ხვესდა სსხსოთ დაგვიტირავს კოდროს 10
 სამი კვამლი
 კაცი სოციორე შელთა მისი სსხლის კაცები თვალიკაც ქობულია და ხოხონაი 11
 გა[გ]
 ულია მათის სსხლის კაცითა მამული და ლაგითა სხუა აქაური ზარტახები 12
 მამული
 და ლაგები ხვესთავს დაგვიტირავს აწე რამანც ძემან კაცისმან შეიქმან ანუ 13
 დედოფალ
 მან გინა უფლას წულმან დადმან ანუ მტირემან ანუ რამანც ძემან კაცისმან ანუ 14
 ხვესმა შემდგომმა ჭყონდიდეულმან უკუნისამდე ეს ხვესგან ცარიეკული 15
 მამული და ეს წიგნი თქვეს მოგიშალოს და ან ას გლეხები გასტყეს ან 16
 ამ გლეხების კაცმაშა გაუბიოს და იმუამავლოს და კაცმა მოინდომოს 17
 მასამდა რისხავს თავად დაშაჯებულა დ თი და მარტვილისა დ თის 18
 მშობელი და ეს წმინდა ციორგი სუჯუნისა და ყოველნი წმინდანი ღოთისანი სე 19
 ცისანი და ქვეყნისანი უხორცოთ ძალი მათმან დიდებან მადლმან სე იხსნას 20
 სუცა¹⁾ იხსენებან სული მისი სუცა წირვითა და ღაცვითა სუცა 21
 [იერე]სალიმს წასვლითა სურს სდოთს სქმათა წყეულ და შეხვესებულ 22
 იყოს სული და
 [კ]ორცი მისი ამინ. 23

На толщъ образа еще особо написано:

ქ. ჩხვიძე. ევდემოს. ჭყონდიდელისიან კოდროს: სამა კვამლი კაცი გოტი 1
 ელივთათე გამოკრთმი: და წმინდანი ციორგის სუჯუნისთვის შექწირა 2
 და ხვეს ღამარტინანს შეილმან ჭყონდიდეულმა ზატონმა გაბრიელ: კუალად 3
 განვახლოთ²⁾ . . . .³⁾ ხვესცა დაგვიმტკიცებია და ტურიითგან 4

1) Отсюда начинал, надпись помѣщена на толщѣ образа.
 2) Отсюда начинал, надпись. продолжена на другой сторонѣ образа сверху.
 3) Здѣсь два слова уже не разбираются.

ჩვენს მხარობელი ცამფიყვანსო და შეღას შევარეთ იგიც ჩვენ შევსწირეთ	5
ჩვენსა სადღესობელთ და სულისა ¹⁾ ჩვენისა სახსო მათა ჩვენს ნაწილი	6
ცვაქუნდეს დღ	7
ესა განვით	8
ჩვენისა ამინ.	9

Переводъ:

«О ты, ограда, стражъ и предметъ моленія всѣхъ христіанъ, храбрый воинъ Христа, семь разъ неособдѣлимый, украшенный подвигами, великомученикъ, глава святыхъ Георгій Суджунскій! Мы, Христомъ благословенные, отецъ Чкондидели Чхепдзе, патронъ Евдемось, уюваніемъ почитающіе и возвеличивающіе твою церковь, уразумѣли, постарались, задумали и поусердствовали, осмѣлились и пожертвовали малый сей даръ: Кодоръ былъ пожертвованъ сперва Вамекомъ Дадіани и царицею Еленою и былъ положенъ въ пользу Чкондида, но по обстоятельствамъ времени Еліава Гоги завладѣлъ имъ для себя. Нынѣ мы взяли его у него и снова пожертвовали тебѣ и въ нашу пользу оставили въ Кодорѣ три дыма людей: Сагіаре Шелію, его однофамилецъ, Тваликаца Кобузію и Хахоная Гагузію съ ихъ домочадцами, имѣніемъ и землями. Остальныя здѣшнія запущенныя²⁾ имѣнія и земли мы оставили для себя. Съ этого времени кто изъ сыновъ человеческихъ, царь или царица, или царевичъ, великій или малый, или кто изъ людей, или слѣдующій за нами Чкондидели измѣнитъ вамъ до скончанія вѣковъ это нами опредѣленное имѣніе и сію грамоту, или тѣхъ крестьянъ отчудитъ, или приметъ участіе и будетъ посредникомъ и постарается отчудить, его да проклянутъ самъ Богъ Создатель и Мартвильская Божья Матерь и сей святой Георгій Суджунскій и всѣ божьи святые, небесные и земные, безтѣлесныя силы. Да не спасетъ его благодать величія ихъ. Да не спасется душа его ни литургіею, ни молитвою, ни паломничествомъ въ Іерусалимъ, ни инымъ божескимъ дѣломъ. Да будутъ прокляты и связаны проклятіемъ душа и тѣло его. Амшь».

На толщѣ образа:

«Чкондидели Евдемось Чхепдзе въ Кодорѣ взялъ раньше у Гоги Еліава три дыма крестьянъ и пожертвовалъ святому Георгію Суджунскому, и мы, сынъ Лпнартіана, Чкондидели Гавріилъ, возобновили [сіе пожертвованіе] и утвердили, и вывезли изъ Гуріи Махаробели Чхандзе и присоеди-

1) Эти два слова повторены въ оригиналѣ.

[2] «выморочныя» (საღვალა partaq-1). О значеніи этого термина см. Н. Марръ, Грузинскія приписки греческаго Евангелія пзъ Коридіи, ИАН, 1911, стр. 221. *Ред.*]

шли къ Шеліи, и его мы пожертвовали въ долгоденствіе наше и во спасеніе души нашей, дабы и мы имѣли участіе въ день суда. Аминь».

Вамекъ III Дадіани и жена его Елена, упомянутые въ приведенной надписи, жили во второй половинѣ XVII вѣка. Чкондидели Евдемось (или Евдемонъ) Чхейдзе жилъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Ему наследовалъ Гавриилъ, сынъ Георгія Липартіана, который жилъ въ началѣ XVIII вѣка¹⁾.

Кодоръ — деревня на берегу Ріона недалеко отъ Суджуну. Такимъ образомъ, описываемый образъ св. Георгія есть произведеніе конца XVII или начала XVIII вѣка.

5. Образъ св. Георгія, серебро-позолоченный складной, такой же работы, какъ предыдущій, въ 13,2 × 11,5 сант. Святой представленъ стоя, въ правой рукѣ держитъ коньё, лѣвою придерживаетъ очень длинный мечъ съ птичьей головою у рукоятки. Мастеръ, видимо, копировалъ предыдущую икону, но у него работа вышла грубѣе оригинала. Сверху надпись имени заглавнымъ хуцури: $\overline{\text{R}}\overline{\text{Z}} \overline{\text{P}}\overline{\text{N}}$ (табл. XXXII рис. 1). На обратной сторонѣ образа видны мощи св. Георгія, между прочимъ палець. Въ серединѣ частица животворящаго древа: $\overline{\text{M}}\overline{\text{E}}\overline{\text{L}}\overline{\text{I}} \overline{\text{K}}\overline{\text{R}}\overline{\text{I}}$. Налѣво мощи св. Георгія: $\overline{\text{V}}\overline{\text{I}}\overline{\text{S}} \overline{\text{G}}\overline{\text{I}}\overline{\text{S}} \overline{\text{N}}\overline{\text{A}}\overline{\text{S}}\overline{\text{I}}\overline{\text{L}}\overline{\text{I}}$. Направо мощь св. Георгія: $\overline{\text{V}}\overline{\text{I}}\overline{\text{S}} \overline{\text{G}}\overline{\text{I}}\overline{\text{S}} \overline{\text{G}}\overline{\text{E}}\overline{\text{O}}\overline{\text{R}}\overline{\text{G}}\overline{\text{I}}$. Кругомъ надпись мхедрули (табл. XXXII рис. 2):

მხედართ მოაჯარო შვიდ წილ უძლეველ მოწამეო	1
გიორგი შეკამევე ხატი ესე ჰატოხსნისა სხი	2
სა შენისა მოსავჴან სახელისა შენისაჴან	3
დადიანის კაცისა ძემან მამა ჭყონ	4
დიდელ მიტროპოლიტმან	5
ბესარიონ და შევმევე	6
ჰატოხსნითა ძელითა	7
და წითა ნაწილ	8
ეპითა და დავახვეს	9
ქ სუჯუნისა ეკლესიასა	10
სახსრად და სახსრად სულთა	11
ხვენთა ქეს ჰქეთ	12
ხლეს.	13

Переводъ:

«Глава воиновъ, семь разъ непобѣдимый мученикъ Георгій! Украсилъ образъ сей пречистаго лика твоего я, уповающій на твое имя, сынъ Дадіани

1) Hist. de la Géorgie II, 1, p. 647, 648.

Каціп, отецъ митрополитъ ѿкондидскій Виссаріонъ и украсилъ честнымъ древомъ и святыми мощами и поставилъ въ Суджунской церкви во избавленіе и утѣшеніе души нашей (въ лѣто) отъ Р. Х. 1797».

ѿкондидели Виссаріонъ этой надписи былъ сынъ Дадіани Каціа II, жилъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, умеръ въ 1828 г. и погребенъ въ Мартивильскомъ монастырѣ¹⁾.

6. Большой образъ св. Георгія, серебряный, чеканный, грузинской работы (табл. XXXIII). Святой представленъ верхомъ на конѣ, поражающимъ дракона коньемъ. Изъ угла виденъ перстъ Божій, нимбъ украшенъ разводами. Кайма украшена травянымъ орнаментомъ, посреди котораго попадаются изображенія ангеловъ. Сверху посреди каймы крупный камень. Надпись имени заглавными хуцури: **ᲒᲗᲚ ᲒᲗᲚ**. Внизу на серебряной пластинкѣ надпись мхедрули, правая половина которой вмѣстѣ съ каймой съ правой стороны не уцѣлѣла. Дополнивъ по смыслу недостающія слова и буквы, я читаю надпись такъ:

ქ: Დთ ღა დადიანის ძე ბატონი ჭყონდიდელი შ[იტი] ᲒᲗᲚ	1
ლიტი გრიგელის ბძსნებით შეჴამკვევი ხ[ატი] ესე მე	2
ხელტარის თვედრემს ვინც წაიკი[თხლთ] შენდობა ბძსნეთ	3

Переводъ:

«Божьей помощью и по приказанію сына Дадіани господина ѿкондидскаго м[итропол]ита Григорія украсилъ сей [образъ я], Хоштарія Теодоръ. Кто про[чтете, скажите прости]».

Григорій ѿкондидели жилъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Я видѣлъ его актъ, данный Мартивильскому монастырю въ 1760 году. Фамилія Хоштарія извѣстна и распространена въ Абашѣ. Къ образу привѣшена серебряная цѣпь для ношенія на груди по наставъ или передъ войскомъ.

7. Образъ св. Георгія, живописный, 29 × 23,5 сант. Святой представленъ верхомъ на бѣлой лошади поражающимъ дракона (табл. XXXIV). Сверху ангелъ вѣнчаетъ его короною. Впередѣ стоятъ царевна, за ней вѣдъ дворецъ. Кайма серебряная, чеканная, украшена выющимися растеніями. Надпись имени святого заглавными хуцури: **ᲒᲗ ᲒᲗ**. Работа, повидимому, XVIII вѣка.

8. Дарохранительница небольшая, золотая, наподобіе креста, усыпана драгоцѣнными камнями (табл. XXXV рис. 2).

1) Hist. de la Géorgie, II, 1, p. 648.

9. Крестъ небольшой, золотой, очень красивый, ажурной работы, украшенный жемчужинами (табл. XXXV рис. 1).

10. Крестъ серебряный, русской работы съ надписью мхедрул:

ჩვენს წელს შემოვიტოვე ჯვარი ესე სსსლს ჩემს და მეხსს წმინდის მოწა- 1
მის ცოტრის სუჟს

უნის კვლესას მე ცოდვაღმა სავს აფანთავიმ სულის ჩემის სსლსდა. 2

Переводъ:

«1828-го года пожертвовалъ это упованію и утѣшителю моему Суджунскому храму святого великомученика Георгія и, грѣшный Сава Афановъ, въ утѣху души моей».

11. Голова Іисуса Христа, выѣленная изъ гипса, 24 x 19 сантим., новой красной работы.

12. Потиръ серебряный съ надписью мхедрули XIX в.:

ქ: წა მთავარ მოწამელ სუჟისისსა ცოტრვი დაცავ რთავა ცხორებთა
შს მოქაძე სეხის და მეუღლე მისი სავსძისის სულო დარეჟანს.

Переводъ:

«Святой великомученикъ Суджунскій Георгіи, сохрани въ обѣихъ жизняхъ Сехию Микадзе и супругу ихъ, урожденную Накашадзе Дареджану».

13. Дискоть серебряный съ такою же надписью, какъ предыдущая.

14. Большая труба изъ мѣди для созыва народа.

15. Два большихъ конья о двухъ зубцахъ изъ желѣза, извѣстные у грузинъ подъ названіемъ конья св. Георгія (წმიდა ცოტრვის ცხორება) и имѣющіяся обыкновенно въ храмахъ, посвященныхъ этому святому. Чаще всего такіа конья встрѣчаются въ Сваніи и Мингреліи.

16. Покровъ изъ нарчи, вышитый шелкомъ съ изображеніями Спаса на престолѣ и херувимовъ по краямъ. Изображенія украшены бисеромъ изъ мелкихъ жемчужинъ (табл. XXXVI). Надпись имени по сторонамъ Христа греческая: ΙΣ ΧΣ. Кругомъ на каймѣ трудно разбираемая надпись вязью заглавнаго хуцурп, которую я читаю такъ:

ქ. ზეწდრბრ ზეწრე სუჟისუტრუჟდჟეჟრ ჰისჟეჟრ. ქ სრჟიწრ
ჰისსწრე ზეწრელო სი ქ-წრე

ქ. რს ზრ სუჟიწ რის ოჟისრელო. ზრ ყდრ ჰრჟიწ ოსწ-
წრელო: ოჟრეწრ-წრელო: ზრეწრელო. ჰრეწრელო.

ԾՆԾՕ ԿԻՅՕ: ՄՆՄՆ: ԲՕ ԼՕՔԻՆԵԸՕ ԿԴ: ՓԾ
 ԸԾԾԿԻ. ԿՕԼԵԿԿԻ. ՍԲԼԻՆԵԸ ԸԿԺԻՆԸ
 ՅԻՆԿԻ ԲԸՈՒԿԸՆ ԳԻԿԻ. ԺՕԾԸԿ. ԿԻԲԴՎԴ. ԿԻՄԿԵԿՕ- 2
 ԾՄԻԲԺ. ՄԿԸԾԺԺ. ԿԻԻԿ ԴԼԴ ՅԴԼԸԲԻԿԸԿԻ ԴԼԴ
 ԾԸՓԸԺԻԸ ԾԸ ՍԴժԴԳԻԿԻ ՅԴԿԿՎԻԿԻ. ԺԿԻԿԻԺԸ. ԾԸ 3
 ԿԿՄԿԸԴԺԸ. ԻԿԻԻԾԸ. ԸՕԾԿԸԺԸ. ՅԴԼԸԲԾՄԿԸԸԾ
 ԾԸ ԿԴՕՈՒԿԻՆԸ. ԻԴԿԻՆԸ. ՍԲԺՕԻՆԸ ԻԿԿՕԸ[ԻՆԸ]
 ՄՆԾԸ. ԸԿ ԼՕՓԻՆԸ: ԲԸԺԿԿԸԺԺՄԿԸԸԾ. ԼԸԾՈՄԺԿԿԸԾ. 4
 ԾԸ ԸԻՆԸ: ԼԿԻՆԸ ԻԻՆԸԺԿԻՆ
 ԼԸԸԿԿԿԸԿԸԾ. ԿԴԺԸ ԾԸ ԸԼԿԸԺԸ: ԻԻԺԸ ԸՈՆԸՆԺԺԿԸԸԾ. 5
 ԾԸ ԿԻՕԿՈՒԿԸԲԴԺ ԿԿԿԸ ԾԸ ԿՕԿՈՕԸԺԿԸ ԻԻԼԸ
 ՅԿՕԾԾԻՆ: ԿԸԺԿԸԸԸ ԿԿԸԸԸ ԻԻԼԸ. ՈՒՎԴԴԿԻ-
 ԿԴԼԸ. ԴԿԾԴԿԻՆ ԿԸ
 ՅԻՄԸ ԿՕԿԻՈՒԺ. ԾՆԾԻ ԲԿԻՄԸ. ԾԸ ՅԻԾՎԸ: ԸՕԾԿԸԺԸ Ը 6
 ԿԿԺԿԿԸԸՕ ԾԸ ԸԿԿՈՒՎԸՕ ԼԿԻԿԻԾԻՆԸԸՕ
 ՈՒԿԻՈՒՆ ՅԻԾՎԸԸՆ ՎՓԾԴԺ. ԻԻ ԸԾԾԸԺԿԻՆ ԳԼ ԸԳԺԺ 7
 ԻՈԿԻ:

Безъ сокращеній:

«ქ. ღაცურსა ცანი შევნიერებ: მან მისმან. ხელო სიწმიდითა მისითა ღაცურსო ყოველი ქვეყანა!»

ქ. ეჭა, შენ, შეიღ წიღ უძღვეველო და ყოველთა მოწამეთა უზეშთაქსო, უმწვერვალესო, ახრავსო მხედარო, დიდო მოწამეო გიორგი, წმიდო სუფუნის-
 სო! შე, თრიაღ ცოდვილმან, მოსვმან ჰატოხსისა ტაძრისა შენისმან, თულავს
 ქალმან როდამ, ვინებე, ვიგუღსმოადგინეთ, ვკადრეთ ვინი ესე შესწირვო, ესე
 ღაცურსა და ჰერექელი, შემეობილი თვალთა და მარგალიტითა, ჩვენდა ცოდვთა
 შესანდობლად და მყოფლისა ჩემისა ჰატოხსის ჩიკა[სის] გიორგისდა ამ
 სოთველს წარსამართებლად, სადღეგრძელად, და ცოდვილისა სულისა ჩვენისთვის
 სცხრავსებლად, ძეთა და ასულთა ჩვენთა აღსარებლად. და მოუძღვანეთ მამსა და
 მოძღუარსა¹⁾ ჩვენსა ჭყონდიდელ მიტროპოლიტს, ძმას ჩვენს ღელაბერძენს²⁾
 ევდემონს, რათა შენგან მოვიღოთ დიდი წყალობა და შენდობა ცოდვთა. ხელო
 მიმთხვეწო და ამომღებო სიწმიდისხო, ღვთისთვის შენდობასა ყოთვეთ ჩვენ
 ცოდვილისთვის. ქრისტეს აქათ ხელეზ».

1) Это слово плохо разбирается и наше чтение гадательное.
 2) Присутствие титла въ этомъ словѣ заставляетъ читать его *ღელაბერძენს* вмѣсто *ღობერძენს*.
 Христианскій Востокъ.

Переводъ исторической надписи:

«О ты, семь разъ непобѣдимый, превосходящій и превышающій всѣхъ мучениковъ, доблестный воинъ, великомученикъ Георгій, Суджунскій святой! Я, пагубная почитательница святой церкви твоей, Родамъ, урожденная Пагава, пожелала, восхотѣла и осмѣлилась (поднести) ничтожный сей даръ, этотъ покровъ и воздухи, украшенные драгоценными камнями и жемчужинами, въ прощеніе грѣховъ нашихъ и въ преуспѣяніе въ сей жизни и въ долгоденствіе супруга моего патрона Георгія Чиковани и во спасеніе грѣшной души нашей, въ воспитаніе сыновей и дочерей нашихъ, и мы поднесли (это) отцу и духовнику нашему, Чкондидскому митрополиту, брату нашему, Евдеону Гоґоберидзе (или Гоберидзе), дабы мы получили отъ васъ большую милость и прощеніе грѣховъ. А вы, соприкасающіеся съ этимъ и выниматели святыхъ даровъ, скажите ради Бога прости въ пользу насъ грѣшныхъ, (въ лѣто) отъ Р. X. 1727».

Лица, упомянутыя въ сей надписи, изъ другихъ источниковъ намъ неизвѣстны.

17. Воздухи (табл. XXXVII) такой же работы, какъ покровъ, тоже произведеніе Родама Чиковани, о чемъ упоминается и въ предыдущей надписи.

18. Изъ рукописей въ церкви имѣется только метафраза строчнымъ церковнымъ письмомъ, переписанный въ 1822 году ключаремъ (каделакъ) Чкондидскаго монастыря священникомъ Игнатіемъ по приказанію Чкондидскаго митрополита Виссаріона, сына Каціи Дадіана.

Е. Такайшвили.

Разныя извѣстія и замѣтки.

— Одна мелочь къ арабской транскрипціи имени въ спискахъ никельнъ. При разъясненіи арабскихъ чтеній имени въ спискахъ епископовъ перваго вселенскаго собора въ 318 имени. (Записки Имп. Академіи Наукъ, VIII серія, т. XIII, стр. 1—112) свящ. Д. Лебедевъ, признавъ въ *السيبريانوس* географическое названіе «Херсонесъ», восстанавливаетъ *الخیرسونوس* (и. с., стр. 27, прим. 6). Но едва ли есть надобность свистящій *س* замѣнять, придерживаясь греческаго его эквивалента *χ*, сложнымъ заднеязычнымъ *خ*; достаточно, поставивъ три точки надъ *س*, признать его шипящимъ *ش*, ибо не въ одной арабской христіанской письменности греческій звукъ *χ* передавали шипящимъ *ш*¹⁾: то же самое наблюдаемъ и у грузинъ въ литературѣ, у чановъ (лазовъ) въ живой рѣчи и др., см. Н. Марръ, Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ святымъ Григоріемъ (арабская версія), стр. 164, 203. Это обстоятельство слѣдовало бы учесть и при восстановленіи первоначальныхъ чтеній другихъ имени съ той же транскрипціонной особенностью, какъ то:

1) *الساری* [الشاری], которое свящ. Д. Л—въ считаетъ (стр. 30, прим. 2) искаженіемъ *Χερύραε*.

2) *اسپیلن* [اشپیلن], про которое свящ. Д. Л—въ пишетъ (стр. 36, прим. 3): «читать нужно *احیلوس* или *احیلс*».

Н. М.

1) Потому-то въ составѣ начертанія *الافتیشیشیس* можно бы усмотрѣть въ пользу отождествленія Hilgenfeld'a — «Eutyehias» поддержку соответствія араб. *ش* греческому *χ* (ср. свящ. Д. Лебедевъ, и. с., стр. 35, прим. 3).

Критика.

Діонисій Оракійскій и армянскіе толкователи. Издавъ и измѣдовалъ Н. Адонць (Bibliotheca Armeno-georgica. IV), Петроградъ 1915, лл. [8]—СХСІІІ + [8]—307.

I.

Въ подлежащемъ трудѣ имѣемъ первый случай разработки у насъ ориенталистомъ историко-литературнаго вопроса, — вопроса, самимъ матеріаломъ своимъ, продуктомъ совмѣстной работы греческой и армянской образованности, рассчитаннаго на сугубый интересъ въ филологическомъ мірѣ. Въ Западной Европѣ предшественники у автора въ этой области, именно въ области философско-грамматическихъ произведеній, есть (Baumgarten, Conybeare и др.), давшіе кое-какія изслѣдованія по греко-армянскимъ текстамъ, греческимъ подлинникамъ и армянскимъ переводамъ.

Однако, ни въ одномъ изъ этихъ трудовъ мы не можемъ признать предшественника ни по отношенію къ содержанію, ни по приѣмамъ работы.

Діонисій Оракійскій — своего рода отецъ схоластической грамматики у армянъ: собственно, его грамматическое произведеніе взятое само по себѣ одно могло бы составить предметъ докторской диссертациі армениста. Этотъ памятникъ, первый въ числѣ издавшихся Н. Г. Адонцомъ текстовъ (стр. 1—66), правда, не представляетъ новизны ни въ греческомъ оригиналѣ, ни въ древнемъ переводѣ армянъ. Армянскій текстъ былъ изданъ впервые 90 лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ въ предшествіи греческаго и съ французскимъ переводомъ. То былъ трудъ также армениста, профессора Sirbied'a или Джьирпетяна (1824 г.). Не говорю о Мерх'ѣ, сравнительно недавнемъ работникѣ. И тѣмъ не менѣе въ обработкѣ Н. Г. Адонца знакомое произведеніе представляется столь же новымъ, какъ другіе впервые появляющіеся на свѣтъ памятники, поскольку дѣло касается подсуднаго миѣ армянскаго текста. Результатъ этотъ зависитъ отъ правильной постановки вопроса объ армянскихъ версіяхъ или самостоятельныхъ армянскихъ произведеніяхъ по ученію объ языкѣ. Правильность эта проистекаетъ отъ объема изучаемыхъ матеріаловъ и отъ самаго способа ихъ изученія. Настоящимъ трудомъ охвачена совокупность всѣхъ памятниковъ древне-армянской грамматической литературы.

Сама работа, произведенная Н. Г. Адонцомъ, — историко-филологическая, построенная цѣликомъ на сравнительномъ изученіи чтеній по многимъ спискамъ, рукописямъ различныхъ отечественныхъ и западноевропейскихъ собраний.

Кое-что изъ предложенныхъ въ работѣ текстовъ издавалось и раньше съ разночтеніями, но какъ въ изданіяхъ, такъ въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ тексты представлялись стереотипами, на которыхъ предполагалось достаточнымъ освѣжить или возстановить тотъ или иной штрихъ, пострадавшій отъ времени. Даже тогда, когда зарождалось подозрѣніе, принадлежитъ ли памятникъ тому лицу, съ именемъ котораго его связывала національная традиція, никому не приходило въ голову подвергать сомнѣнію цѣльность самого текста, вылившагося, казалось, изъ стилистическаго массива одной эпохи.

Особенность постановки вопроса въ трудѣ Н. Г. Адонца состоитъ въ слѣдующемъ: проработанный имъ армянскій текстъ, даже зафиксированный печатнымъ станкомъ, не перестаетъ въ глазахъ специалиста, знакомящагося съ изданіемъ, продолжать жить перенесенными имъ, на протяженіи многихъ вѣковъ, превратностями судьбы. Онѣ, эти превратности, отражаютъ не капризы или теоретическія представленія случайныхъ переписчиковъ, иногда ихъ промахи, но органическія закономѣрныя измѣненія текстовъ въ тактъ съ общими условіями развитія древне-армянской литературы, прежде всего въ тактъ съ систематическимъ перерожденіемъ древне-литературнаго языка одной эпохи въ языкъ другой эпохи.

Раскрытая во всемъ объемѣ и наглядная въ фактическихъ подробностяхъ, эта жизнь обследованныхъ Н. Г. Адонцомъ памятниковъ захватываетъ специалиста и толкаетъ его на дальнѣйшія изысканія. Специалистъ невольно продолжаетъ работу надъ предложеннымъ въ изданіи Н. Г. Адонца проработаннымъ текстомъ, находитъ въ немъ новую нишу, чтобы еще болѣе рѣшительно и болѣе рѣзко, чѣмъ это сдѣлано, намѣтить очертанія различныхъ языковъ древней Арменіи, чтобы чисто лингвистически, не говоря о стилистическихъ особенностяхъ, прикрѣпить тотъ или иной памятникъ къ опредѣленной литературной средѣ, къ опредѣленному времени. Словомъ, трудъ Н. Г. Адонца не только даетъ нѣчто положительное, но содержитъ въ высокой степени плодотворное возбуждающее начало.

Что касается результатовъ кропотливаго труда уже искушеннаго въ критикѣ текстовъ армениста, мало сказать, что они знаменуютъ собой сдвигъ съ мертвой точки, на которой твердо держатся или желаютъ держаться до сего дня тонкіе знатоки древне-армянской литературы. Съ появленіемъ изслѣдованія Н. Г. Адонца, въ научной литературѣ уже не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы дошедшіе до насъ грамматическіе памятники, относимые къ древнѣйшей порѣ, датировались одной эпохой, тѣмъ болѣе V-мъ вѣкомъ, но предполагавшемся ихъ общему стилю, или приурочивались къ тому или иному столѣтію по имени, съ которыми эти произведенія связывались. Дѣйствительно тонкій анализъ Н. Г. Адонца подорвалъ основу для такого традиціоннаго распредѣленія памятниковъ во времени, притомъ болѣе, чѣмъ самъ Н. Г. Адонцъ, повидимому, то склоненъ допустить. Кромѣ того, благодаря настоящей работѣ, удалось войти настолько глубоко въ изученіе стиля, что Н. Г. Адонцъ въ силахъ не безъ основанія утверждать противное показной сторонѣ текста: не все, изложенное по всемъ видимымъ признакамъ древнимъ языкомъ, является на самомъ дѣлѣ соответственно или хотя бы сравнительно болѣе древнимъ. Н. Г. Адонцомъ устанавливается или, правильнѣе будетъ сказать, намѣчается существованіе архаизирующей школы въ совсѣмъ поздній, именно въ киликійскій періодъ ар-

мянской литературы, съ XII-го вѣка и позднѣе. Въ трудѣ даны въ большомъ обиліи стилистическіе матеріалы для хронологіи армянскихъ грамматическихъ трудовъ, переводныхъ или оригинальныхъ изъ болѣе древнихъ эпохъ.

До сихъ поръ, говоря о значеніи новаго труда, мы находимся въ кругу интересовъ самихъ изданныхъ Н. Г. Адонцомъ памятниковъ. Н. Г. Адонцъ этимъ интересамъ какъ будто придаетъ главное значеніе. Въ положеніяхъ, сопровождающихъ трудъ, какъ диссертацию, десять изъ двѣнадцати, начиная съ 3-го, ограничены были этими спеціальными интересами. Но съ работой связаны иныя еще интересы. Во-первыхъ, Н. Г. Адонцъ устанавливаетъ связь армянскихъ грамматическихъ произведеній съ греческими, что и обожу полнымъ молчаніемъ: глубокоцитимый С. А. Жебелевъ авторитетно поучаетъ насъ ниже по этому вопросу. Во-вторыхъ, Н. Г. Адонцъ выясняетъ филиации и взаимоотношенія самихъ армянскихъ текстовъ грамматическаго содержанія. Но и до сихъ поръ, повторяю, мы остаемся въ кругу интересовъ самихъ памятниковъ, на двухъ ступеняхъ этихъ интересовъ. Однако съ упоминаніемъ о данномъ въ трудѣ въ большемъ обиліи стилистическомъ матеріалѣ для хронологіи армянскихъ грамматическихъ трудовъ мы поднимаемся уже на третью ступень, высшую, на которой раскрывается дѣйствительная цѣнность грамматическихъ памятниковъ для исторіи армянской литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе общее значеніе научнаго труда Н. Г. Адонца. Дѣло въ хронологіи древнѣйшихъ вообще литературныхъ памятниковъ, прежде всего — историческаго содержанія.

Безъ болѣе или менѣе точнаго опредѣленія времени армянскихъ историковъ нельзя пользоваться ихъ произведеніями, основными источниками по національной исторіи Арменіи, для какой бы то ни было прочной исторической конструкции. Опредѣленіе ихъ времени въ значительной степени зависитъ отъ опредѣленія времени грекофильскаго литературнаго теченія и грекофильской школы. Это — то грекофильское теченіе, въ объясненіи котораго Н. Г. Адонцъ ограничился во 2-мъ положеніи указаніемъ на связь съ фактомъ политической исторіи, на «переходъ» къ Визавтіи «большей части земель бывшей персидской Арменіи». Грекофильская школа смѣнила старую, которую Н. Г. Адонцъ въ томъ же положеніи называетъ библейской случайно или отгораживаясь отъ насъ, избѣгая болѣе употребительныя въ современной нашей, т. е. петроградской, арменистической школѣ названія: «сирофильская», «миссіонерская». Грекофильская школа, такъ близко стоящая къ предмету изслѣдованія Н. Г. Адонца, какъ справедливо утверждаетъ въ 1-мъ изъ его положеній, «по сіе время остается камнемъ преткновенія для армянской филологіи».

Что подъ этой формулой подразумѣвается реально, едва ли узнаетъ кто изъ не-спеціалистовъ; но въ виду таинственности или осторожности, проявленной въ ея редакціи, несомнѣнъ ясна она и мнѣ. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что время грекофильскаго теченія до послѣдняго десятилѣтія или до послѣднихъ двухъ десятилѣтій опредѣлилось совершенно произвольно, безъ всякаго подобія научнаго обоснованія, по одному традиціонно воспринятому въ основѣ легендарному историческому построенію. Съ нимъ, съ этимъ опредѣленіемъ, разумѣется, конечно, и въ этомъ отношеніи грекофильское теченіе камнемъ преткновенія можетъ оставаться лишь для тѣхъ, кто имѣетъ склонность не-премѣнно обо что-либо спотыкаться. Но, дѣйствительно, до сихъ поръ неизвѣстно съ точностью время грекофильскаго теченія и объемъ имъ произведенныхъ повѣстей, принимаемыхъ за продукты архаической жизни христіанской Арменіи.

Мы сейчас переживаемъ въ арменистической средѣ, а равно и грузино-вѣдной, вообще въ области армяно-грузинской филологіи большія колебанія въ опредѣленіи хронологическихъ межъ древнѣйшихъ эпохъ культурно-исторической жизни обонхъ древне-христіанскихъ народовъ Востока. Такое колебаніе проявляется въ частности и въ отношеніи времени греко-фильскаго литературнаго теченія въ Арменіи.

Для опредѣленія этого времени первостепенное значеніе имѣютъ грамматическія сочиненія, ибо наличіе стилистическихъ нормъ, созданныхъ ихъ авторами или переводчиками, само собою даетъ основаніе для отнесенія того или иного литературнаго памятника въ эпоху послѣ развитія соотвѣтственной грамматической школы.

Для этого вопроса весьма существенное, часто рѣшающее значеніе представляютъ сами по себѣ количественно незначительныя страницы указателей, данныхъ Н. Г. Адонцомъ, именно *Index graeco-armeniacus* въ концѣ Діонисія Фракійскаго (стр. 67—76) и *Index nominum et verborum* въ концѣ всего труда (стр. 289—302), и восполняющія этотъ матеріалъ части предисловія, собственно изслѣдованія, какъ, напр., подробный анализъ предложныхъ образований на страницахъ CLXXXIV—CLXXXV.

Само распредѣленіе этихъ краспорѣчивыхъ фактовъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ народженія и указаніе ихъ отношенія къ языку св. Писанія является методологически безукоризненнымъ приемомъ: въ немъ будетъ изслѣдователь искать прочную опору для обобщеній; въ немъ, очевидно, нашелъ Н. Г. Адонцъ такую опору для тѣхъ выводовъ обще-арменистическаго значенія, къ которымъ самъ онъ, по всѣмъ видимостямъ, пришелъ, но которыми однако не вполне подѣлился съ интересующимися читателями въ настоящемъ трудѣ.

Между тѣмъ помимо задачи, преслѣдуемой авторомъ въ обнародованной книгѣ, работа интересна именно со стороны обще-арменистическаго значенія.

Въ этой въ высочайшей степени важной сторонѣ изученнаго Н. Г. Адонцомъ памятника кроется главный, если не весь интересъ трактовки его арменистомъ, притомъ арменистомъ безъ отношенія къ тому, въ какой онъ собственно научной области специалистъ, лингвистической или историко-литературной, или историкъ онъ общественно-политической жизни древней Арменіи или историкъ древне-армянской культуры и хотя бы археологъ. Потому-то нисколько не представляется мнѣ загадкой или сколько-нибудь ненослѣдовательнымъ, что сразу послѣ большой работы объ Арменіи въ эпоху Юстиніана Н. Г. Адонцъ выбралъ предметомъ своего большого изслѣдованія тему настоящей работы. Можно спорить, могла ли работа надъ исторической темой служить хорошей школой, цѣлесообразной подготовкой для работы надъ чисто историко-филологической темой, но выборъ темы чрезвычайно удаченъ по ее важности. Я позволю себѣ освѣтить важность съ моей точки зрѣнія этого арменистическаго интереса къ памятнику самоцитованіемъ изъ работы, нынѣ доступной уже въ печати¹⁾. Значеніе того культурнаго теченія — греко-фильскаго, къ которому принадлежатъ грамматическіе трактаты, двоякое: въ одну эпоху оживляющее, въ другую — мертвящее.

1) Кавказскій культурный міръ и Арменія (отд. отд. изв. ЖВНПр, 1915, июнь, отд. отд., стр. 36).

Въ первую эпоху «въ средѣ армянскаго духовенства происходитъ борьба литературныхъ школъ, сирфильской и грекофильской. Грекофильская школа подготовляетъ почву для національнаго направленія съ уклономъ отъ болѣе родного иранскаго культурнаго міра въ сторону греческаго просвѣщенія.

«Съ исходомъ борьбы связаны освобожденіе отъ односторонняго церковнаго вліянія сирійской школы, непосредственное воспріятіе греческой образованности вплоть до философской и грамматической школъ, усовершенствованія алфавита, исправленія переводовъ св. Писанія, ростъ самостоятельныхъ національныхъ интересовъ, въ связи съ которыми въ литературѣ растетъ интересъ къ крайнимъ историческимъ темамъ... За чисто миссіонерскимъ религіознымъ учительствомъ подъ вліяніемъ греческой образованности развилось грекофильское просвѣтительное теченіе. Последнее, обоснованное на глубокомъ самостоятельномъ усвоеніи греческой философіи, главнымъ образомъ Аристотеля, мѣрно подготовляло вмѣстѣ съ возрожденіемъ свѣтскаго просвѣщенія выясненіе самобытныхъ началъ армянской народнои жизни, національное направленіе, когда разразилась первая по паденіи древняго армянскаго царства опустошительная гроза въ феодальной Арменіи». Рѣчь о разгромѣ ея арабскимъ нашествіемъ.

Наступаетъ другая интереснѣйшая эпоха культурно-исторической жизни Арменіи, когда не первый разъ «происходитъ пересмотръ всей исторической литературы съ точки зрѣнія церковно-національныхъ интересовъ, возникаютъ новыя и вновь редактированныя труды по всѣмъ областямъ (армянской) церковной жизни. Новая (армянская) среда съ особымъ народнымъ языкомъ вынуждала къ приспособленію литературныхъ памятниковъ къ живому народному языку; однако, обиліе элементовъ изъ живой рѣчи въ произведеніяхъ создаетъ ихъ неуспѣхъ въ литературныхъ кругахъ. Писатели, исключительно духовныя лица, вѣрные традиціямъ мертваго языка, естественно мѣшаютъ сдѣлать письменность доступной массѣ населенія, сдѣлать ее истинно народнои. Съ перваго же момента возрожденія армянскіе феодалы содѣйствуютъ возникновенію трудовъ по національной исторіи своими запросами, заданіями описать дѣянія ихъ родовъ. Багратиды, князья, особенно носились съ мыслью собрать народныя сказанія иранскаго происхожденія: имъ рисовалась перспектива возстановленія царства въ Арменіи на началахъ иранской культуры, роднои для армянскихъ феодаловъ, въ противовѣсъ мусульманской цивилизаціи; но армянскіе писатели, взорванные на греческихъ образцахъ, гиблили всеио иранскаго не менѣе, чѣмъ мусульманскаго. Въ увлеченіи церковно-національнои идеею, связь армянъ съ окружающимъ реальнымъ міромъ «устраивается изъ историческихъ сочиненій, [и не только обще-христіанское, но и] обще-кавказское значеніе культурныхъ пріобрѣтеній Арменіи затемняется».

Оба момента армянской культурнои работы, моментъ молодого, полнаго гуманистическаго энтузіазма національнаго подъема, движенія впередъ и въ ширь, и моментъ церковно-національнаго подъема въ смыслѣ самосохраненія въ завѣщанныхъ формахъ, сосредоточенія на своемъ прошломъ, арханизированія формъ для выраженія своихъ живыхъ идеаловъ, сознательнымъ систематическимъ работѣи передъ чуждыми роднои рѣчи нормами греческаго письменнаго языка, многимъ, если не почти всѣмъ обязаны тому литературному направленію, къ которому принадлежатъ и изученные Н. Г. Адоицомъ грамматическіе тексты.

Этого разграниченія двухъ эпохъ въ грекофильскомъ теченіи я не вижу или почти не вижу въ работѣ Н. Г. Адонца, по этого вопроса я не буду касаться, ибо это значило бы вступить въ бой, отъ котораго Н. Г. Адонцъ уклонился, давъ намъ только предисловіе, подготовку, и сохранивъ изслѣдованіе.

Первое мое замѣчаніе и главное замѣчаніе касается почвы, на которой Н. Г. Адонцъ готовится рѣшить такое кардинальнаго вопроса, какъ грекофильское литературное теченіе въ Арменіи. Не только этотъ общій вопросъ, но и правильное освѣщеніе однихъ только грамматическихъ произведеній, на мой взглядъ, не можетъ быть достигнуто исключительно данными армянскихъ источниковъ и ихъ сопоставленіемъ лишь съ греческими памятниками. При такомъ веденіи дѣла есть опасность отождествить хронологическіе этапы развитія христіанскаго просвѣщенія Арменіи и Греціи, опасность утратить чувство реальной хронологической перспективы, тѣмъ болѣе, что нормы армянскаго христіанскаго просвѣщенія вообще связаны съ факторами, не всегда тождественными съ тѣми, которыми управлялась церковная жизнь грековъ, и въ самихъ грамматическихъ памятникахъ на греческомъ языкѣ основополагающихъ армянской богословской мысли и вообще армянскіе писатели, исключительно съ церковнымъ образованіемъ, искали не вдохновенія и содержанія, а средствъ для удовлетворенія своихъ самобытно возникавшихъ на мѣстѣ идейныхъ потребностей. Къ числу мѣстныхъ, совершенно независимыхъ отъ греческой образованности условій, понуждавшихъ заниматься грамматикой или теоріею обь языкѣ, является перемѣщеніе центра армянской культурной дѣятельности и литературныхъ работъ изъ среды съ однимъ языкомъ въ среду съ другимъ языкомъ, т. е. жизненный разрывъ съ тѣмъ языкомъ, на какомъ раньше писали какъ на родномъ и какой впоследствии усваивался искусственно, чего безъ той или иной теоріи нельзя было и достигать. Выходитъ, что грамматическія сочиненія армянъ были, правда, схоластическія, но интересъ къ нимъ порождался не теоретическими соображеніями, а реальной потребностью, и безъ выясненія времени возникновенія и усиленія этой потребности одни сопоставленія армянскихъ грамматическихъ текстовъ другъ съ другомъ или съ греческими подлинниками дѣлу не помогутъ; между тѣмъ Н. Г. Адонцъ въ слова не говоритъ обь этомъ главномъ нервѣ развитія грамматической литературы армянъ, хотя трудъ цѣликомъ посвященъ армянскимъ грамматикамъ во всей ихъ совокупности.

Помимо чисто мѣстныхъ условій, выясненіе которыхъ зависить исключительно отъ армянскихъ матеріаловъ, слѣдовало бы считаться съ иноземными фактами, помимо греческихъ.

Древняя культурная Арменія есть часть христіанскаго Востока, литературныя теченія у армянъ находятся въ неразрывной связи съ вопросами, волновавшими всѣ народы христіанскаго Востока и въ той или иной мѣрѣ порождавшими соотвѣтственныя литературныя теченія у другихъ представителей того же міра, у кого раньше, у кого позже, если не одновременно. Слѣдовательно, разработку такого принципиальнаго вопроса, какъ время зарожденія и разцвѣта грамматической литературы у армянъ, неизбежно приходится строить на совокупности результатовъ изученія тѣхъ же или родственныхъ памятниковъ не только армянъ, но и иныхъ представителей христіанскаго Востока, прежде всего у непосредственныхъ сосѣдей съ юга — сирійцевъ и съ сѣвера — грузинъ.

Между тѣмъ даже тогда, когда былъ случай высказаться по этому поводу, Н. Г. Адонцъ не только избѣгъ этого, но не постарался свою же мысль подкрѣпить хоть ссылкой на какую ни есть слабую литературу предмета. Такъ, на стр. СХVI предисловія Н. Г. Адонцъ дѣлаетъ предположеніе, что Аракель располагалъ независимыми свѣдѣніями объ армянскихъ грамматикахъ, въ частности о Давидѣ, «о томъ, что переводъ Діонисія сдѣланъ Давидомъ».

Здѣсь мы у Н. Г. А-ца читаемъ:

«Что это не простая догадка съ его стороны, а опирается на какой-нибудь источникъ, видно еще и изъ того, что тотъ же Аракель въ своемъ толкованіи къ Определеніямъ Давида сообщаетъ, что Давидъ не пользовался успѣхомъ среди армянъ, которые «отвергли его самого и его творенія и задѣвъ оскорбили его, и онъ удалился въ Грузію и тамъ умеръ».

Это сообщеніе сопровождается слѣдующимъ замѣчаніемъ:

«Это въ высшей степени интересное обстоятельство изъ жизни Давида неизвѣстно изъ иныхъ источниковъ и указываетъ, безспорно, на хорошей документъ, находившійся въ распоряженіи Аракела».

По моему это хорошее показаніе въ части о долголѣтнемъ пребываніи Давида въ Грузіи можно бы поддержать тѣмъ, что въ текстѣ у Давида употреблено грузинское слово *მისი ღაგი* — *мышь* въ формѣ *მისი ღაგა*-н. И эта мелочь тѣмъ болѣе существенна, что слово приводится въ примѣрѣ для иллюстраціи. Слѣдовательно, не только самъ Давидъ зналъ это грузинское слово, но онъ предполагалъ его знаніе въ своихъ слушателяхъ — армянахъ или въ читателяхъ — армянахъ, и указаніе на такой фактъ тѣмъ болѣе слѣдовало бы сдѣлать именно здѣсь, что объ этомъ напечатано съ довольно подробнымъ изложеніемъ обстоятельство лѣтъ пять раньше въ работѣ моей «Іоаннъ Петрицкій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII вѣка» (стр. 42—43, примѣч.).

Я не буду останавливаться на возможности установленія времени Философа Давида, если признать не легендарнымъ, а дѣйствительнымъ пребываніе его въ Грузіи. Это завело бы насъ далеко.

Но не могу не открыть другого смущенія своего касательно опять таки того же мѣста. Н. Г. Адонцъ привелъ сообщеніе въ русскомъ переводѣ армяне «отвергли его самого (Давида), и его творенія и задѣвъ оскорбили его».

Н. Г. Адонцъ ссылается на текстъ въ Исторіи литературы мыхитариста Зарбаналиана (стр. 322), а тамъ сказано: *հարկաւ զիւս զհրակարեցին*; это буквально значитъ «избивъ его или ударивъ, изранили его», а въ мягкой передачѣ — «нанесли ему оскорбленіе дѣйствіемъ», при передачѣ же Н. Г. А-ца «задѣвъ оскорбили» не только нельзя допустить мысли объ избіеніи, но трудно догадываться, что рѣчь идетъ о томъ, что философа Давида, можетъ быть, не сильно, но всетаки били. Допустимъ, переводъ правильный, и спорить не буду; всетаки слѣдовало бы считаться съ тѣмъ, что на русскомъ языкѣ существуетъ другой переводъ, напечатанный въ цитованной уже работѣ, а илѣтъ даже простой ссылки на нее.

Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, былъ ли Давидъ въ Грузіи или нѣтъ, а въ болѣе существенномъ. У грузинъ, во-первыхъ, было также сильно развито то грекофильское направленіе на грузинской почвѣ, какое наблюдаемъ у армянъ. У нихъ тѣ же приемы матеріальнаго перевода съ греческаго, что у армянъ; съ XIII-го вѣка нѣкоторые изъ греческихъ намятниковъ, завѣдомо извѣстно, переводились съ грузинскаго на армянскій языкъ; съ другой стороны, позднѣе

всѣ философско-грамматическіе трактаты не только переводились съ армянскаго на грузинскій, но и комментировались въ грузинской средѣ, иногда при содѣйствіи самихъ армянъ. Если бы дѣло касалось исключительно древнѣйшихъ армянскихъ текстовъ въ соответственныхъ спискахъ, быть можетъ, съ грузинскими матеріалами не было бы надобности считаться, но, во-первыхъ, нѣтъ ли одной использованной Н. Г. Адонцомъ или извѣстной ему рукописи; если не ошибаюсь, древнѣе 1293-го года; остальные изъ 16-ти датированныхъ ¹⁾ рукописей двѣ XIV-го вѣка, пять — XV-го вѣка, семь XVII-го столѣтія, съ 1605-го по 1671-го года, и одна 1725-го года. Такимъ образомъ, древнѣйшія изъ рукописей — той эпохи (XIII—XIV-й вѣкъ), когда, несомнѣнно, въ Арменіи работало халкедонитское армянство, тяготѣвшее къ халкедонитамъ и ихъ литературѣ, въ частности къ грузинской. Такъ, армяне перевели въ XIV-мъ вѣкѣ съ грузинскаго Іоанна Климакса и извѣстный богословско-философскій трудъ "Ἐκδοσις ἀκριβοῦς τῆς ὁρθοδόξου πίστεως Іоанна Дамаскина. Въ составѣ армянскихъ рукописей, содержащихъ грамматическіе и философскіе трактаты, не разъ встрѣчаемъ творенія этого столпа восточнаго (и затѣмъ греческаго) православія; между прочимъ и въ использованной Н. Г. Адонцомъ венеціанской рукописи в. г. 442 (на стр. XXVII) трактатамъ армянскихъ писателей Давида философа и Моисея предшествуетъ трактатъ І. Дамаскина ²⁾ о субстанціи и акциденціи.

При такихъ обстоятельствахъ важна каждая мелочь, дающая соответственное или, наоборотъ, противоположное освѣщеніе. И Н. Г. Адонцъ на нихъ обращаетъ вниманіе, напр., на стр. CLXXII онъ отмѣчаетъ у Діонисія армянскіе примѣры къ этническому виду имени, когда вл. Θράζζ, Γαλάτης греческаго подлинника приводятся этническія названія գրգրթաղան, սուհ: գրւցր, т. е. *годердзено, туль (tuh), грузинь*.

Терминъ *գրւցր*, и по формѣ видно, — поздняя вставка, но всетаки любопытно, что поздній глоссаторъ въ армянскихъ примѣрахъ усматриваетъ названія грузинскихъ племенъ. Н. Г. Адонцъ самъ находитъ, что *գրւցր* *грузинь*, по-видимому, есть глосса, т. е. это слово опредѣляетъ *սուհ: tuh*, за которымъ оно непосредственно слѣдуетъ. Касательно *tuh* онъ бросаетъ замѣчаніе, что это названіе «встрѣчается у Хоренскаго», и только. Не-арменистъ ничего не извлекаетъ изъ этого указанія. Онъ не вспомнить народнаго стиха, занесеннаго Хоренскимъ въ Исторію (III, 65, 42, стр. 199, 13 сл.):

Համարած գրւցրեալ
 Կ գրգրեալ ճիւղակի
 Ի սուհաց գրւցրեալն և զ. Գ.

Арменистъ не всякій пойметъ, почему подъ *tuh* онъ глоссаторъ хотѣлъ понять «грузина».

На самомъ дѣлѣ глоссаторъ правъ: *tuh* есть диалектическая, именно сванская форма этническаго названія Զիւղ'a, т. е. тушина. Эта именно сванская форма Զիւղ — съ сванскимъ мн. числомъ на -аг, т. е. Զիւղ-аг — сохранилась въ грузинскомъ названіи древней крѣпости Յշխնակ Զիւղ-аг-իս-1 противъ Тбетскаго монастыря именно въ мѣстности, расположенной рядомъ съ той областью Кларджіею, съ которой Н. Г. Адонцъ вполне основательно отождествляетъ

1) Недатированныя также не архаичны, развѣ *Կ: Կցր*.

2) Въ этотъ разъ въ переводѣ съ греческаго (Ἐκδοσις ἀκριβοῦς τῆς ὁρθοδόξου πίστεως).

Котыр՝՛յն у Итолея. Т. е. выходить, что не въ глоссѣ только, но въ основной армянской версіи Діонисія Фракійскаго армянскій переводчикъ проявляетъ такую же склонность пользоваться грузинскими терминами, какъ Давидъ.

Н. Г. Адонцъ обратилъ вниманіе (стр. CLXX, CLXXI) на имя *Տիրիճան* у Діонисія и Анонимнаго толкователя: ему и его эквиваленту-разночтенію посвящается почти цѣлая страница.

Между тѣмъ имя *Տիրիճան* въ древней армянской средѣ не обычное и не распространенное. Писатель же, приводившій этотъ примѣръ, очевидно, рассчитывалъ на хорошее знакомство своихъ читателей съ этимъ именемъ, иначе нечего было замѣнять греческое имя *Θείων* никому или мало извѣстнымъ именемъ. И, дѣйствительно, это имя было хорошо извѣстно въ халкедонитской армянской средѣ, гдѣ только и существовало, по всѣмъ видимостямъ, житіе св. Тирічана, армянскаго святого VII-го вѣка. Оно сохранилось у халкедонитовъ-грузинъ въ древнемъ переводѣ съ армянскаго, возникшемъ при вѣдреніи армянской халкедонитской волны въ грузинскую церковную среду.

Въ связи съ толкованіемъ термина *Տարեհրդանութիւն թշփօճիչ* (стр. CLI, CLII) автора интересуетъ слово *Տարեհ*, встрѣчающееся въ Библии два раза (Лев. 23, 40 и Іовъ 40, 17). Слово Н. Г. Адонцъ отождествляетъ съ греч. *ζῦνος*, оно также встрѣчается въ книгѣ Левитъ, что же касается Іова, то авторъ замѣчаетъ (стр. CLII, прим. 1), что его нѣтъ въ принятомъ текстѣ, а лишь «въ нѣкоторыхъ спискахъ, какъ сод. Alex.» Стоитъ заглянуть въ грузинскій словарь Орбелиани, чтобы увидѣть, что грузинская версія, какъ и армянская, даетъ чтеніе *Տարեհ* и въ стихѣ Іова (ՅՃԵՆԵԵՆ).

Но интересно и появленіе спиранта *՛* въ началѣ армянскаго слова *Տարեհ* при греческомъ *ζῦνος*? Едва ли можно еще найти примѣръ, чтобы при непосредственномъ заимствованіи изъ греческаго армяне греческое окончаніе *-ος* замѣняли окончаніемъ *-ի* въ нарицательныхъ именахъ.

Для древнѣйшаго же времени еще болѣе существенное значеніе имѣютъ сирійскіе материалы. Дѣло не въ томъ, что древне-сирійскихъ грамматическихъ текстовъ не много. Дѣло въ томъ, что цѣлый рядъ армянскихъ грамматическихъ терминовъ представляетъ переводъ сирійскихъ выраженій или ихъ транскрипцію.

Даже греческіе термины, древнѣе вошедшіе въ армянскій литературный языкъ, носятъ сирійскій обликъ. Это отмѣчаетъ и нашъ авторъ въ отношеніи *տրդանայ* (стр. CLX), передачи греческаго *συλλαβή*, при этомъ однако сказано, какъ будто безразлично: «въ другихъ памятникахъ встрѣчается» и т. п., на самомъ дѣлѣ (случайно или въ зависимости отъ особаго историко-литературнаго построенія?) замалчивается вопросъ о степени древности такихъ сиріазмовъ.

Въ другомъ же мѣстѣ (стр. CLVIII, CLIX и CLX), гдѣ различныя термины используются для выраженія понятія *слова*, ничего не сказано о древнѣйшемъ изъ нихъ, даже о существованіи его не упомянуто, именно, *Տեղեկայ* и *Տեղ*. Первый терминъ — *Տեղեկայ* или *Տեղեկայիւն* — налицо изъ древнѣйшихъ у Мандакуні и Лазаря Парискаго, второй *Տեղ* въ армянскомъ текстѣ І. Златоуста, толков. Исаиіи и у Григорія Аршарунійскаго, а эти термины безспорно сирійскіе: *слова*, *онъ снабдилъ гласнымъ*¹⁾.

Не отмѣчено и то, что въ самомъ настоящемъ изданіи, именно въ текстѣ армянскаго толкователя Давида по одному списку М³ въ значеніи *слова* упо-

1) Любопытно выяснитъ отношеніе къ этому слову г. *խօյ* *hang-1* *мотивъ* (въ пѣніи).

треблень вм. *գրական* терминъ *հասարակ* powag, что представляет интересъ и для семасической стороны въ связи съ перс. *نواز، نواختن*.

Древние армяне чувствовали и не скрывали, даже грекофилы, что у нихъ есть въ распоряженіи свой подборъ грамматическихъ терминовъ, какъ, напр., когда Давидъ въ значеніи винительнаго надежа греческому *արտահայտան* противопоставляетъ привычное армянское названіе *հարկան* (стр. 108,5).

Благодаря сосредоточенію вниманія лишь на греческихъ матеріалахъ, греческихъ факторахъ и греческихъ источникахъ, получается если и не преувеличеніе ихъ значенія, то, несомнѣнно, преуменьшеніе значенія матеріаловъ до-грекофильскаго культурнаго теченія въ Арменіи. Даже совсѣмъ незаслуженно обидя наносится природному живому языку дѣйствительно древней Арменіи, когда, напр., утверждается, что «армянская лексика отличается отъ греческой прежде всего отсутствіемъ словосложенія при посредствѣ предлоговъ» (стр. CLXXIV), и дальше получается впечатлѣніе, будто армянскій языкъ до грекофильовъ, до греческихъ образцовъ, и не зналъ, что значить слово, составное съ предлогомъ. Н. Г. Адоицъ, конечно, не можетъ думать, что *արկաք* *արի-каք* *негодный*, *հիմնական* *эндегнум* (*энд-бер-п-н-ум*) *читаю*, *արական* *а-раканет* *оскавернлю*, *արտահայտ* *pate-razm* *война*, *արտահայտ* *patowast* *прививка* и десятки другихъ возникли подъ греческимъ вліяніемъ. Фактъ тотъ, что безъ справки въ сирійской грамматической терминологіи и выясненія армянскихъ грамматическихъ названій сирійскаго происхожденія до-грекофильской эпохи мы будемъ лишены одного изъ объективных мѣрилъ при установленіи хронологіи тѣхъ или иныхъ стилистическихъ особенностей. Скажу болѣе: самыя различія армянскихъ грамматическихъ текстовъ могутъ подвергнуться переоцѣнкѣ, что для критическаго изданія представляетъ нервостепенную важность.

Сгѣшу оговориться: я не ставлю вовсе такихъ требованій въ этомъ направленіи, для которыхъ нужна совсѣмъ особая работа, отнюдь не рассчитанная на силы одного армениста. Болѣе того — если не возникновеніе самой мысли о такой дополнительной двухсторонней работѣ, то во всякомъ случаѣ осуществленіе ея становится возможнымъ лишь послѣ того исчерпывающаго изслѣдованія армянскихъ памятниковъ, которое Н. Г. Адоицъ даетъ въ настоящемъ трудѣ. Тѣмъ не менѣе, даже при чисто арменистической постановкѣ вопроса можно бы было, не нарушая программы работы, использовать при ея выполненіи кое-что изъ матеріаловъ сирійскихъ или грузинскихъ или, по крайней мѣрѣ, указать на эту сторону дѣла.

Затѣмъ Н. Г. Адоицъ, мнѣ кажется, увлекся отрѣшенностью изучавшихся имъ авторовъ отъ живого армянскаго міра: для нихъ высоко поднятое знамя греческой образованности заслоняло все, даже интересы того живого народа, для просвѣщенія котораго такъ много ими положено было труда. Высоко поднято Н. Г. Адоицомъ знамя западно-европейской науки, съ усвоеніемъ до мелочей ея пріемовъ, имѣющихъ свое обоснованіе и оправданіе, въ числѣ прочаго съ латинскимъ языкомъ въ примѣчаніяхъ и вообще въ критическомъ аппаратѣ. Едва ли это целесообразно, если имѣть въ виду интересы арменовѣдѣнія, какъ живого дѣла. Классики безъ знанія армянскаго языка не могутъ вполне использовать понятныхъ имъ латинскихъ примѣчаній, а интересующіеся армянскимъ текстомъ памятника не могутъ прочесть примѣчаній. Автору, очевидно, хотѣлось сдѣлать примѣчанія доступными для всѣхъ европейскихъ арменистовъ, но для этого достаточно было текстъ критическаго аппарата изъ-

ложить на древнелитературномъ армянскомъ, доступномъ всѣмъ, въ томъ числѣ и тѣмъ европейскимъ ученымъ, которые будутъ читать армянскій текстъ изданныхъ памятниковъ. Что же касается интересовъ армянскаго образованнаго общества, читающаго древне-литературные памятники и интересующагося ими, авторъ къ нимъ оказался менѣе внимателенъ, чѣмъ то можно было проявить: въ этомъ отношеніи онъ не захотѣлъ послѣдовать приему, освященному практикой факультета Восточныхъ языковъ въ изданіи армянскихъ и грузинскихъ текстовъ.

Вопреки всякимъ ожиданіямъ, авторъ-армянецъ и въ другихъ случаяхъ больше вниманія и предупредительности оказываетъ филологамъ-классикамъ, чѣмъ филологамъ-армянкамъ. Такъ, напр., въ Index graeco-armeniacus (стр. 67—76) съ формальной стороны дано все, т. е. указаны и страницы и строки, а въ указателяхъ армянскихъ словъ (стр. 289—305) — специально для армянствова — строки уже не указываются, указаны только страницы.

Обзоръ рукописныхъ памятниковъ (стр. I—XLI) имѣетъ задачей не описаніе рукописей для описанія рукописей, а служебную цѣль, ввести читателя въ матеріалъ такъ, какъ ихъ понимаетъ Н. Г. Адонцъ, освѣтить традиціи переписчиковъ; между тѣмъ читатель, не-специалистъ и не армянинъ, не вводится, а отводится: остаются безъ перевода не только армянскія заглавія различныхъ трактатовъ, но и сопровождающія ихъ историко-литературныя свѣдѣнія.

Такое же замѣчаніе вызываетъ отсутствіе перевода выдѣленныхъ записей и приписокъ, особенно главныхъ записей каждой изъ рукописей, напр., на стр. VI, подъ № 12, написано — «главная запись въ концѣ и гласитъ» и потомъ голый армянскій текстъ, не указаны даже фактическія данныя записи.

Съ другой стороны, въ самый описательный текстъ внесены и приписки, не имѣющія никакого отношенія къ той именно задачѣ, которую авторъ поставилъ себѣ въ этой части, озаглавивъ ее — «Обзоръ рукописныхъ памятниковъ».

Однако, разъ они вносились въ трудъ, да еще въ основную его часть въ самый текстъ, они обязательно должны были получить освѣщеніе, свидѣтельствующее о томъ, что ихъ, хотя бы и случайно, коснулась рука знатока языка, и, напр., въ послѣднемъ двустишіи (стр. VI-й):

դիմար բլբուլ Տեա ճարհերան
շարլը՛ հեկ ի վերայ վարդան

отмѣтить рѣдкое слово *շարլը՛* *matlèh* или *madlèh*, повидному, своеобразную транскрипцію т. شادلق *matlèk*, شادليق *madlik*.

Въ данныхъ авторомъ чрезвычайно важныхъ сравнительныхъ спискахъ лексическаго матеріала имѣемъ не только справочный матеріалъ, но въ извѣстномъ отношеніи *tableau raisonné*, таблицу, исторически освѣщенную съ точки зрѣнія употребительности словъ у того или иного автора, въ томъ или иномъ памятникѣ. Какъ справочная часть, эти списки сохраняютъ свое значеніе, а какъ направляющіе на извѣстныя историко-литературныя размышленія, они имѣютъ относительное, иногда даже весьма относительное значеніе.

Прежде всего въ книгѣ нѣтъ списка аналогичныхъ наблюденій ни по морфологическимъ, ни по синтаксическимъ фактамъ, а значеніе этихъ категорій для характеристики языка безспорно важно, чѣмъ значеніе отдѣльныхъ словъ.

Въ числѣ словъ, приводимыхъ подъ заглавіемъ *verba a libris sacris aliena*

помѣчены *რეზ, რე* и др. (стр. 30); но, вѣдь, это не самостоятельныя слова, а частицы, важныя для словообразованія.

И въ отношеніи словъ далеко не вполнѣ исчерпанъ матеріалъ, и не вижу, чтобы обращено было вниманіе на чисто семасическую сторону дѣла, напр., въ спискѣ лексическихъ особенностей Моисея (стр. 297) я не нахожу ни *სტოლარის* *hwšən*, ни *სტოლარისებელს* *hwšənɔiwn*. Эти слова, первое въ значеніи *плотника, столяра, древодѣла*, а второе—*плотничьяго, столярнаго дѣла*,—обычныя, но Моисей первое изъ нихъ употребляетъ въ значеніи не только *плотника* и *столяра*, но и *архитектора* или *зодчаго* вообще вм. общепринятаго *ჭარბარეული* *čartarəet*. У Моисея такъ и сказано про *სტოლარის* *hwšən*: (стр. 159,11—12) *არა თუბარ ვხვტ* *это строитъ храмъ* (или *дворецъ*).

Эту семасическую особенность тѣмъ болѣе слѣдовало бы отмѣтить, что такое употребленіе термина, собственно означающаго «столяръ», «плотникъ», вообще «древодѣлъ», можно объяснить не произволомъ Моисея, а извѣстной диалектической средой. То же самое происходитъ съ грузинскимъ терминомъ *ჭრეო* *čur-o*, собственно означающимъ «плотника», «столяра», но затѣмъ получившаго значеніе *архитектора* вообще, при этомъ на грузинскомъ иногдѣ слова какъ сложное *ჭრეო-მოდგუარი* (*čurod-modğuari*), съ занимающимъ часть терминомъ въ составѣ, и не существуетъ для выраженія «архитекторъ»¹⁾.

Затѣмъ, въ отношеніи лексическаго матеріала мѣриломъ для классификаціи взяты сужденія *ad personam*, а не *ad materiam*; напр., отъ перваго списка «Dionysii verba a libris sacris aliena» (стр. 289—253)²⁾ получается впечатлѣніе, что этихъ словъ въ св. Писаніи нѣтъ не только случайно фактически, но и по природѣ самихъ словъ. Только при такомъ толкованіи констатируемыхъ фактовъ списки получаютъ громадное историко-литературное значеніе, иначе это простой справочный указатель, въ лучшемъ случаѣ не доработанный сырой матеріалъ.

Между тѣмъ армянскій текстъ св. Писанія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, представляеть собою совершенно неопредѣленное лицо: безъ критическаго отношенія къ его тексту показанія наличной версіи св. Писанія, такъ называемой армянской вульгаты (*A^v*), могутъ быть приравнены къ свидѣтельскимъ показаніямъ несовѣдующаго лица. Надо при этомъ еще различать тексты св. Писанія ветхозавѣтные и новозавѣтные: по языку между ними въ доступномъ намъ армянскомъ подлинникѣ громадная разница.

Въ числѣ лексическихъ повществъ Давида не указано вульгарное слово *արցի* 120,1, между тѣмъ этого слова въ Библии нѣтъ. Правда, встрѣчается отыменный глаголъ *արցի* *арцъ*, но не въ Ветхомъ, а Новомъ Завѣтѣ (*Дѣян.* 26,14). Это большая разниця.

Въ писаніи Давида въ качествѣ слова, чуждаго св. Писанію (стр. 294), приводится *რეზ* разъ съ 82-й страницы; на самомъ дѣлѣ этотъ чистѣйшій вульгаризмъ встрѣчается чаще, такъ, напр., 117,22, 121,6.

Списокъ, все тотъ же первый, очень много терять отъ того, что въ него внесены термины, завѣдомо чуждые самому содержанию св. Писанія, такъ, прежде всего грамматическіе термины, напр., *სქიპიტის*, *საქვიდის*, *საქვი* и т. п.

Изъ словъ, дѣйствительно поучительныхъ, надо остановиться на *არც* *арска* потому, что ему независимо отъ списка присваивается особая роль.

1) О лингвистической связи г. *čur-o* (с²*hur-o*) и г. *hwš-ən* [|| *hus-ən*] рѣчь будетъ особо.

Въ текстѣ (стр. 13,13) армянская версія даетъ чтеніе «ласка», тогда какъ въ греч. оригиналѣ «орель» (ἀετός). И Н. Г. Адонцъ съ вѣроятностью утверждаетъ (стр. CLXV), что именно чтеніе «ласка» было въ греческихъ схоліяхъ, и, следовательно, чтеніе *արև*, надо думать, древнее, довольно древнее.

Вотъ подлинныя слова Н. Г. Адонца:

«Что касается *γελῆ*, его нѣтъ въ наличныхъ греческихъ схоліяхъ, но что имѣлся [оно имѣлось?] въ нихъ и въ частности въ той схоліи, которой пользовался Давидъ, весьма вѣроятно; *γελῆ mustela* упоминается у латинскихъ грамматиковъ (Uhlir, Dionysii Thracis ars, стр. 25 прим.)».

Не видно основанія для утвержденія, что въ греческихъ схоліяхъ имѣлся терминъ *γελῆ*. Быть можетъ, больше основанія утверждать, что 1) греческіе схоласты не упоминали о *γελῆ ласка*, 2) что въ латинскихъ грамматикахъ это ихъ отсебятина и 3) въ армянскіе списки сочиненія Давида слово пошло лишь въ Киликіи изъ какого-либо латинскаго источника.

Что касается фактическаго положенія дѣла, оно не совсѣмъ обстоитъ такъ, какъ можно представить его себѣ по данному въ книгѣ указателю, напр., къ матеріаламъ, чуждымъ наличному состоянію св. Писанія, отнесено слово *արև* a-qis въ значеніи *ласки* (стр. 13).

На самомъ дѣлѣ *արև* не только не отсутствуетъ въ наличномъ текстѣ св. Писанія¹⁾, но оно на лицѣ въ составѣ сложнаго слова «*Գրարև*» въ кн. Левитъ, 11,30: — «*Գրարև եւ գործարև եւ հովարև եւ սողեղ եւ խլարև*».

Этимъ недосмотромъ авторъ обязанъ довѣрію, оказанному имъ іерусалимскому Конкордансу, гдѣ *արև*, дѣйствительно, не указано. Съ другой стороны Венеціанскимъ Больш. словаремъ (*Հայկազանի բառարանի*) *արև* тщательно зарегистрировано по св. Писанію.

Правда, въ самомъ св. Писаніи слово *արև* a-qis—безспорно позднѣйшее; оно связано съ исправленіемъ армянской версіи Библіи по греческому тексту: данные стихи Левита 11,29 и 30, къ сожалѣнію, не только въ армянскомъ, но въ грузинскомъ, чтеніи (здѣсь, въ обѣихъ извѣстныхъ редакціяхъ—О М), представляютъ точный сколокъ съ греческаго текста LXX. И потому появилось и въ арм. и груз. версіяхъ животное, котораго евр. оригиналь, къ которому восходились черезъ первичную сирійскую версію дѣйствительно древній армянскій переводъ, не зналъ; тамъ замѣчательный въ естественно-историческомъ отношеніи пассажъ начинался словомъ, означающимъ собственно *кротъ*.

Но это для насъ не столь интересно. Важнѣе то, что слово *արև* a-qis какъ литературное, не имѣетъ и этой давности, т. е. не относится ко времени первыхъ исправленій армянскаго св. Писанія по греческому подлиннику въ VI-мъ—VII-мъ вѣкахъ; оно въ древне-армянскую литературу проникло значительно позднѣе, позднѣе, чѣмъ не только VII-й, но и VIII—IX вѣкъ: оно едва ли до-киликійское слово въ литературѣ.

Само по себѣ *արև* армянское названіе животнаго *ласки* весьма древнее. Его сир. эквивалентъ, означающій не только *ласку*, но и *кошку*, встрѣчается въ *Откровеніи Меодія*²⁾; естественно, оно налицо и въ сирійскихъ басняхъ, и въ армянскихъ, но въ армянскихъ позднихъ, которыя редактировались среди южнѣхъ

1) Лев. 11,29: *Արև եւ սողեղ եւ արևան յոսկին*.

2) А если взять *կատ*, то и въ Библии.

мыслью о хрупкой организованности работъ по армяно-грузинской филологіи предупредить, что не только на войнѣ, но и въ мирномъ гражданскомъ, въ частности ученомъ быту, одиночество есть въ лучшемъ случаѣ тяжелое невыносимое бремя, а въ худшемъ — весьма невыгодная позиція.

Въ работѣ же самой отразились всѣ полеты и сомнѣнія арменистической мысли за послѣднія два, три десятилѣтія, хотя и въ субъективномъ отраженіи, всѣ успѣхи, окрыляющіе фантазію, и неудачи, призывающія къ осторожности. Въ книгѣ, однако, проявляется больше сдержанности, чѣмъ увлеченія. Съ другимъ основнымъ трудомъ автора, магистерской его диссертациею, озаглавленной «Арменія въ эпоху Юстиніана», настоящее произведеніе Н. Г. Адонца представляетъ въ этомъ отношеніи яркую антитезу. Для научной работы это громадное и безспорное преимущество.

Объ работѣ, казалось бы, ничего общаго не имѣющія въ научномъ отношеніи между собою, настроены на одномъ и томъ же фундаментѣ, на арменистической оцѣнкѣ фактовъ, имѣющихъ на самомъ Востокѣ международное значеніе, на специальномъ знаніи армянскихъ матеріаловъ и ихъ толкованіи. Но въ вопросѣ о грамматическихъ памятникахъ въ армянской литературѣ авторъ изслѣдовалъ не преданія о фактахъ, а сами факты, наличныя чтенія текстовъ, какъ они нѣкогда были въ дѣйствительности, хотя бы и не въ предполагающую или даже не въ предполагаемую самимъ авторомъ эпоху. Результаты получились реальныя, снова напоминающія о необходимости перестройки всего армянскаго традиціоннаго историко-литературнаго зданія. Это фактически ясно изъ продѣланной Н. Г. Адонцомъ и предложенной въ настоящей книгѣ работы; объ этомъ результатѣ можно узнать и по обмолвкамъ, хотя по излишней осторожности авторъ не напелъ необходимымъ открыть полностью свое отношеніе къ общей традиціонной схемѣ. Весьма вѣроятно, что въ научную работу, имѣющую получить безспорно весьма длительное значеніе настольной книги для специалистовъ, Н. Г. Адонцъ избѣгалъ внесенія положеній, которыя трудно было бы отстоять безъ спора и особенно безъ извѣстной субъективной формуловки.

Въ то же время въ намѣченныхъ Н. Г. Адонцомъ рамкахъ работа ведена съ такою строгостью пріемовъ и чуткостью къ современнымъ запросамъ по исторіи армянской литературы, благодаря мелкой, весьма сложной, можно сказать, мозаической техникѣ въ классификаціи многочисленныхъ вариантовъ матеріала, распределенъ настолько цѣлесообразно и уже подготовленъ для напрашивающихся выводовъ, въ сужденіяхъ о стилѣ и въ самомъ подборѣ разночтеній для основного критическаго текста проявлено столь глубокое знаніе армянской литературной рѣчи на протяженіи съ V—VI вѣковъ до XIV-го и ближе, въ различныя эпохи, и въ итогѣ, какъ авторъ ни сдерживалъ себя, имъ дается такъ много совершенно новаго объ авторахъ армянскихъ грамматическихъ произведеній, что изслѣдованіе, въ которомъ Н. Г. Адонцу посчастливилось проявить всѣ эти качества, т. е. «Діонисій Оракіійскій и его армянскіе комментаторы», безспорно должно стать настольной книгой для каждаго работника по армянской филологіи.

Н. Марр,

II.

Въ заключительныхъ строкахъ предисловія къ своему труду Н. Г. Адонцъ говоритъ: «Чтобы провѣрить достигнутые нами результаты и опредѣлить степень достовѣрности или приѣмлемости возстановленныхъ текстовъ, мы полагали необходимымъ сравнить ихъ со средними схоліями греческой литературы. Не намъ судить, насколько добытые при этомъ результаты оправдываютъ предпринятое нами, казалось бы, неблагодарное дѣло, въ смыслѣ какъ методологической постановки, такъ и фактическаго исполненія».

Дѣло, предпринятое авторомъ, можетъ показаться «неблагодарнымъ» только недостаточно вдумчивому изслѣдователю. Тотъ же изслѣдователь, который стремится если и не къ достиженію истины, то хотя бы къ приближенію къ ней, не захочетъ думать о томъ, благодарное или неблагодарное дѣло онъ предпринимаетъ. Если я и не могу согласиться съ авторомъ, что предпринятое имъ дѣло было дѣломъ неблагодарнымъ, хотя бы отчасти, то я всецѣло готовъ признать, что исполненная имъ работа по сличенію армянскихъ толкованій къ «Грамматикѣ» Діонисія Фракійскаго съ греческими схоліями къ нимъ была работою чрезвычайно тяжелою и далеко невеселою, требовавшею отъ автора большого напряженія, усидчиваго вниманія и хорошихъ познаній въ области, болѣе или менѣе отдаленной отъ его ближайшей спеціальности. Филологъ-арменистъ долженъ былъ, по ходу подлежащей ему задачи, стать на время филологомъ-классикомъ.

Н. Г. Адонцъ съ честью справился съ этой своей задачей, и IV-я глава его книги (стр. СХVIII—СLXXXI), посвященная «разбору возстановленныхъ текстовъ», свидѣтельствуетъ о его солидной и вполне надежной подготовленности къ тому, чтобы умѣло оперировать надъ греческими текстами и извлекать изъ нихъ то, что нужно автору для его ближайшей цѣли. Цѣль же эта состоитъ въ томъ, чтобы обставить научное изданіе изслѣдуемыхъ авторомъ армянскихъ текстовъ «не только обычнымъ критическимъ аппаратомъ, а еще данными, гарантирующими ихъ историческую достовѣрность» (стр. СХХ).

Изъ возстановленныхъ Н. Г. Адонцемъ текстовъ наиболее интереснымъ, по его заявленію, является «Толкованіе» Давида: комментаріи остальныхъ авторовъ обнаруживаютъ знакомство съ трудомъ Давида въ большей или меньшей степени, и выводы о Давидѣ предрѣшаютъ и ихъ судьбу. Тотъ основной выводъ, къ которому пришелъ авторъ, и который кратко можетъ быть формулированъ такъ: «Толкованіе» Давида проникнуто духомъ греческихъ схолій къ «Грамматикѣ» Діонисія Фракійскаго и обнаруживаетъ много точекъ соприкосновенія съ греческими комментаторами «Грамматики», долженъ быть признанъ твердо обоснованнымъ и неизбежно установленнымъ. Для этого автору пришлось внимательно проштудировать III-й томъ изданія «Grammatici graeci», посвященный схоліямъ къ «Грамматикѣ» Діонисія Фракійскаго, вышедшій въ свѣтъ въ 1901 г. въ обработкѣ Hilgard'a. Одно уже чтеніе этого монументальнаго (около 600 страницъ) тома, насыщеннаго такой скучной матеріей, какъ схоліи составляетъ своего рода ученый подвигъ, на который найдется немного охотниковъ и среди филологовъ-классиковъ. Вдумчивое же отношеніе къ матеріалу, сообщаемому схоліями, заставляетъ всякаго научнаго работника преклониться предъ тѣмъ изслѣдователемъ, который съ такимъ самоотверженнымъ терпѣніемъ

и настойчивымъ вниманіемъ пошелъ на предстоящій ему подвигъ и удачно преодолѣлъ его.

Какъ указываетъ Н. Г. Адонцъ (стр. СХХІ сл.), въ составъ схолій къ Діонисію вошли три ихъ коллекціи — ватиканская, венеціанская и лондонская; каждая изъ нихъ представляетъ компіляцію изъ трудовъ различныхъ грамматиковъ, въ цѣломъ видѣ не сохранившихся. Авторами использованныхъ трудовъ называются Меламподъ-Діомедъ, Георгій Хиробоскъ (=Иліодоръ), Стефанъ (можетъ быть, извѣстный философъ и математикъ при Иракліи), Порфирій и др. Къ сожалѣнію, говоритъ авторъ, ни время, ни взаимоотношеніе этихъ авторовъ неизвѣстны, а то, что извѣстно и что можетъ быть болѣе или менѣе прочно обосновано, изложено, продолжаетъ Н. Г. Адонцъ, «въ обстоятельной, предпосланной изданію, статьѣ Гильгарда, куда и отсылаемъ интересующихся вопросомъ» (стр. СХХІІ).

«Интересующіеся вопросомъ» врядъ ли поблагодарятъ Н. Г. Адонца за это «отсылаемъ». Въ статьѣ Гильгарда и специалисту-классику разобратъ не такъ-то легко, а для специалиста-армениста, котораго книга Н. Г. Адонца прежде всего, конечно, имѣетъ въ виду, это будетъ уже совсѣмъ тяжелый и, пожалуй, непроеизводительный трудъ. Н. Г. Адонцъ поступилъ бы болѣе человѣколюбиво со своимъ читателемъ, если бы онъ на двухъ-трехъ страницахъ далъ резюмэ обстоятельной статьи Гильгарда или, хотя бы, указалъ на то, что основные выводы Гильгарда удобно сопоставлены въ статьѣ L. Solin'a, помѣщенной въ «Real-Encyclopädie» Паули-Виссова (т. V, столб. 982 сл.).

Въ краткихъ словахъ дѣло сводится къ слѣдующему. Весь составъ схолій распадается на три группы. Первую группу составляютъ древніе комментаріи отдѣльныхъ авторовъ; сюда принадлежатъ: 1) схоліи Мелампода-Діомеда къ §§ 1—11, 19—20 «Грамматики», 2) схоліи Иліодора = Георгія Хиробоска къ §§ 12—20 «Грамматики». Вторая группа даетъ собраніе схолій изъ комментаріевъ различныхъ авторовъ, имена которыхъ приводятся или въ текстѣ или на поляхъ рукописи: 1) ватиканскія схоліи даютъ соединеніе комментаріевъ Мелампода-Діомеда и грамматика Стефана; здѣсь же использованы объясненія Порфирія и Георгія (не Хиробоска), а также предпосланы еще три различныхъ предисловія, трактующія о *ῥος*, *τέχνη* и *προσῳδή*; 2) въ венеціанскихъ схоліяхъ excerpiрованы не только комментаріи Мелампода, Діонисія и Стефана, но также и полный комментарий Иліодора = Георгія Хиробоска; 3) въ лондонскихъ схоліяхъ не нанизываются excerptы изъ отдѣльныхъ комментаріевъ, но дается попытка объединить различные excerptы въ одинъ непрерывный комментарий. Все, что собрано во второй группѣ схолій, т. е. въ схоліяхъ ватиканскихъ, венеціанскихъ и лондонскихъ, естественно, во многихъ случаяхъ совпадаетъ, но, съ другой стороны, эти три коллекціи схолій взаимно дополняютъ другъ друга. Наконецъ, третью группу схолій представляетъ византийскій комментарий, составленный, повидимому, въ VIII—IX вв. и по учености значительно уступающій схоліямъ болѣе древнимъ, восходящимъ, вѣроятно, въ первой группѣ не ранѣе, какъ къ VI в., а во второй — не ранѣе, какъ къ VII—VIII вв. Слѣдовательно, весь тотъ колоссальный матеріалъ, который собранъ въ изданіи Гильгарда, охватываетъ работу ученыхъ комментаторовъ на протяжении, по меньшей мѣрѣ, трехъ вѣковъ. И невольно въ умѣ изслѣдователя долженъ возникнуть вопросъ, равноцѣпны ли показанія всѣхъ трехъ группъ схолій, не слѣдуетъ ли выдѣлить изъ нихъ болѣе раннее отъ болѣе позднего, установить ту или

пную зависимость болѣе поздняго отъ болѣе ранняго. Конечно, эта критическая историко-литературная работа представляетъ не малую сложность и трудность и должна быть выполнена филологомъ-классикомъ, а не филологомъ-арменистомъ. Но и послѣдній, думается, не долженъ закрывать глазъ на эту строго-филологическую сторону дѣла, если онъ хочетъ, при сличеніи армянскихъ толкованій съ греческими, быть *ὑφ' ἡμετέροιο*, а не только *τεχνικός*. Не желая вовсе обижать филолога-армениста продѣлать ту работу, которую надлежало бы исполнить филологу-классику, я все же полагаю, что на обязанности пераго было вкратцѣ уяснить читателю, какъ обстоитъ дѣло съ составомъ всѣхъ греческихъ схолій къ «Грамматикѣ» Діонисія Оракійскаго. Правда, филологъ-арменистъ можетъ возразить филологу-классику, что для него важно было только установить зависимость толкованій Давида отъ комментаріевъ греческихъ ученыхъ. Такое возраженіе будетъ справедливо, однако, лишь съ формальной стороны, но не по существу: вѣдь, для существа дѣла, казалось бы, не безразлично вовсе, совпадаютъ ли тѣ или иные толкованія Давида съ комментаріями, находящимися либо въ первой, либо во второй, либо въ третьей изъ указанныхъ мною группъ греческихъ схолій, либо во всѣхъ нихъ, вмѣстѣ взятыхъ, либо къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Не берусь рѣшать, насколько такое различіе могло бы представить интересъ и важность для армянской филологіи. Ограничусь только немногими указаніями, свидѣтельствующими о томъ, насколько разнообразны данныя, разсѣяныя въ схоліяхъ, какъ они навизываются одно на другое.

По толкованію греческихъ комментаторовъ, имѣются такіе виды *τεχνῶν* (р. 110 сл. Hilgard): 1) *ἀποτελεσματικός, πρακτικός, ὄργανικός, θεωρητικός* (Ватиканскія схоліи, съ ссылкой на Лукія Таррейскаго), 2) *βίβλος, ἐγκύκλιος* (Ватиканскія схоліи), 3) *θεωρητικός, πρακτικός, ἀποτελεσματικός, περιποιητικός* (Ватиканскія схоліи), 4) *λογικός, πρακτικός* (Венеціанскія схоліи), 5) *λογικός, πρακτικός, ποιητικός, ἀποτελεσματικός* (Венеціанскія схоліи). Изъ книги Н. Г. Адонца я не могъ установить, какую схему изъ указанныхъ пяти принимаетъ въ своемъ толкованіи Давидъ при различеніи видовъ *τεχνῶν*. Авторъ пишетъ (стр. СХХIV): «Давидъ различаетъ въ искусствахъ полезное и вредное, доброе и злое»; къ вреднымъ относятся разные виды колдовства — это согласно и съ греческими толкователями, къ добрымъ же онъ относитъ «духовныя книги и писанія»; у греческихъ толкователей, какъ примѣры полезныхъ искусствъ, называются, конечно, не духовныя книги и писанія, а земледѣіе, кузнечное и плотничье ремесла. Любопытно было бы знать, имѣются ли указанія на нихъ и въ толкованіи Давида, или же онъ просто замѣняетъ примѣры, даваемые греческими схолистами, своими. И вообще, мнѣ кажется, въ интересахъ армянской филологіи было бы отмѣтить, что *нового, своего*, внесъ Давидъ въ свое толкованіе по сравненію съ тѣмъ (или тѣми) греческимъ оригиналомъ схоліи, какимъ онъ пользовался. Если Н. Г. Адонцъ прекрасно доказалъ то положеніе, что толкованіе Давида проникнуто духомъ греческихъ схолій къ Діонисію, что оно обнаруживаетъ много точекъ соприкосновенія съ греческими комментаріями, то онъ недостаточно рельефно подчеркнул, въ чемъ же толкованіе Давида отличается отъ греческихъ комментаріевъ, что *новаго* (или *ничего?*) оно по сравненію съ ними содержитъ. Полагаю, что сгруппировать эти черты было важно въ интересахъ армянской грамматической литературы, тѣмъ болѣе, что Давидъ, вѣдь, состоитъ представителемъ греко-пальской школы, а эта школа является нынѣ, по словамъ автора (Предисловіе), «камнемъ преткновенія» въ арменовѣдѣніи.

Другой примѣръ. Что разумѣютъ греческія схолии подъ λογικὰ τέχνη? Sch. Vat. 112,17: астрономію, геометрію, музыку, философію, медицину, грамматику, риторику; sch. Vat. 162,10: астрономію, геометрію; sch. Marc. 297,27: грамматику, риторику, медицину. По Давиду λογικὰ τέχνη распадается «на философію, медицину, грамматику и риторику» (стр. СХХV). Слѣдовательно, здѣсь толкованіе Давида совпадаетъ, главнымъ образомъ, съ показаніями Венеціанскихъ схолий, но и изъ Ватиканскихъ схолий онъ беретъ философію.

«Изъ практическихъ искусствъ полезными являются у Давида плотничество и кузнечество (τεκτονική, χαλκευτική, 110,20), а злопредными — смертоносныя лѣкарства (ср. φαρμακοπῶλαι и μυσφοί). Μυσφοί да и φαρμακοπῶλαι: врядъ-ли представители зловредныхъ искусствъ (κακοτεχνία); греческія схолии, какъ указываетъ и Н. Г. Адоицъ (стр. СХХIV), приводятъ ихъ въ примѣръ ψευδοτεχνία, лженскуства. Эти «лженскуства» пропали у Давида безслѣдно, или же они слились съ κακοτεχνία?

Стр. СХХIV: «Давидъ расходится съ греческими схоліями въ томъ, что признаетъ еще нѣчто среднее между означенными (полезными и вредными?) видами искусствъ, причѣмъ примѣромъ средняго изъ числа разумныхъ искусствъ приводитъ орхестіку (ср. ὀρχηστική, 122,24), а таковымъ изъ практическихъ — вооруженность лукомъ и копьемъ (ср. στρατηγική, 110,21)». Въ Ватиканскихъ схоліяхъ орхестіка и κισσάρηστικα относятся къ числу практическихъ искусствъ, которыя противопологаются теоретическимъ или разумнымъ; но въ тѣхъ же Ватиканскихъ схоліяхъ στρατηγική относится къ области практическихъ искусствъ, ἡ τις μηχαναὶς τεκαὶ ὀργάνοις τοὺς ἐναντίους καταγωνίζεται. Ясное дѣло, Ватиканскія схолии состоятъ изъ нѣсколькихъ наслоеній, по крайней мѣрѣ, двухъ, что и отмѣчено Гильгардомъ на стр. 115 его изданія, гдѣ онъ ставитъ черту между двумя отдѣлами схолий.

Вообще изъ дѣлаемыхъ Н. Г. Адоицемъ сопоставленій толкованія Давида съ греческими схоліями не легко усмотрѣть, держался ли онъ какого-либо принципа при своей работѣ, и, если держался, то какого? Была ли работа Давида болѣе или менѣе механической, или систематической? Что изъ греческихъ схолий Давидъ принималъ, что отвергалъ, что пересначивалъ, что добавлялъ отъ себя? На стр. СХХV—СХХVI своей книги Н. Г. Адоицъ говоритъ 1) о пространныхъ пролеγομένα къ схоліямъ, 2) о другихъ пространныхъ пролеγομένα, 3) о пролеγομένα краткой редакціи. На стр. СХХVII онъ указываетъ на «родство Давида съ краткими пролегоменами». Но встрѣчающееся у Давида ὁ διδασκαλικὸς и ἡ διάκρισις (см. стр. СХХVI) взято какъ разъ изъ пространныхъ пролеγομένα. Приходится скорѣе всего предпологать, что въ данномъ случаѣ Давидъ контаминировалъ пространныя и краткія пролеγομένα. Вѣроятнымъ представляется, что и вся его работа надъ греческимъ матеріаломъ, заключающимся въ схоліяхъ, носила такой же характеръ, но въ какой степени, сказать трудно; для этого пужно было бы произвести специальное разслѣдованіе. Требовать этого отъ Н. Г. Адоица было бы несправедливо и, до известной степени, даже жестоко, но поставить вопросъ, самъ собою напрашивающійся, о неизбѣжности такой работы ему, на мой взглядъ, слѣдовало бы уже по одному тому, что тогда все его изслѣдованіе изъ формально-филологическаго превратилось бы въ реально-филологическое.

Любопытное явленіе встрѣчается въ отдѣлѣ толкованій Давида о слогѣ. Здѣсь Давидъ даетъ объясненіе трехъ гомеровскихъ стиховъ, цитируемыхъ

Діонисіємъ, приче́мъ стихи эти «невѣрно освѣщаются Давидомъ» (стр. СІХ). Интересно то, что въ греческихъ схоліяхъ не встрѣчается толкованія гомеровскихъ стиховъ; только въ комментаріи Византіица дается нѣкоторое разъясненіе» (тамъ же). Н. Г. Адонцъ (стр. СХLІ) полагаетъ, что въ тѣхъ опибкахъ, какія встрѣчаются въ данномъ случаѣ въ толкованіи Давида, послѣдній обязанъ своему греческому источнику. Невольно хочется спросить: какому, коль скоро въ болѣе раннихъ схоліяхъ къ грамматикѣ Діонисія толкованіе гомеровскихъ стиховъ вообще отсутствуетъ, а появляется лишь въ византійскомъ комментаріи, т. е. не ранѣе VIII—IX в. Не было ли здѣсь обратнаго, т. е. вліянія армянскаго толкователя на византійскаго?

Задача доброжелательной критики заключается, однако, не въ томъ, чтобы указывать автору, чего въ его книгѣ нѣтъ, а въ томъ, чтобы отмѣчать, что въ ней есть и что здѣсь пуждается въ исправленіи. Мое общее сужденіе объ исполненной Н. Г. Адонцемъ работѣ высказано ранѣе достаточно опредѣленно. Что касается «фактическаго исполненія» произведенной авторомъ работы, то она, повторяю, выполнена превосходно; и лишь въ интересахъ разсматриваемой части труда Н. Г. Адонца я позволяю себѣ отмѣтить нѣсколько мелкихъ неточностей. На стр. СХХІІІ и СLXXXVIII неправильно указано, что *κατάληψις* можетъ восходить къ *καταλαμβάνω* и *καταλείπω*: только къ первому, такъ какъ отъ *καταλείπω* было бы *κατάλειψις*. Стр. СХХVІІІ: «такъ какъ по Платону *воздухъ* не признается тѣломъ»; не воздухъ, а *звукъ*: ὁ δὲ Πλάτων τὴν φωνὴν οὐ δοξάζει σῶμα. Стр. СХХХІV: «чтеніе есть *возстановленіе* прежнихъ познаній души», точнѣе *узнаваніе* — ἀναγνώρισις. Тамъ же *νέοι* понимается «въ смыслѣ незрѣлыхъ представителей философіи»; врядъ ли правильно: *νέοι* въ схоліяхъ употребляется въ обычномъ значеніи, и въ данномъ мѣстѣ означаетъ, вѣроятно, молодыхъ послѣдователей, своего рода неопитовъ. На стр. СХХХVІ и СLXXXІІІ греческія цитаты даны въ слишкомъ сокращенномъ, а потому и мало понятномъ видѣ. На стр. СХLІ с.л. богъ *Діонисъ* нужно поставить вездѣ вмѣсто *Діонисіѳ*. Стр. СХLІІ рѣчь идетъ о происхожденіи греческой трагедіи, приче́мъ авторъ замѣчаетъ: «какъ извѣстно, въ происхожденіи трагедіи, дѣйствительно, играетъ роль козель, котораго, какъ опустошителя садовъ, приносили въ жертву покровителю винограднака Діонису, и въ это время расцвѣвались пѣснопѣнія, называвшіяся трагедіями, пѣснями при закланіи козла. Упомянутое о Діонисѣ, какъ о творцѣ виноградной лозы, можетъ быть истолковано въ смыслѣ болѣе вѣрнаго пониманія происхожденія трагедіи у Давида, тѣмъ у греческихъ грамматиковъ». Нѣтъ, Давидъ тутъ не превзошелъ греческихъ грамматиковъ, ибо трагедія получила свое названіе отъ того, что τὰ πολλὰ οἱ χοροὶ ἐκ Σατύρων συνίσταντο, οὓς ἐκάλουν τράγους» (Большой Этимологикъ).

Тамъ же: по поводу комедіи у Мелампода говорится, что ее нужно *читать* βιωτικῶς, τοῦτέστιν ὡς ἐν τῷ βίῳ. Стр. СХLVI: «§ 4. О точкѣ»; лучше «о пунктуациѣ». Стр. СХLIX: «§ 5. О рандодіи»; лучше «о декламациѣ». Стр. СХХVІІІ: Н. Г. Адонцъ, повидимому, удивляется, почему Діонисіѳ былъ прозванъ Фракіицемъ, хотя онъ былъ изъ Византіи; но, вѣдь, городъ Византіи причислялся къ Фракіи. Стр. I: проще было бы, вмѣсто указанія на годы правленія Птолемаи Филометора указать на приблизительное время жизни Діонисія Фракійскаго — 170—90. На стр. II слѣдуетъ исправить двѣ досадныя опечатки: «Ремію Палемону» вм. Полемону и «при императорѣ Антонинѣ ІІи» вм. Аптонинѣ Реѣ; на стр. СХLVI надо послѣ τίως поставить знакъ вопроса, а на стр. СХLVIІа τόπος исправить на τόποι.

Обыкновенно Н. Г. Адонцъ переводитъ армянскія цитаты по-русски, по на стр. СХХІІІ, СХХХVІІ, СХІІІ, СХLV, CLV онъ оставляетъ ихъ безъ перевода, что затрудняетъ пониманіе соответствующихъ мѣстъ книги для лица, не знающаго по-армянски.

Отмѣчу, наконецъ, что неоднократно встрѣчающійся терминъ «техникъ» соотв. *τεχνικός*, означаетъ грамматика спеціалиста, подобно тому какъ и грамматика называется *τεχνική* (подр. *τέχνη*). Во II в. до Р. Хр. грамматика обособилась ужъ въ отдѣльную отрасль филологіи подъ названіемъ *γραμματική* (*τέχνη*).

Вотъ и всѣ мелочи, которыя стоить отмѣтить въ изслѣдованіи Н. Г. Адонца, посвященномъ сличенію армянскихъ толкованій на Грамматику Діонисія съ толкованіями греческими. Остается привѣтствовать это прекрасное изслѣдованіе какъ крѣпкое звено, соединяющее двѣ, на первый взглядъ отдаленныя, а на самомъ дѣлѣ близкія филологическія дисциплины.

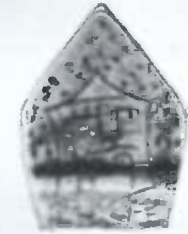
С. Жебелевъ.

Ковшъ съ армянской надписью 1549 г.

Ручка ковша сверху.

Ручка ковша снизу.

Ковшъ съ армянской надписью 1549 г.

2. Ручка ковша съ греческой надписью.

3. Дно ковша съ греческой надписью 1586 г.

1. Дно ковша съ армянской надписью 1549 г.

Ковшъ съ греческой надписью 1586 г.

«Хоругвь Просвѣтителя» 1448 г.

«Хоругвь Провѣдителя» 1448 г.

Орлець католикоса Фидишна 1651 г.

На престольный покрывъ 1723 г.

Рис. 1.

$\frac{3}{4}$ человеческого роста.

Рис. 2.

Неполированные карасы.

Рис. 3. Полированный карась.

Рис. 1. Полированный карась.

Рис. 2. Полированный карась.

Рис. 1. Рельефъ барса на карасѣ древнѣйшаго типа.

Рис. 2. Рельефъ караса переходной эпохи.

Рис. 1. Кирпичъ съ рельефными изображеніями изъ Паша-Гега, Эриванской губ.

Рис. 2. Фрагментъ караса изъ г. Армавира, Эриванской губ.

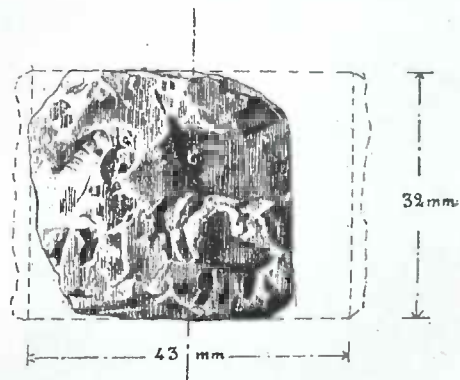

Рис. 1.

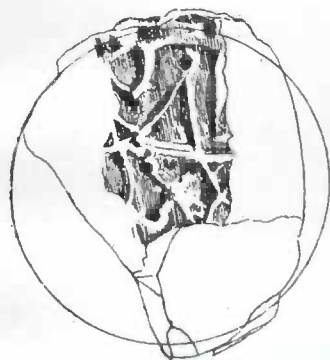

Рис. 2.

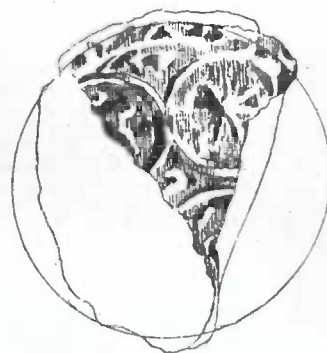

Рис. 3.

Рис. 4.

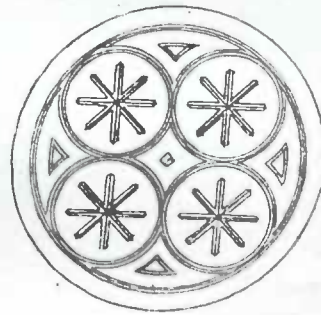

Рис. 5.

Форма для нанесенія орнаментальныхъ поясовъ (въ натур. величину).

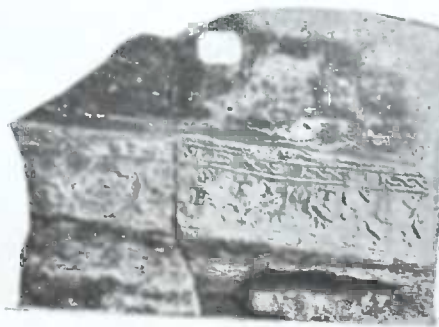

Рис. 1.

Рис. 2.

Образцы орнаментированныхъ поясовъ древней эпохи.

Рис. 1.

Рис. 2.

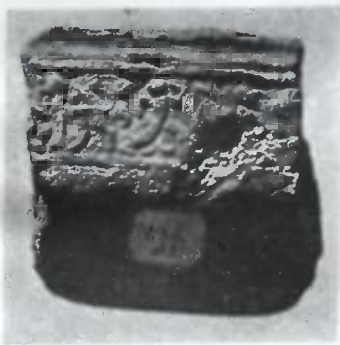

Рис. 3.

Рис. 4.

Образцы орнаментированныхъ поясовъ древней эпохи.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Образцы орнаментированныхъ полей переходной эпохи.

Рис. 1.

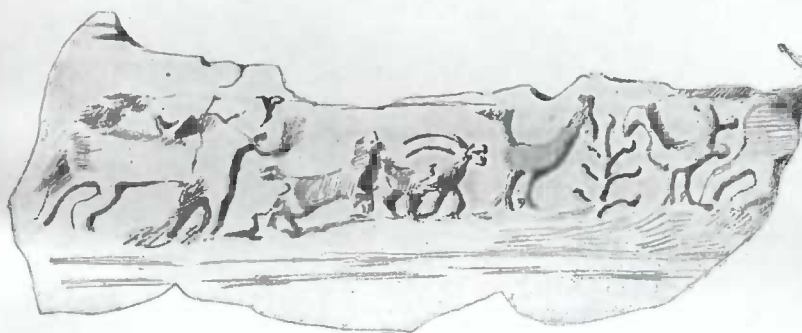

Рис. 2.

Рис. 3.

Образцы орнаментированныхъ полсовъ переходной эпохи.

Рис. 1.

Рис. 2.

Образцы орнаментованныхъ носовъ переходной эпохи.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Образцы орнаментированныхъ поясовъ новаго времени.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Образцы орнаментированныхъ поясовъ новаго времени.

Рис. 1.

Рис. 2.

Образцы орнаментированныхъ посуды новаго времени.

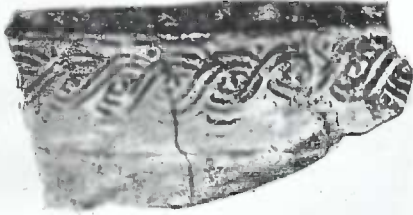

Рис. 1.

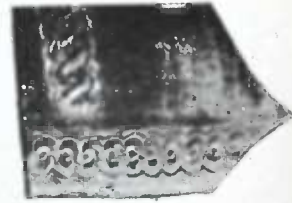

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

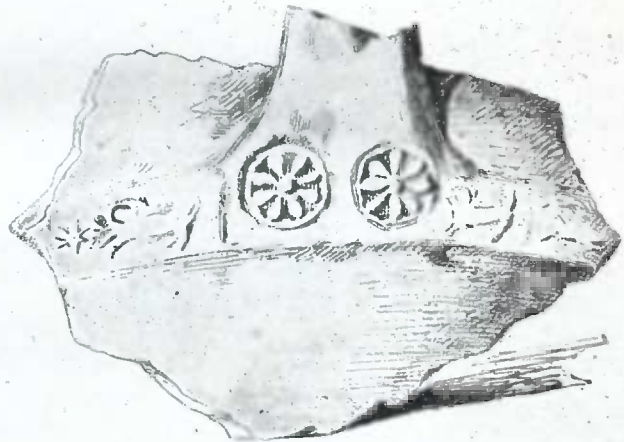

Рис. 7.

Карасные пояса геометрическаго орнамента.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

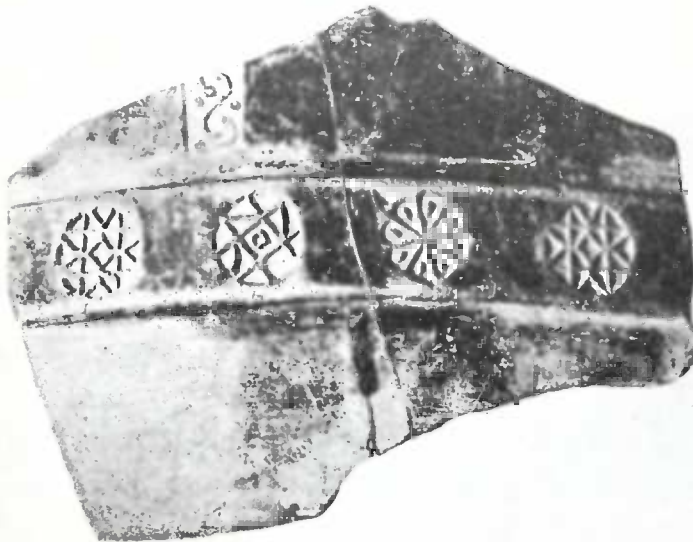
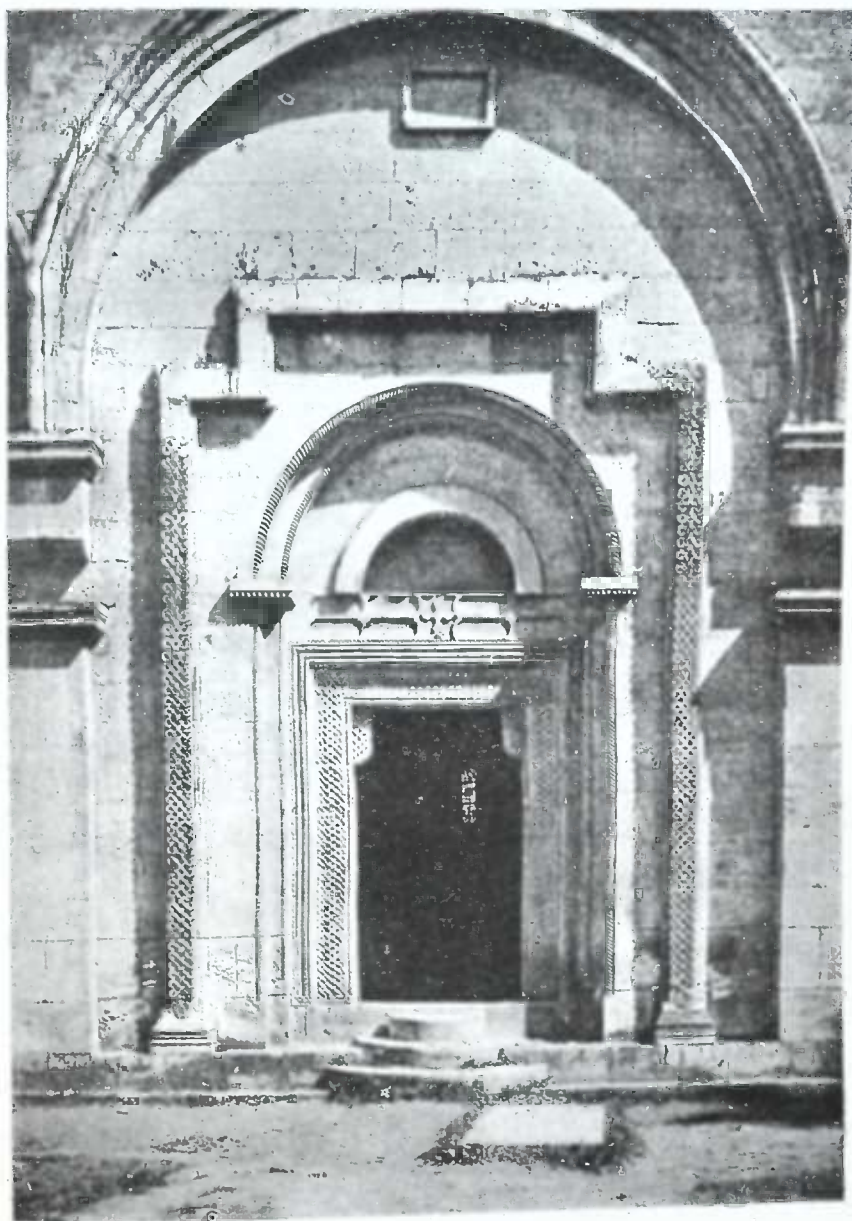

Рис. 5.

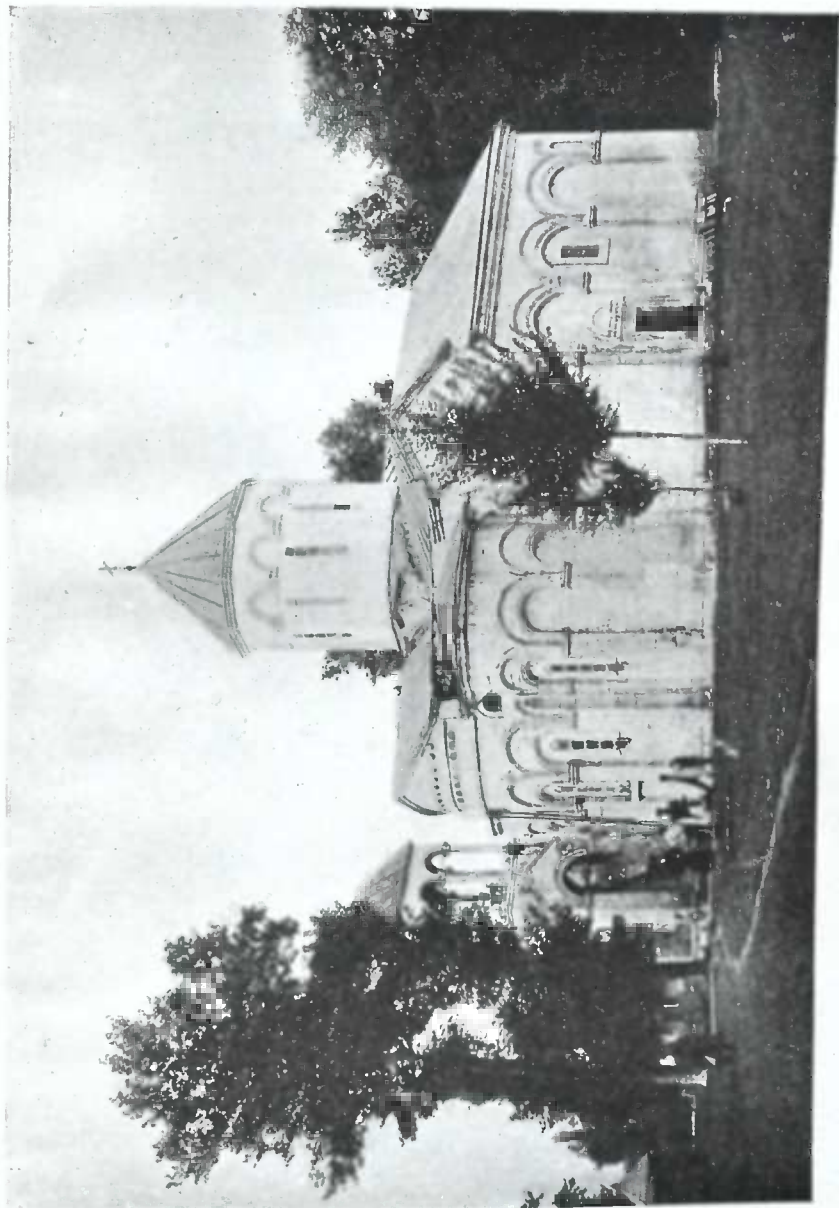
Карасные пояса геометрическаго орнамента.

Южная дверь.

Западная дверь.

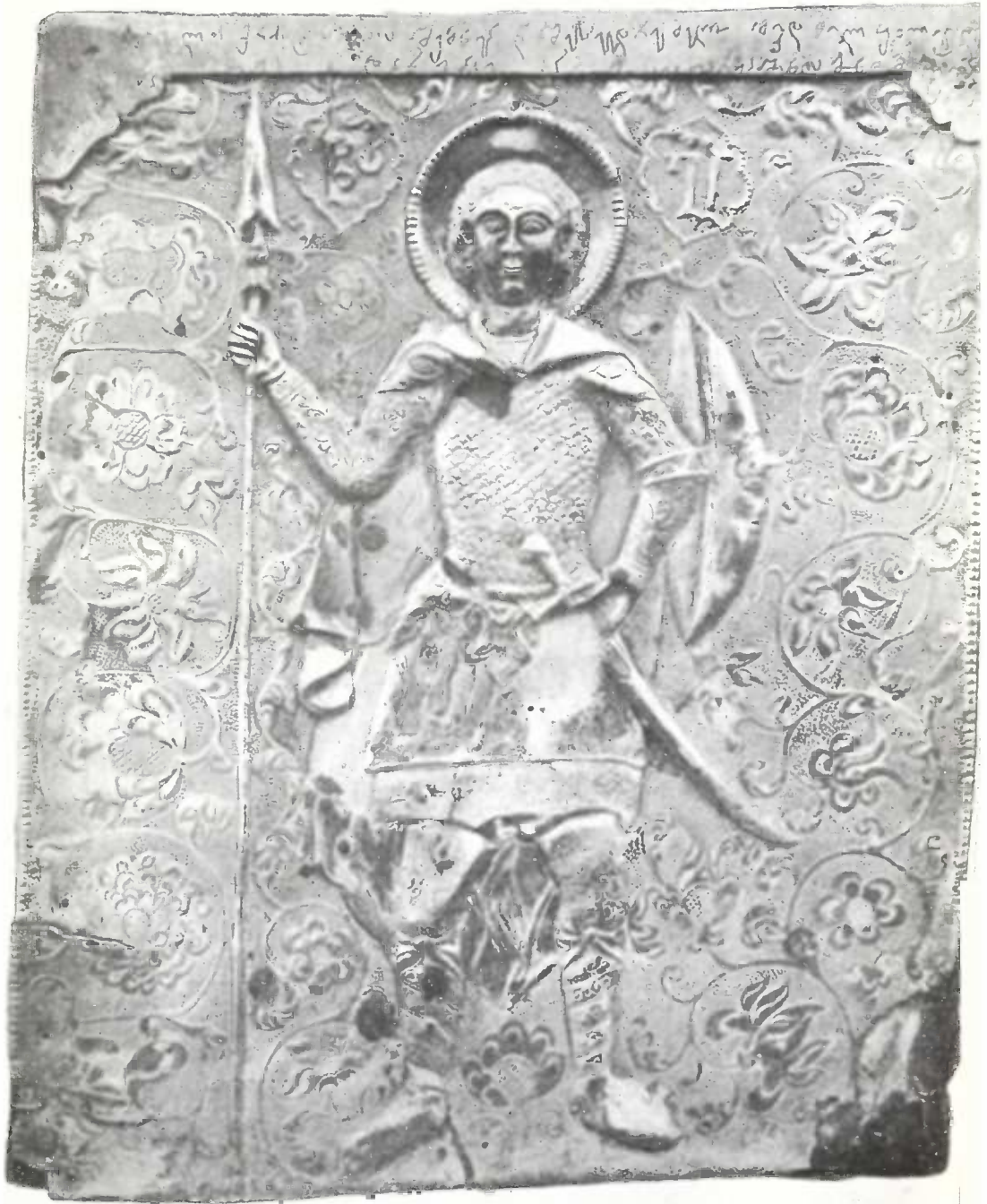
Общій видъ (видъ съ сѣв.-востока).

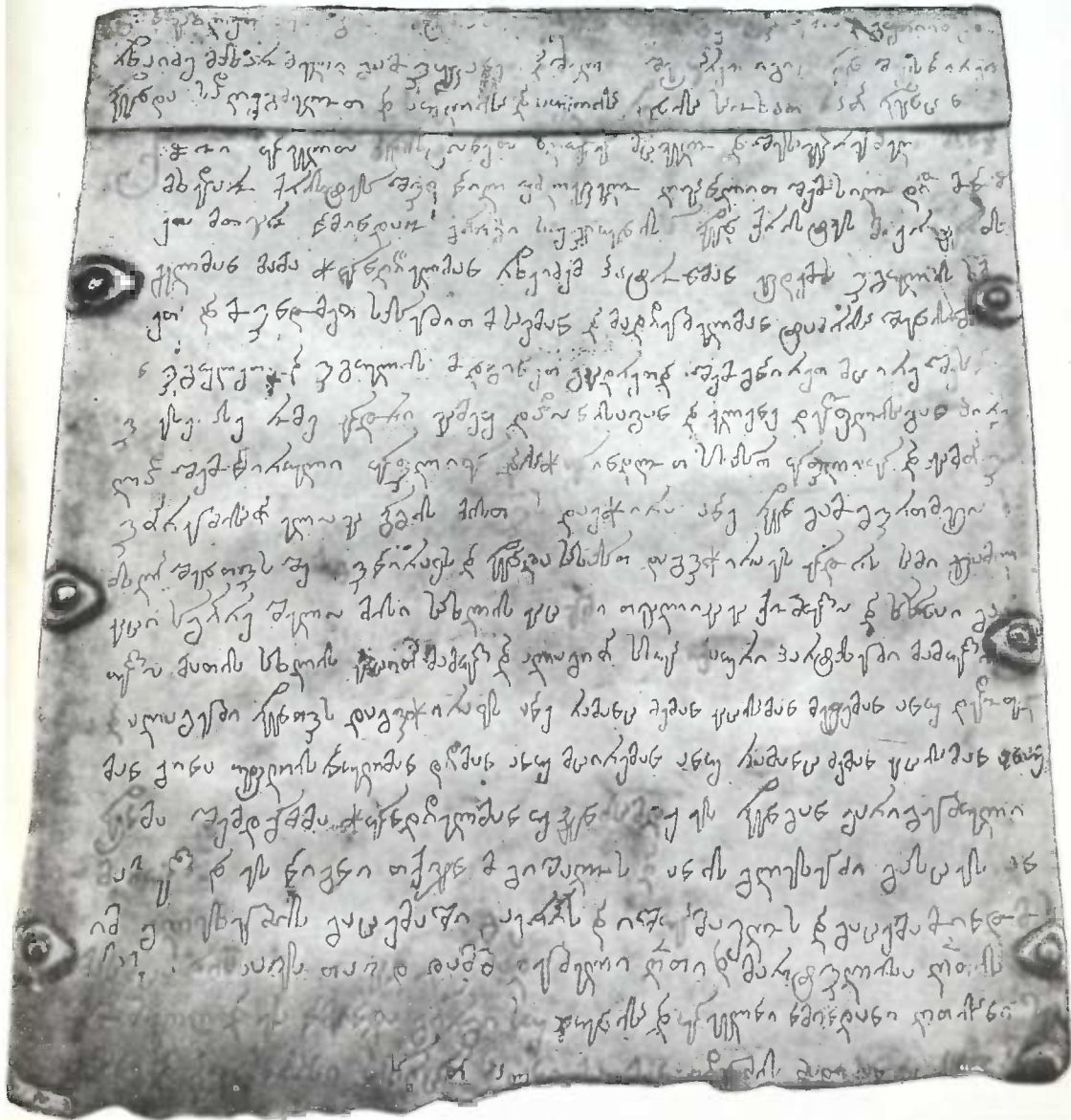
Образъ св. Георгія серебряный, работа 1646 г.

Образ св. Георгия серебряный, работа XVII—XVIII вв.

Образъ св. Георгія серебряный, работа XVIII вѣка.

Падпись военнымъ письмомъ на образѣ св. Георгіа (стр. 44,4а—45,б и 44,1-20).

1. Образъ св. Георгия серебро-позолоченный съ мощами, работа XVIII вѣка.

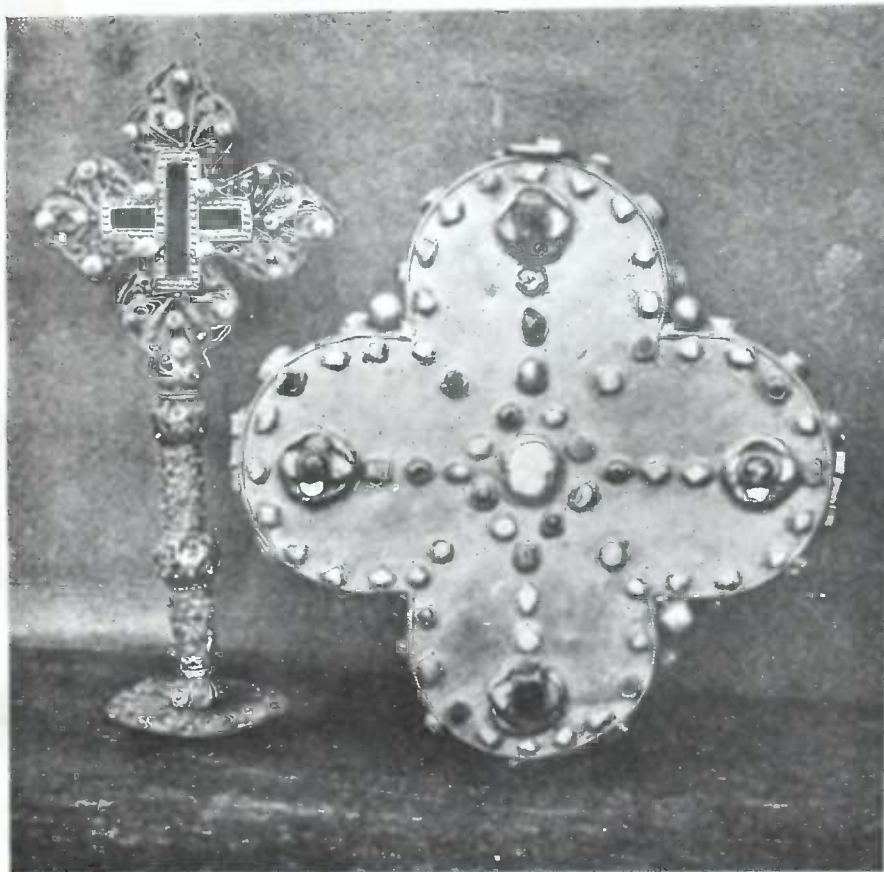
2. Обратная сторона того же образа (стр. 40).

Образъ св. Георгія серебряный, работа XVIII вѣка.

Образъ св. Георгія, работа XVIII вѣка.

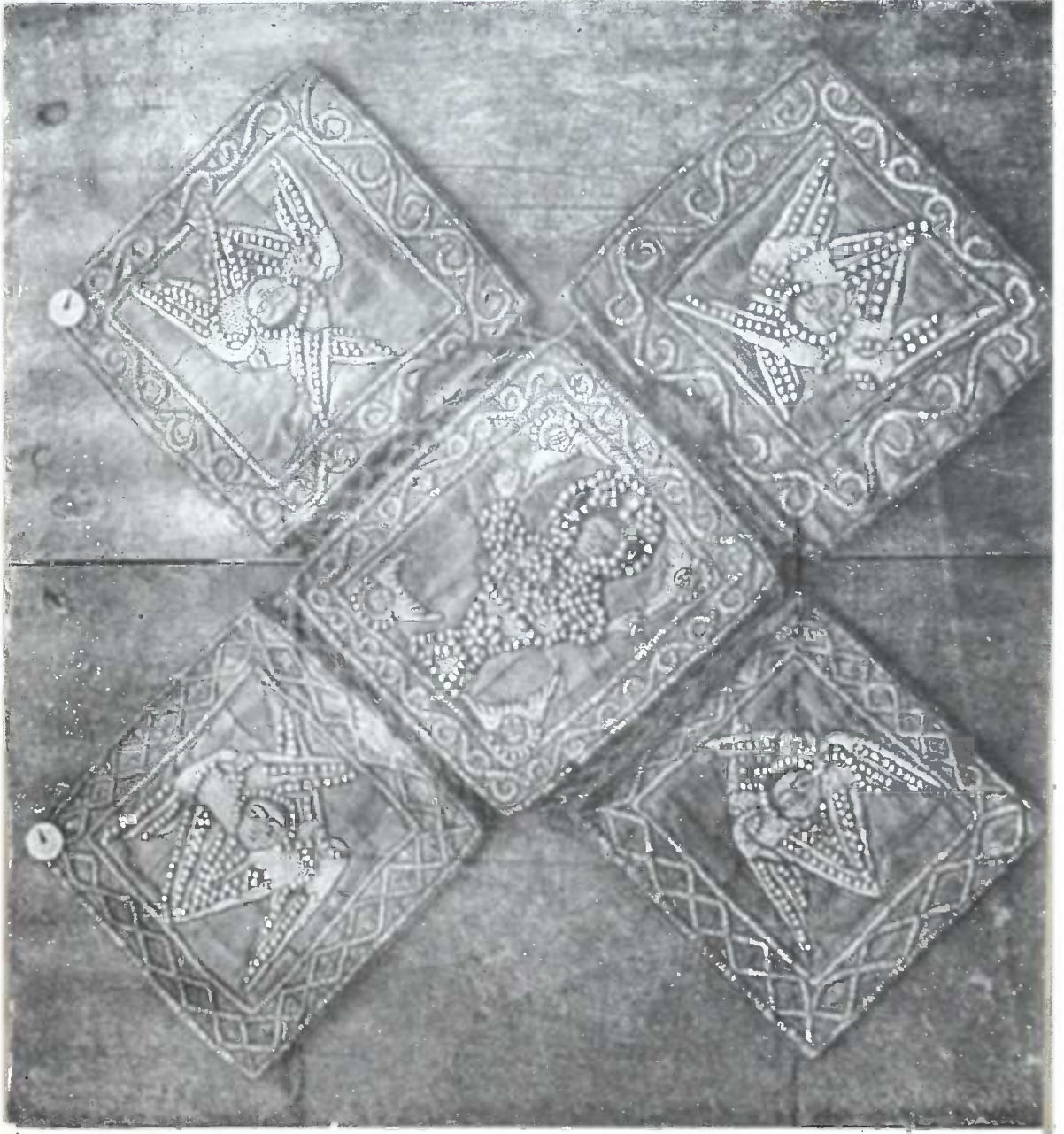

1. Крестъ ажурной работы,

2. Дарохранильница.

Покровъ изъ парчи, работа княгини Родагь Чиковани.

Воздухи изъ парчи, работа княгини Родамъ Чиковани.

NE	Notices et extraits des manuscrits.	TLZ	Theologische Literaturzeitung.
NE	Νέα Σιών.	ZA	Zeitschrift für Assyriologie.
OA	Orientalisches Archiv.	VGWL	Verhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.
OCh	Oriens Christianus.	WZKM	Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes.
PEF	Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement.	ZÄS	Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde.
PG	Patrologia graeca	ZDMG	Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.
PL	Patrologia latina	BB	Богословскій Вѣстникъ.
Phil	Philologus.	BBp	Византийскій Временникъ.
PO	Patrologia Orientalis.	ЖМНПp	Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
PSBA	Proceedings of the Society of biblical Archaeology.	ЗВО	Записки Вост. Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общества.
RA	Revue archéologique.	ЗКО	Записки Классич. Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общ.
RAfr	Revue africaine.	ИАК	Извѣстія Имп. Археол. Коммиссіи.
RAcL	Reale Accademia dei Lincei.	ИАН	Изв. Извѣстія Имп. Академіи Наукъ.
RB	Revue biblique.	ИРАрхИнстКП	Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ.
RE	Revue Égyptologique.	МАК	Матеріалы по Археологіи Кавказа.
REG	Revue des études grecques.	ПрСоб	Православный Собесѣдникъ.
RG	Revue de géographie.	СМК	СМ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа.
RH	Revue historique.	ТР	Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи, изд. Факультетомъ Вост. языковъ Имп. Петрогр. Унив.
RHE	Revue d'histoire ecclésiastique.	ТрКА	Труды Кіевской Духовной Академіи.
RHR	Revue de l'histoire des religions.	ХВ	Христіанскій Востокъ.
RL	Revue linguistique.	ХрЧт	Христіанское Чтеніе.
RO	Roma e l'Oriente.	Ա	Անահիտ.
ROC	Revue de l'Orient Chrétien.	ԱԲ	Արարատ.
RPL	Revue de philologie d'histoire et de littérature anciennes.	ԱՀ	Ազգագրական Հանդես.
RQuS	Römische Quartalschrift.	ԲԿ	Բազմապէս.
RStO	Rivista degli Studi Orientali.	Գա	Գեղարուեստ.
RMasp	Recueil des travaux relat. philolog. et archéol. égypt. et assyr.	ՀԱ	Հանդես Ամսօրեայ.
RTP	Revue des traditions populaires.		
SAkB	Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.		
SAkW	Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften. Wien.		
SAkH	Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften.		
StGK	Studien zur Geschichte und Kultur des Alterthums.		

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Ноябрь, 1916 годъ.

Исполнительный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

Въ ближайшихъ выпускахъ „Христіанскаго Востока“ предполагено печатать:

Адонцъ, Н. Г. Фаустъ Византійскій, какъ историкъ.

Бенешевичъ, В. Н. Грузинскій великій номоканонъ по спискамъ Тифл. Церк. Музея (окончаніе).

Джанашія, Н. Абхазскій культъ и бытъ.

Дьяконовъ, А. П. Къ исторіи сирійскаго сказанія о св. Марѣ-Авгеннѣ.

Меликсетъ-Беконъ, Л. Грузинскій изводъ сказанія о постѣ «араджаворъ».

Марръ, Н. Я. Замѣтки по текстамъ св. Писанія въ древнихъ переводахъ армянъ и грузинъ. §§ 85 сл.

Изданіе выходитъ въ свѣтъ выпусками по 6—8 печатныхъ листовъ, по возможности, въ три срока: въ апрѣлѣ, августѣ и декабрѣ.

Цѣна 2 руб.; — Prix 2 rbl.

Продается въ Книжномъ Складѣ Императорской Академіи Наукъ и у ея комиссіонеровъ:
И. И. Глазунова и Н. Л. Рикера въ Петроградѣ, М. П. Карбасникова въ Петроградѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ Петроградѣ и Кіевѣ, М. Киммеля въ Ригѣ, Люзанѣ и Нонп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

J. Glazounov et C. Ricker à Petrograd, M. Karbasnikof à Petrograd, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Ogloblin
à Petrograd et Kiev, N. Kimmel à Riga, Luzac & Cie à Londres.